
W 429/618

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

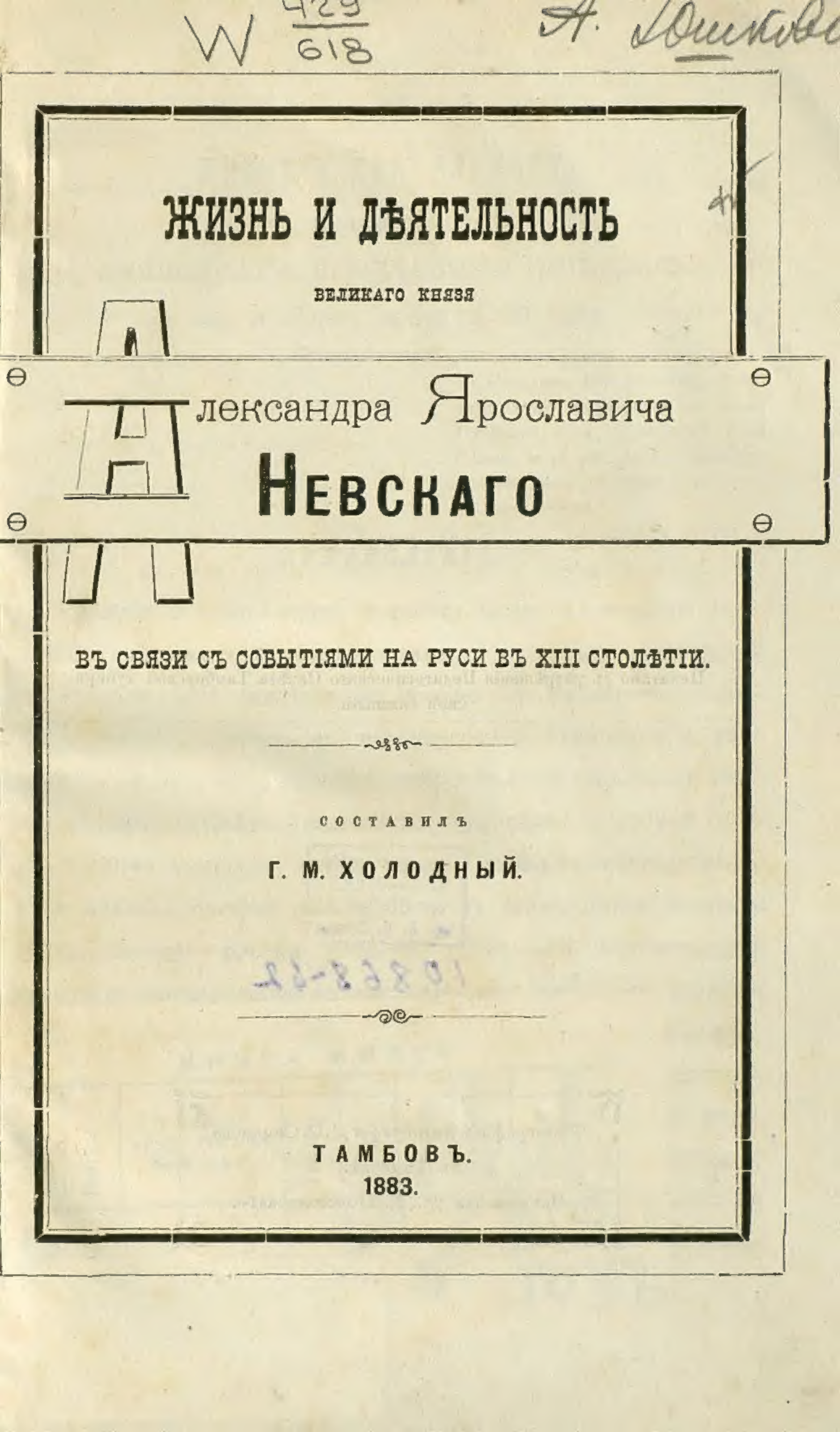
Александра Ярославича
НЕВСКАГО

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОБЫТІЯМИ НА РУСИ ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. ХОЛОДНЫЙ.

ТАМБОВЪ.
Типографія Д. С. Семенова.
1883.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

великаго князя

Александра Ярославича Невскаго

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОБЫТІЯМИ НА РУСИ ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

СОСТАВИЛЪ

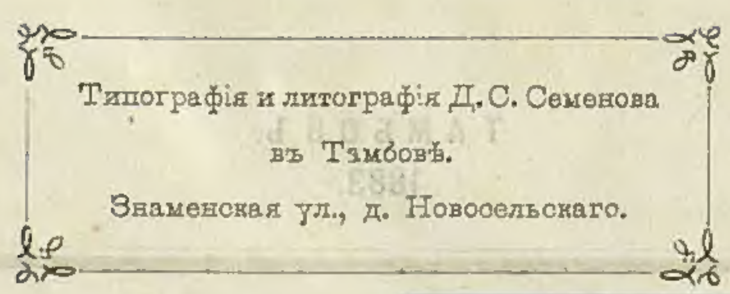
Г. М. ХОЛОДНЫЙ.

ТАМБОВЪ.

1883.

Печатано съ разрѣшенія Педагогическаго Совѣта Тамбовской губернской гимназіи.

Типографія и литографія Д. С. Семенова
въ Тамбовѣ.
Знаменская ул., д. Новосельскаго.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

великаго князя

АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКАГО

въ связи съ событіями на Руси въ XIII столѣтіи.

„Прослави Богъ угодника своего, иже много тружшеся за землю Русьскую, и за Новъгородъ, и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за православную вѣру.“

Соф. л. I. 191.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жизнь и дѣятельность великаго князя Александра Ярославича Невскаго, одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей на Руси въ XIII столѣтіи, не только представляетъ чрезвычайно много интереса въ историческомъ отношеніи и объясняетъ намъ многія явленія этой печальной эпохи, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ прекраснымъ образцомъ глубокой государственной мудрости, труда, энергіи и самопожертвованія— ради пользы Русской земли. Если къ этому присоединить и другія высокія личныя качества князя:—его поразительную храбрость, соединенную съ высокою гуманностью, его истинно христіанское смиреніе, соединенное съ глубокою, непоколебимою вѣрою въ Бога, наконецъ, всю его истинно святую жизнь,—то намъ станетъ понятнымъ, почему почти всѣ наши лѣтописцы останавливаются съ особеннымъ вниманіемъ и любовью на этой высокой и свѣтлой личности, рѣзко выдѣляющейся на фонѣ мрачной и бѣдной свѣтлыми событіями эпохи. Не толь-

ко съ любовью, но и съ необыкновеннымъ уваженіемъ лѣтописцы приступаютъ къ составленію жизнеописанія Александра Ярославича, начиная свое повѣствованіе обыкновенно такъ: „О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный, и малосмысленный, *покушаюся писати* житіе святаго и великаго князя Александра Ярославича"... (Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VII, 146), или: „О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, *о умномъ, и кроткомъ, и смысленномъ, о храбромъ*, тезоименитомъ царя Александра Макидоньского"... (П. С. Р. Л. т. V, 176). Уже съ первыхъ словъ лѣтописей мы можемъ заключить, что лѣтописцы описываютъ жизнь не зауряднаго князя, но выдающейся личности, сильно поразившей своею дѣятельностью современниковъ—не только русскихъ, но и иностранцевъ—западныхъ и восточныхъ. Но, не смотря на все важное значеніе Александра Ярославича въ жизни Русской земли того времени, лѣтописныя извѣстія о немъ отличаются совершенно внѣшнимъ характеромъ и такого свойства, что съ перваго взгляда отнимаютъ всякую надежду на извлеченіе изъ нихъ сколько-нибудь полной и опредѣлительной характеристики такой крупной исторической личности, какою является Александръ Невскій. Описывая событія этой эпохи, намъ приходится имѣть дѣло съ скудными лѣтописными источниками, въ которыхъ трудно найти разъясненіе многихъ важныхъ событій, трудно найти отвѣтъ на тѣ вопросы, разъясненіе которыхъ не только интересно, но и необходимо для правильнаго пониманія совершавшихся событій.

Нашъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, вотъ какъ характеризуетъ трудъ изслѣдователя XIII и XIV столѣтій. „Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкахъ, когда онъ остается съ одною сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся: ни они сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія. Какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только то, что „много нѣчто нестроеніе бысть." (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, 371). Достаточно и этихъ словъ, чтобы понять, съ какимъ

именно матеріаломъ намъ пришлось имѣть дѣло при разборѣ событій XIII столѣтія. Если читатель встрѣтитъ въ нашемъ разсказѣ цѣлый рядъ ретроспективныхъ обозрѣній, какъ будто имѣющихъ мало отношенія къ главному предмету, и различныя отступленія, не находящіяся въ непосредственной связи съ главнымъ сюжетомъ разсказа,—то всему этому можно найти нѣкоторое оправданіе, принявъ во вниманіе характеръ источниковъ, на основаніи которыхъ составлено сочиненіе.

Въ заключеніе прибавимъ, что, составляя жизнь и дѣятельность Александра Ярославича Невскаго преимущественно на основаніи точныхъ лѣтописныхъ сказаній, мы старались изложить наши мысли въ формѣ, доступной пониманію не только людей ученыхъ, но и учащихся. [1])

Гр. Холодный.

15 Мая 1883 г.
Тамбовъ.

---

[1]) При Тамбовской губернской гимназіи существуетъ храмъ въ память святаго великаго князя Александра Невскаго, поэтому знакомство съ жизнью и дѣятельностью этого князя для учащихся въ Тамбовской гимназіи представляетъ особый интересъ.

I.

„Смири Господь Богъ Рускую землю нахожденiемъ иноплеменникъ.“
Твер. л. 365.

Азія, этотъ старо-давній разсадникъ народовъ, постоянно высылала часть своего населенія въ другія страны свѣта еще въ то отдаленное время, когда единственнымъ источникомъ исторіи были однѣ народныя преданія да пѣсни. Время отъ времени народъ толпами или отдѣльными племенами двигался на западъ. Такъ мало-по-малу населились всѣ страны Европы. Затѣмъ это общее движеніе прекратилось—наступило затишье. Государства и гражданственность свободно развивались на Европейской почвѣ до періода великаго переселенія народовъ, что произошло уже въ началѣ среднихъ вѣковъ. Это передвиженіе народовъ составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, но вмѣстѣ и самыхъ грустныхъ и тяжелыхъ періодовъ для всѣхъ народовъ Европы. Общее движеніе, ознаменованное характеромъ жестокихъ войнъ и опустошеній, началось изъ-за Уральскихъ горъ, а толчокъ этому движенію сообщили Гунны—дикій народъ, жившій у южныхъ Сибирскихъ озеръ, у восточнаго склона Уральскихъ горъ и въ степяхъ къ с. з. отъ предѣловъ Китайской имперіи.

Достовѣрно неизвѣстно,—сильный-ли непріятель или врожденная наклонность заставили этотъ страшный какъ по наружности, такъ и по характеру, народъ оставить свои старыя кочевья и искать новыхъ. Въ 366 году азіатскіе степняки двинулись на западъ. Увлекая на своемъ пути другіе народы, численностью далеко уступавшіе имъ, Гунны перешли за Уральскія горы, опустошили юго-восточную Европу, разбили и выгнали оттуда храбрыхъ Алановъ и двинулись далѣе на западъ, не встрѣчая на своемъ пути нигдѣ серьезнаго сопротивленія; только въ 376 году, недалеко отъ береговъ Дуная, встрѣтился имъ довольно

сильный непріятель Вестъ-Готы, но сильный на столько, что не могъ остановить движенія этой страшной живой лавы, истреблявшей па своемъ пути все и превращавшей въ пепелъ и развалины. Движеніе этихъ варваровъ грозило гибелью не только отдѣльнымъ государствамъ, но и существованію цѣлыхъ европейскихъ народовъ и самой греко-римской цивилизаціи, успѣвшей уже пустить ростки на новой почвѣ. Страхъ былъ всеобщій и основательный. Вестъ-Готы, не выдержавъ сильнаго и внезапнаго натиска, бѣжали за Дунай и поселились въ предѣлахъ Восточной Римской Имперіи. Спустя короткое время, Готы въ свою очередь, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, двинулись на западъ. [1]) Италія и Римъ сдѣлались жертвою этого движенія (410 г.).

Толчокъ, данный Гуннами, сообщилъ движеніе всѣмъ народамъ Германіи, и въ началѣ V вѣка Франки, Свевы, Вандалы, остатки Алановъ и другіе народы—перешли Рейнъ и вторгнулись въ предѣлы беззащитной Западной Римской Имперіи. Одни изъ этихъ народовъ остались въ Галліи, а другіе двинулись дальше. Высокія и трудныя для перехода Пиренеи не остановили ихъ: вся сѣверная Испанія была наводнена ими. Тѣснимые туземцами, народы, перешедшіе въ Испанію, должны были искать себѣ другой болѣе удобной и безопасной страны. Незначительная ширина Гибралтара, отдѣляющаго Испанію отъ Африки, дала возможность Вандаламъ перебраться за Средиземное море, на богатое Африканское прибрежье. Движеніе на югъ и западъ этимъ и закончилось; далѣе идти уже нельзя было: съ юга—Сахара, а съ запада—Атлантическій океанъ

[1]) Вестъ-Готы подъ начальствомъ Алариха, опустошивъ Македонію и Грецію, напали на Италію. Здѣсь они были отражены германскими войсками, предводительствуемыми Стилихономъ. Но когда Гонорій, императоръ Зап. Рим. Имперіи, приказалъ убить Стилихона, то Аларихъ объявилъ себя мстителемъ за даровитаго варвара, явился подъ стѣнами Рима и предалъ грабежу и разоренію *вѣчный городъ*.

остановили ихъ движеніе. Богатая мѣстность Триполиса и Алжира сдѣлалась гнѣздомъ, гдѣ поселились эти кочующіе варвары, не имѣвшіе понятія ни о цивилизаціи, ни о мирной гражданственности. Смѣшавшись съ другими народами, они въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ высылали своихъ пиратовъ на Средиземное море.

Небольшой проливъ, отдѣляющій Британію отъ континента, также служилъ слабымъ препятствіемъ для перехода народовъ Германскаго происхожденія, которые тоже двинулись вслѣдствіе первоначальнаго толчка и населили острова Нѣмецкаго моря.

Переселеніе кончилось, какъ кончилось существованіе той силы, которая сообщила все это движеніе: соединенныя племена Германцевъ и Римлянъ уничтожили страшную истребительную силу Гунновъ. Битва на Шалонскомъ полѣ (451 г.) довершила уничтоженіе, и Аттила, этотъ бичъ Божій, этотъ Наполеонъ начала среднихъ вѣковъ, пришедшій въ Галлію съ съ 700,000 варваровъ, бѣжалъ назадъ, какъ бѣжалъ Наполеонъ изъ холодной Россіи въ 1812 году.

Смерть Аттилы (453 г.) служила сигналомъ разложенія и самоуничтоженія его воинственной разноплеменной орды. Разложеніе этой орды служило, такъ сказать, прологомъ къ той печальной драмѣ, сюжетъ которой составляетъ разложеніе и раздробленіе на мелкія государства великой когда-то Римской Имперіи. Государства, образовавшіяся на развалинахъ Римской Имперіи, скоро начинаютъ крѣпнуть и образуютъ значительныя державы, изъ которыхъ главными сдѣлались тѣ, которыя образовались изъ племенъ Галловъ и Германцевъ. Христіанская вѣра укрѣпила эти державы, а эта крѣпость дала имъ возможность располагать въ будущемъ судьбами другихъ народовъ.

Такъ дѣла происходили на Западѣ. Что же было на Востокѣ?

Широкія, открытыя ворота изъ Азіи въ Европу, черезъ которыя прошли Гунны, дѣлали свободнымъ проходъ и для другихъ азіатцевъ въ восточную часть этой страны—нынѣшнюю Россію. Народъ за народомъ двигался сюда. Не прошло и 100 лѣтъ послѣ нашествія Гунновъ, какъ явились храбрые и гордые Авары или Обры. Расположившись своими кочевьями между берегами Волги и Дона, Авары около 200 лѣтъ хозяйничали на этомъ пространствѣ, не стѣсняемые никѣмъ. Но народъ дикій и кочевой, неспособный къ осѣдлой государственной жизни, Авары около половины VIII столѣтія начали производить свои нападенія на Дунайскихъ и Богемскихъ Славянъ, не оставляя въ покоѣ и владѣній императора Карла Великаго. Но эти нападенія были предсмертными судоргами народа, оканчивавшаго свою жизнь на поприщѣ исторіи. Ослабленное постоянными войнами, могущество Аваровъ скоро начинаетъ упадать, а послѣ 796 года, послѣ знаменитаго пораженія ихъ Карломъ Великимъ въ Паннопіи, Авары принуждены были отказаться отъ своихъ притязаній на господство надъ Дунайскими Славянами и Болгарами и къ половинѣ IX вѣка, сдѣлавшись христіанами, они слились съ народами, среди которыхъ доживали свои дни.

Вслѣдъ за Аварами на обширныхъ степяхъ юго-восточной Европы въ IX вѣкѣ появляется смѣшанный народъ Козары. Но въ то время, какъ юго-востокъ занимали все еще пришлые азіатцы, на сѣверо-западѣ нынѣшней Россіи и по теченію Днѣпра начали селиться и группироваться племена великой Славянской семьи.

Девятый вѣкъ,—вѣкъ, который по справедливости можно назвать временемъ образованія государствъ въ Европѣ—послѣ распаденія знаменитой Карловой монархіи, былъ также временемъ, въ которое и сгруппировались племена восточной Европы, при быстрой централизаціи, но при отсутствіи

внутренняго порядка, почувствовавъ необходимость въ призывѣ князя, и тѣмъ положили начало образованію Русскаго государства. Въ началѣ второй половины IX вѣка явились къ Русскимъ Славянамъ призванные варяжскіе князья. Ихъ было нѣсколько. Одни изъ нихъ поселились на сѣверѣ, а другіе на югѣ. Прошло 126 лѣтъ послѣ прихода варяжскихъ князей и Русскіе Славяне приняли христіанство. Христіанская религія служила средствомъ сліянія и укрѣпленія народовъ восточной Европы. Гражданственность установилась, и жизнь, хотя полная междоусобій и безпорядковъ, потекла по пути къ прогрессу. Все, казалось, шло своимъ чередомъ.... но Азія еще не забыла своей старой роли—надѣлять Европу пришлыми народами.

Вслѣдъ за Аварами и Козарами появились Печенѣги, на смѣну имъ пришли изъ Азіи Половцы и заняли весь югъ Россіи, распоряжаясь имъ въ качествѣ хозяевъ до начала XIII вѣка, когда въ послѣдній разъ дикіе сыны Азіи опять нагрянули на Европу:—это были Татары, къ первоначальной исторіи которыхъ мы теперь и обратимся, считая это необходимымъ для уясненія послѣдующаго хода событій на Руси.

Гунны, какъ мы уже сказали, занимали пространство къ сѣверо-западу отъ Китайской имперіи, преимущественно мѣстность по восточному склону Уральскихъ горъ. Все же остальное огромное пространство Средней Азіи, между Сибирскими горами и Гималаемъ, съ сѣвера и юга, и между Каспійскимъ моремъ—съ одной стороны, Японскимъ и Охотскимъ—съ другой, съ незапамятныхъ временъ было населено кочевыми народами, принадлежавшими къ различнымъ племенамъ, между которыми особенно выдавались, какъ по своей многочисленности, такъ и особенно по варварскимъ наклонностямъ, три племени: Монгольское или Татарское, Турецкое и Чурское. Эти племена уже въ первые вѣка по Р. Хр. служили основными элементами для образованія тѣхъ государствъ, быстро

являвшихся и также быстро исчезавшихъ одно за другимъ, народъ которыхъ, извѣстный Китайцамъ подъ именемъ сѣверныхъ варваровъ, производилъ опустошительныя нападенія на сосѣднія страны и заставилъ властителей Небесной имперіи обезопасить границы своего государства постройкою Великой стѣны, защищавшей тѣ границы имперіи, которыя особенно подвергались нападенію варваровъ. Въ первой половинѣ XII вѣка вышеназванныя племена составляли уже значительную силу, противъ которой не въ состояніи была устоять благоустроенная великая имперія, употреблявшая громадныя усилія и столь-же громадныя средства для своей защиты, и волей-неволей признавшая своими властителями побѣдителей—варваровъ. Въ сердцѣ Китайской имперіи побѣдителями было основано царство Кинъ (Kin) или Золото, долго высылавшее своихъ хищниковъ для грабежа и разоренія сосѣднихъ, еще не совсѣмъ покоренныхъ странъ. Эти нападенія производились преимущественно на югъ и западъ: на востокѣ море, а на сѣверѣ бѣдныя племена кочующихъ звѣролововъ—мало привлекали вниманіе воинственныхъ ордъ. Такимъ образомъ, хотя кочевники трехъ вышеназванныхъ племенъ и сосредоточили въ Китаѣ свою главную силу, но ихъ многочисленныя мелкія орды бродили почти по всей Средней Азіи. Среди однообразія кочеваго быта проходили для кочевниковъ многіе годы. Но среди этихъ народовъ, иногда долго дремлющихъ подъ вліяніемъ однообразной жизни, время отъ времени появляется какое-то судорожное движеніе, тревога, жажда дѣятельности, желаніе дать знать всему свѣту о своемъ существованіи. Почти всегда страшно и гибельно бываетъ для другихъ народовъ это пробужденіе дикаго Востока. Его можно сравнить безъ преувеличиванія съ изверженіемъ какой-либо огнедышащей горы. Но разница только та, что истребительное дѣйствіе изверженія опасно большею частью только для той мѣстности, среди ко-

торой находится гора, а пробужденіе восточныхъ народовъ и вслѣдъ затѣмъ движеніе этой живой лавы опасно и истребительно для всѣхъ тѣхъ народовъ, черезъ земли которыхъ они пройдутъ. Нѣтъ предѣла движенію этой лавы, развѣ на своемъ пути она встрѣтитъ другую подобную себѣ, то тогда только движеніе останавливается до времени истребленія болѣе сильною слабой. Объ одномъ изъ такихъ движеній мы уже упомянули. Это было движеніе Гунновъ. Вслѣдъ за этимъ движеніемъ на Востокѣ наступила тишина. Вся дѣятельность кочующихъ народовъ была сосредоточена главнымъ образомъ на внутреннихъ раздорахъ. Но послѣ этого временнаго затишья поднялась скоро и страшная буря: долго дремавшій Востокъ проснулся—на бѣду многимъ народамъ. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Западная часть царства Кинъ, преимущественно часть, расположенная между великой степью Шамо и южнымъ Сибирскими горами, начиная отъ озера Байкала, была населена многочисленными монгольскими племенами, носившими различныя названія. Между этими племенами особенно важно одно,—племя Кіятъ, обитавшее въ горахъ Бергаду и по берегамъ рѣки Селенги. [1]) Это племя важно потому, что оно принадлежало человѣку, сыгравшему непослѣднюю роль въ исторіи, подъ знаменемъ котораго раздробленныя воинственныя орды монгольскаго племени соединились въ одно цѣлое и покрыли развалинами и кровью почти всю Азію и востокъ Европы,—человѣку, который оставилъ слѣды своихъ побѣдъ въ

[1]) Марко-Поло, знаменитый венеціанскій путешественникъ XIII вѣка, говоря о странѣ, откуда вышли Татары, передаетъ намъ слѣдующее: „Они жили въ сѣверныхъ странахъ Іорза и Баргу, однакоже не имѣли постоянныхъ жилищъ, т. е. ни городовъ, ни укрѣпленныхъ мѣстъ.“ Марко-Поло. Гл. 18. Беркъ замѣчаетъ, что подъ этими странами должно разумѣть Сибирь.

страшныхъ памятникахъ, состоящихъ изъ развалинъ и массы человѣческихъ костей,—который и при рожденіи уже держалъ въ рукѣ кусокъ запекшейся крови, какъ говоритъ преданіе,[1] человѣку, которому имя было *Темучинъ* или *Чингисъ-Ханъ*.[2]

Чингисъ-Ханъ, какъ мы уже замѣтили, владѣлъ ордою, обитавшею въ горахъ Бергаду и по берегамъ рѣки Селенги. Эта орда, сначала хотя и признавала себя данницею царства Кинъ, но пользовалась почти полною независимостью еще и при отцѣ Чингисъ-Хана, Есугаѣ, который, умирая, оставилъ послѣ себя тринадцатилѣтняго сына, Темучина. Малолѣтствомъ его воспользовались орды, покоренныя Есугаемъ, и низвергли его власть. Но Темучинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, твердость характера которыхъ не уступаетъ ни передъ какими препятствіями. Разбитый нѣсколько разъ въ кровопролитныхъ битвахъ, въ которыхъ уже замѣтно обозначился его военный геній и вмѣстѣ съ тѣмъ варварская жестокость, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли: различными средствами уничтожилъ своихъ соперниковъ и уже 45 лѣтъ сдѣлался верховнымъ правителемъ, назвавъ себя Чингисъ-Ханомъ, т. е. величайшимъ изъ хановъ (1206 г.). Многочисленныя монгольскія племена въ самомъ непродолжительномъ времени должны были признать вмѣсто власти правителей царства Кинъ —власть Чин-

[1] Персидскій историкъ, переведенный В. Григорьевымъ, говоритъ объ этомъ такъ: „Государыня родила Чингисъ-Хана, который держалъ въ рукѣ комокъ запекшейся крови, что было предвѣстіемъ истребленія его враговъ.“ Исторія Монголовъ, Григорьева. 13 стр. Подобное же преданіе мы встрѣчаемъ потомъ о Тимурѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточная фантазія преданіе объ одномъ перенесла на другаго.

[2] По Марко-Поло Чингисъ-Ханъ былъ избранъ на престолъ въ 1162 году по Р. Хр. Но, по замѣчанію Бюрка, это мѣсто испорчено писцами и переводчиками. Бюркъ говоритъ, что Ханъ родился въ 1155 году, а царемъ былъ избранъ въ 1206 году.

гисъ-Хана. [1]) Предводительствуя многочисленными войсками, воодушевленными воинственнымъ энтузіазмомъ, Чингисъ-Ханъ вторгнулся во владѣнія Кинъ и разорилъ его. [2]) Огромная добыча была наградою побѣдителю. Оставляя за собою однѣ развалины, онъ спѣшилъ на западъ къ другимъ завоеваніямъ. Туркестанъ, Персія, берега Инда и Евфрата [3]) сдѣлались жертвою этого варвара, не уступавшаго въ жестокости и своему потомку Тимуру, оставившему по себѣ памятники, построенные изъ человѣческихъ череповъ. Великія царства, расположенныя на этомъ огромномъ пространствѣ, пали; многіе народы и отдѣльныя племена почти были истреблены; только развалины да массы костей человѣческихъ отмѣчали тотъ путь, по которому проходилъ Темучинъ. Монголы на все „вѣяли вѣтромъ разрушенія." Страшными и удивительными покажутся всякому слѣды монгольскихъ побѣдъ; и если-бы сами Монголы въ страшныхъ памятникахъ, лѣтописи въ своихъ достовѣрныхъ разсказахъ, народъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ—не оставили доказательствъ тѣхъ фактовъ, которые передаются исторіею, то можно было бы во всемъ передаваемомъ ею усумниться, или, по крайней мѣрѣ, заподозрить въ преувеличеніи, но къ не-

[1]) Подробныя свѣдѣнія о характерѣ и дѣятельности Чингисъ-хана находятся въ соч. Марко Поло и другаго знаменитаго путешественника XIII стол. Плано Карпини. Замѣчательно то обстоятельство, что взгляды этихъ писателей на Чингисъ-Хана совершенно противуположны. Плано Карпини называетъ Чингисъ-Хана человѣкомъ жестокимъ, научившимъ своихъ подданныхъ красть, грабить и разбойничать, а Марко Поло говоритъ, что Чингисъ-Ханъ былъ человѣкъ испытанной честности, великаго ума, съ сильнымъ даромъ слова и отличался храбростью.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Чингисъ-Ханъ при всей своей жестокости и ужасной страсти къ разрушенію обладалъ сильнымъ умомъ, безъ котораго онъ не могъ бы достигнуть власти и сдѣлаться сильнымъ завоевателемъ.

[2]) Pl. Carp. L. II, c. 5.

[3]) У Плано Карпини мы не встрѣчаемъ извѣстій, чтобы Чингисъ Ханъ покорилъ именно всѣ эти страны. Это извѣстіе мы находимъ у Д' Оссона, въ его „Histoire des Mongols."

счастью человѣчества все это подтверждаютъ лѣтописи всѣхъ странъ. Всѣ современники-очевидцы, и восточные и западные, одинаково говорятъ объ этомъ и характеризуютъ Монголовъ почти одними и тѣми же выраженіями. Марко Поло говоритъ, что нѣтъ народа болѣе способнаго завоевать міръ, какъ Татары; они храбры, они привычны ко всякаго рода лишеніямъ, они безчеловѣчны, хищны, противъ нихъ не можетъ устоять ни одно государство. Самая наружность Татаръ, ихъ нравы, обычаи и привычки способствовали къ утвержденію того фаталистическаго мнѣнія у восточныхъ народовъ, что Монголы, какъ неотвратимая кара, ниспосланы небомъ. „Татары безобразнѣе всѣхъ людей, говоритъ Плано Карпини, описывая наружный ихъ видъ; глаза у нихъ большіе выпуклые, покрытые густыми рѣсницами, такъ что открываются очень мало. Лицо у нихъ широкое, лобъ также широкій, а носъ сплюснутый." Въ другомъ мѣстѣ, говоря о ихъ характерѣ, онъ прибавляетъ: „они коварны и лукавы и, если могутъ, то хитростью своею обманываютъ всѣхъ. Они такъ жестоки, что не уважаютъ старца и не имѣютъ жалости къ младенцамъ." Разсказывая объ обычаяхъ и привычкахъ Монголовъ, Плано Карпини замѣчаетъ, что „они ѣдятъ все, что только можно ѣсть. Они ѣдятъ собакъ, волковъ, лисицъ и лошадей, а въ случаѣ необходимости и человѣческое мясо. Они наполнены коварствомъ, хитростью и ложью." [1]) Точно такими же чертами характеризуютъ ихъ и другіе писатели. [2])

Читая описанія завоеваній Монголовъ, ихъ хладнокровіе при истребленіи въ покоренныхъ странахъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, при сожженіи городовъ и деревень, при истребленіи засѣянныхъ полей становится страшно за человѣчество тѣмъ

[1]) Pl. Carp. L. II, 2—4.

[2]) Марко Поло. Гл. 30 и слѣд.

болѣе, что все это дѣлалось не изъ чувства ненависти или мщенія, потому что Монголы даже не знали о существованіи тѣхъ народовъ, которыхъ они впослѣдствіи истребляли, а просто по врожденной жестокости, по какой-то звѣрской наклонности, потому только, что имъ доставляло удовольствіе омочить свой мечъ въ крови подобнаго себѣ существа. [1])

1227-й годъ положилъ конецъ предпріятіямъ безчеловѣчноварварскаго основателя могущества Монголовъ. Интересно знать, что руководило этимъ варваромъ при совершеніи всѣхъ его дѣлъ? Жажда ли славы, дѣятельности или, быть можетъ, онъ въ этомъ находилъ свое удовольствіе, счастье? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ у самого же Чингисъ-Хана; въ этомъ отвѣтѣ и высказалась цѣль его подвиговъ. Утомленный рядомъ кровопролитныхъ войнъ, завоевавши большую часть Средней Азіи, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Чингисъ-Ханъ собралъ своихъ вождей и предложилъ имъ слѣдующій вопросъ: „какое благо выше всѣхъ на землѣ?“ Каждый изъ вождей отвѣчалъ, руководствуясь собственнымъ соображеніемъ. Всѣ ихъ отвѣты показались хану неудовлетворительными, и онъ самъ отвѣчалъ: „счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей.“ Весьма естественно, что государство, основанное на такихъ началахъ, уже само въ себѣ носило признаки разложенія и долго существовать не могло; но на первыхъ порахъ оно было сильно, потому что имъ заправляла деспотически

---

[1]) Персидскій историкъ, передавая разсказъ о взятіи города Хорезма, говоритъ, что когда городъ былъ взятъ, то Монголы выгнали въ поле всѣхъ его жителей и перебили. О взятіи Герата онъ говоритъ: „число убитыхъ въ Гератѣ превосходило 1.600.000.“ Ист. Монг. Григ. 25—30 стр. Это-же самое подтверждаетъ и Плано Карпини, говоря о разореніи персидскаго города Друбалдовъ, Pl. Carp. L. 11, cap. 7.

сильная рука великаго хана, котораго можно назвать первымъ гражданскимъ и религіознымъ законодателемъ Татаръ. Плано Карпини приводитъ и извлеченіе изъ его законовъ, изъ которыхъ мы укажемъ только на одинъ: „предписывается, что они (Татары) должны покорить всю землю и не заключать мира ни съ кѣмъ прежде, нежели предадутся имъ, пока не настанетъ время ихъ погибели, ибо они должны погибнуть, какъ имъ предсказано"... [1]) Чингисъ-Ханъ былъ также администраторъ. Онъ ввелъ въ своемъ войскѣ такой порядокъ, какого прежде не было; раздѣлилъ войско на отряды и назначилъ особыхъ начальниковъ: тысячниковъ, сотниковъ и десятниковъ; однимъ словомъ, былъ человѣкомъ, въ рукахъ котораго были всѣ средства для того, чтобы быть вездѣ и всегда побѣдителемъ надъ непріятелями, уступавшими ему какъ своею численностью, такъ и организаціею войска. Мы уже сказали, что государство, основанное Чингисъ-Ханомъ, хотя было и непрочно, но на первыхъ порахъ было сильно. Дѣйствительно, еще и при сыновьяхъ Чингисъ-Хана завоеванія продолжались съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при отцѣ. Первые два сына Чингисъ-Хана, Джучи и Джагатай, не играютъ особенной роли. Гораздо важнѣе ихъ третій—Оготай или Угедай, отличавшійся справедливостью, щедростью, природными дарованіями и способностью къ правительственнымъ распоряженіямъ. [2]) Въ 1234 году онъ окончилъ завоеваніе царства Кинъ и присоединилъ еще нѣкоторыя области.

До этого времени Монголы распространяли свое владычество преимущественно въ Средней Азіи, на востокъ отъ Уральскихъ горъ, при Оготаѣ же они, слѣдуя завѣщанію великаго

---

[1]) Pl. Carp. L. II, c. 5.

[2]) Плано Карпини, согласно съ персидскимъ историкомъ, перев. Григорьевымъ, называетъ Оготая непосредственнымъ преемникомъ Чингисъ-Хана. L. II, cap. 5.—Ист. Монг. Григорьева, 35.

хана—покорить всю землю, перенесли свое оружіе на западъ. Вся тяжесть этого движенія пала на Россію; она почти безъ ропота приняла удары варваровъ на свою грудь и тѣмъ спасла остальную Европу отъ дальнѣйшихъ бѣдствій монгольскаго завоеванія. Но страшны и гибельны были эти удары для тѣхъ, на кого они непосредственно обрушились. [1]) Батый, племянникъ Оготая, начиная съ 1235 года, съ многочисленною ордою прошелъ всю Россію отъ юго-восточныхъ границъ до за-

---

[1]) О первомъ нашествіи Татаръ на Россію упоминаютъ наши лѣтописи (П. С. Л. I, Лаврент. л. подъ 6731 г.; П. С. Л. III. Новг. 1-я—6732; П. С. Л. IV, Новгор. 4.—6732; П. С. Л. V, Воскр.—6731; П. С. Р. Л. XV, Тверс.—6732) подъ 6731—32 г. Разсказъ объ этомъ событіи во всѣхъ лѣтописяхъ почти сходенъ, только въ нѣкоторыхъ онъ сокращенъ, а въ другихъ пространнѣе. Сущность разсказа состоитъ въ слѣдующемъ. „Пріидоша языци незнаеми, ихже добрѣ никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изъидоша, и что языкъ ихъ и котораго племене суть, и что вѣра ихъ; а зовутъ я Татары, а иніи глаголютъ Таурмены, а друзіи Печенѣзи“.... „Единъ Богъ вѣсть, кто суть и отколѣ изъидоша“.... Слышали только, что эти народы покорили уже Ясовъ, Обровъ, Косоговъ и, наконецъ, избили множество безбожныхъ Половцевъ: „много бо зла створиша ти оканьніи Половчи Русьской земли“... Вождь половецкій, Котянъ, съ остаткомъ своего войска бѣжалъ отъ нихъ къ русскимъ предѣламъ—просить помощи у тестя своего Мстислава Галицкаго (Новгор. 4—у Черниговскаго). Богатыми дарами онъ успѣлъ склонить Мстислава и другихъ русскихъ князей на свою сторону, говоря приэтомъ: „Если не поможете намъ, то нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро взята будеть.“ Посовѣтовавшись, русскіе князья, во главѣ которыхъ стоялъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій,—рѣшили идти противъ Татаръ, чтобы не дать имъ возможности усилиться; послали также просить помощи у Юрія Суздальскаго. Послѣдвій обѣщалъ прислать Василька Константиновича съ ростовскими полками. Русскія войска собрались у Заруба на Днѣпрѣ. Узнавъ объ этомъ, Татары поспѣшили прислать пословъ къ русскимъ князьямъ: „се слышимъ оже идете противъ насъ, послушавше Половьць, а мы вашей земли не заяхомъ,.... ни на васъ придохомъ... нъ придохомъ... на поганыя Половчѣ, а вы възмите съ нами миръ.“ Князья не вняли этимъ просьбамъ, убили пословъ и двинули свои полки на полчища враговъ. Мстиславъ Галицкій съ своими воинами, число которыхъ простиралось до 1000, первый переправился черезъ Днѣпръ и напалъ на сторожевые отряды Татаръ. Нападеніе было удачное. Татары были разбиты и бѣжали. Этотъ

падныхъ и покрылъ все это пространство кровью и развалинами. Плано Карпини такъ описываетъ нашествіе Батыя на Россію. „Побѣдя Торторовъ, пошли они на Россію, гдѣ произвели великое кровопролитіе, разорили города и замки и побили людей; также обложили Кіевъ, столицу Руссіи, и по долговременной осадѣ взяли ее и умертвили жителей. Оттуда идучи далѣе съ мечемъ въ рукахъ, погромили всю землю Русскую, такъ что, когда мы черезъ нее проѣзжали, то видѣли безчисленное мно-

успѣхъ ободрилъ всѣхъ русскихъ князей,—и они, соединивъ свои войска съ половецкими, переправились черезъ Днѣпръ и вступили въ Половецкія степи. Сторожевые отряды Татаръ были разбиты и русскія войска двинулись дальше. Долго они шли по степямъ, наконецъ пришли къ Калкѣ, гдѣ и устроили свой станъ. Мстиславъ Галицкій поѣхалъ осмотрѣть войска Татаръ и вслѣдъ за этимъ приказалъ вооружиться своимъ воинамъ, не извѣстивъ другихъ объ этомъ, потому что былъ въ ссорѣ. Начало битвы было счастливо, но исходъ плохой. Русскія войска вездѣ поражали Татаръ, а когда въ дѣло вступили Половцы съ своимъ воеводою Яруномъ, то, не выдержавъ напора Татаръ, бѣжали и въ бѣгствѣ смяли и привели въ безпорядокъ русскіе отряды. „И тако смятошася полци Рустіи и бысть сѣча зла, грѣхъ ради нашихъ, прибавляетъ съ грустью лѣтописецъ, и бысть побѣда на князи Рустіи, яко же не бывала отъ начала русскія земля.“ Когда одни русскіе полки бѣжали, другіе, подъ предводительствомъ Мстислава Кіевскаго, узнавъ объ этомъ, не двигались съ мѣста, а укрѣпили свой лагерь на берегу рѣки Калки и тамъ отбивались отъ Татаръ три дня. Татары хитростью и обманомъ успѣли выманить Мстислава съ его полкомъ. Весь полкъ и всѣ князья сдѣлались жертвою этого обмана. Лѣтописцы и не запомнятъ такой страшной побѣды надъ русскими войсками: 6 князей, 70 богатырей и почти все войско—легли на полѣ битвы. Спасся только 10-й. Однихъ Кіевлянъ погибло 30 тысячъ. (По царственной лѣтописи погибло Кіевлянъ 60 тыс.) Вслѣдъ за остаткомъ бѣгущаго войска двинулись и Татары. Уже они были у Новгородка Святополча (Новгородъ Сѣверскій). Всѣ были въ ужасѣ и ждали гибели: „и бысть плачь и вопль по всѣмъ градомъ и по селамъ.“ Но Провидѣніе отложило еще на время окончательное разореніе Руси и истребленіе народа: отъ Днѣпра Татары поворотили назадъ въ степь, „и не съвѣдаемъ откуду суть пришли и кдѣ ся дѣша опять,“ заключаетъ лѣтописецъ и приэтомъ нравоучительно прибавляетъ, что все это „за грѣхи наша.“ Двѣнадцать лѣтъ о Татарахъ не было слышно, и Русь немного поуспокоилась.

жество черепов и костей человѣческихъ по степи.“ [1]) Въ такихъ чертахъ представляетъ западный путешественникъ (1245 г.) состояніе Русскаго государства послѣ Батыева нашествія.

Наши же лѣтописи изображаютъ это нашествіе несравненно подробнѣе и притомъ съ большимъ сочувствіемъ относятся къ несчастью отечества, что весьма естественно, такъ какъ описывали эти событія, полныя горя и печали, современники и даже очевидцы, что легко замѣтить изъ самаго слога лѣтописи и особенно изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи еще подъ 1229 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „Саксины и Половцы възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близь рѣкы, ей-же имя Яикъ.“ [2]).

Затѣмъ до 1236 года нѣтъ извѣстій о Татарахъ. Подъ 1236—37 г. почти во всѣхъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстія о нашествіи Батыя. Однѣ изъ нашихъ лѣтописей разсказываютъ это событіе такъ. „Еще бо и сеа крови не отмыхомъ, Калкацкаго бою.... Кіевьстіе людіе на Калкахъ костію... падоша; Новгородстіе людіе отъ гладныя смерти изъмроша, а живыи разыдошася по чюжимъ землямъ;... тогда же и гладъ бысть.... Слышавше бо безбожніе Татарове таковое смиреніе руское, двигнушася съ восточныя страны и поплѣниша прьвое Болгарскую землю, а на третій годъ на Рускую землю пріидоша безчисленное множество, яко прузи траву поядающе, тако и сіи сыроядци христіанскій родъ истребляюще“.... [3])

Вся сущность дальнѣйшаго разсказа состоитъ въ слѣдующемъ. Безчисленное множество Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, разоривъ Болгарскую землю, разрушивши славный го-

[1]) Pl. Carp. L. II, c. 5.

[2]) Лавр. 192.

[3]) Тверск. 365.

родъ Великій, двинулось къ русскимъ предѣламъ. Рязанская область, лежавшая на этомъ пути, первая испытала гибельную силу татарскаго движенія. Остановившись станомъ на рѣкѣ Онузѣ, [1]) Татары послали къ Рязанскому князю требовать со всего десятины. „Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будеть,“ отвѣчалъ князь, собралъ свои войска и послалъ къ Юрію Всеволодовичу Владимірскому просить помощи. Юрій отказалъ въ помощи, „вьсхотѣ самъ о себѣ съ Татары брань сътворити.“ [2]) Татары, неудовлетворенные въ требованіи, двинули свои войска къ Рязани. 21 декабря 1238 года Рязань была взята, князья были убиты, народъ истребленъ, а частью взятъ въ плѣнъ. Татары двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дожидались ихъ русскіе полки подъ начальствомъ великокняжескаго сына Всеволода Юрьевича и воеводы Еремѣя Глѣбовича. Послѣ жаркой сѣчи русскіе бѣжали, а за ними двинулись и татарскія полчища. Взявъ на пути Москву и Суздаль, Татары 7 февраля осадили Владиміръ. Великій князь Юрій, оставивъ свое семейство въ городѣ, бѣжалъ къ Волгѣ собирать полки. Приступъ Татаръ къ столицѣ былъ удаченъ. До полудня они взяли „новый городъ“ и зажгли. Жители съ князьями скрылись въ „старомъ городѣ.“ Княжеское семейство и епископъ заперлись въ церкви. Недолго храбрые Владимірцы отстаивали свою свободу. Къ вечеру „старый городъ“ былъ взятъ. Церковь, въ которой заперлись остальные жители съ княжескимъ семействомъ и епископомъ, Татары зажгли, и всѣ, находившіеся въ ней, погибли.

Разгромивъ Владиміръ, Татары, раздѣлившись на мелкіе отряды, разсыпались по всей Русской землѣ. Ростовъ, Ярославль, Городецъ, Галичъ, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Тверь

[1]) П. С. Р. Л. т. I, Троиц. л. 221.

[2]) Тверск. 366.

и всѣ города по Волгѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ были взяты и разорены, а народъ истребленъ. Татары приближались къ Сити, гдѣ стоялъ лагеремъ великій князь Юрій. Извѣщенный о гибели всего своего семейства, лишенный большей части преданныхъ ему подданныхъ, Юрій, проливая горькія слезы, возложилъ теперь все упованіе на Бога. Коротка, но трогательна была молитва несчастнаго князя передъ битвою: „Господи, Боже мой! на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя!"... Удрученный несчастьемъ, но бодрый духомъ, возложивъ надежду на Бога, Юрій 4 марта 1238 года приказалъ своимъ полкамъ двинуться противъ Татаръ. „И ступишася обои, и бысть сѣча зла," говоритъ лѣтописецъ. Дрогнули русскіе полки передъ безчисленными врагами и побѣжали. Князь Юрій и множество войска остались на полѣ битвы. Отъ Сити Татары двинулись къ Торжку. Городъ взяли, а жителей, по обыкновенію, истребили. Отъ Торжка пошли къ Новгороду, но не дошли до него только 100 верстъ и поворотили на югъ: „Новъ-же городъ заступи Богъ и святая Софія," прибавляетъ набожный лѣтописецъ. Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Татары свирѣпствовали, никѣмъ не стѣсняемые. Всѣ города по лѣвую сторону Днѣпра почти безъ сопротивленія были взяты и разрушены, только жители города Козельска оказали упорное сопротивленіе. Но что значила горсть храбрыхъ передъ массою варваровъ? Что значило это единичное отчаянное сопротивленіе безъ всеобщаго единодушія, безъ помощи другихъ? Семь недѣль горсть храбрецовъ отстаивала свою свободу. Наконецъ Татары, выведенные изъ терпѣнія, сдѣлали всеобщій приступъ. Жители защищались отчаянно, истребили множество непріятелей, но сила взяла свое,—и всѣ защитники Козельска были избиты „и до отрочаты," какъ замѣчаетъ лѣтописецъ. Оставивъ въ развалинахъ „злой городъ," какъ Татары назвали Козельскъ, они черезъ Половецкую землю пошли

далѣе. Черниговъ, Переяславль южный и множество другихъ городовъ сдѣлались жертвою свирѣпыхъ Татаръ. По лѣвую сторону Днѣпра уже не было пищи для ихъ жестокости, и они начали бросать свои жадные взоры на правый берегъ, гдѣ между другими городами красовался и Кіевъ. По словамъ лѣтописца сами Татары удивлялись красотѣ и величію города. Долго они склоняли жителей сдаться безъ сопротивленія, но напрасно: народная честь восторжествовала надъ страхомъ, и татарскіе послы, пришедшіе склонить жителей къ миру, были убиты. Предвидя страшную грозу, Кіевскій князь Михаилъ Всеволодовичъ бѣжалъ въ Венгрію. Защита города была поручена Даніиломъ Галицкимъ, отъ котораго зависѣлъ Кіевъ, храброму и умному боярину Димитрію. Татары переправились черезъ Днѣпръ и со всѣхъ сторонъ облегли Кіевъ. Скрипъ телѣгъ и ржаніе коней заглушали голоса Кіевлянъ, а отъ стрѣлъ и копій не было видно солнца: такъ много было непріятелей. Здѣсь повторилось тоже, что и въ Козельскѣ. Жители защищались отчаянно. Распорядительность и мужество воеводы Димитрія придавали этому отчаянію особенную силу, но грубая сила опять восторжествовала. Защитники города уничтожены, исключая боярина Димитрія, которому Батый даровалъ жизнь за его необыкновенную храбрость. Жалкіе остатки величественнаго города долго свидѣтельствовали и теперь еще свидѣтельствуютъ о необузданной дикости и безчеловѣчной жестокости восточныхъ степняковъ.

Вѣсть о гибели Кіева какъ громомъ поразила не только нашихъ князей, но и весь западъ Европы. Князья бѣжали; одни въ Венгрію, а другіе въ Польшу. Татары двинулись за ними, истребляя и уничтожая все на своемъ пути. Много городовъ было взято, много людей перебито, и сердце бѣднаго Димитрія, находившагося при Батыѣ, болѣло при видѣ всѣхъ этихъ бѣдствій отечества. Наконецъ онъ придумалъ средство

спасти его хотя на время. Онъ началъ совѣтовать Батыю идти скорѣе въ Венгрію, потому что если сильный Венгерскій король успѣетъ собраться съ силами, то Батыю трудно будетъ овладѣть его царствомъ. Батый послушалъ Димитрія и перенесъ свое истребленіе за границы Русскаго государства. Въ 1241 году онъ перешелъ Карпаты. Здѣсь его встрѣтило войско Венгерскаго короля. Въ происшедшей битвѣ Венгры были разбиты и бѣжали. Татары двинулись далѣе на западъ и вторглись, наконецъ, въ Силезію. Битва у Лигница также окончилась въ пользу ихъ. Такимъ образомъ путь въ Германію былъ открытъ для Татаръ. Но Провидѣнію угодно было положить конецъ этому гибельному движенію. Спустя короткое время послѣ Лигницкой битвы, Татары встрѣтились съ полками Чешскаго короля Вячеслава. Превосходство оружія, рыцарскій духъ воиновъ и строгая дисциплина дали перевѣсъ славянскимъ войскамъ надъ татарскими полчищами. Пораженіе было рѣшительное. Татары не надѣялись встрѣтить такого отпора и принуждены были поворотить въ другую сторону. Второе пораженіе при Ольмюцѣ, также нанесенное соединенными войсками Славянъ и Нѣмцевъ, утвердило Татаръ въ мысли, что далѣе на западъ для нихъ пути нѣтъ, и они опять отхлынули на востокъ. [1]) Съ этого-то собственно времени и начинается тяжелое для нашего отечества *Монгольское иго.*

Мы считали необходимымъ представить въ краткихъ чертахъ исторію Монголовъ, ихъ нравы, обычаи и исторію ихъ завоеваній, чтобы понять всю силу ихъ гибельнаго завоеванія и чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить дѣятельность тѣхъ людей, которые и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ находили средства поднять значеніе нашего отечества и дать ему возможность какъ къ дальнѣйшему развитію, такъ и къ превосходству надъ своими побѣдителями.

---

[1]) Palacky. Der Mongolen-Einfall im Jahre 1241. 396—408 стр.
(Der Mongolen Niederlage bei Olmütz.
Warum drangen die Mongolen nicht weiter in Europa vor? 405 стр.)

II.

„Вѣдомо бысть и межиусобныя брани Руския земля, и глады, и моръ велицыи, и оскудѣніе Рускаго воинства, и разньствіе въ братіи, и просто все земское неустроеніе.“

Тверс. Л. 365.

Россія ко времени описываемыхъ нами событій не составляла одного политическаго цѣлаго, но была раздѣлена на множество мелкихъ княжествъ. Князьями были большею частью Рюриковичи. Каждое княжество составляло отдѣльную, самостоятельную правительственную область, и каждый князь завѣдывалъ судомъ, финансами и военнымъ управленіемъ только въ своей волости внѣ всякой зависимости отъ другаго князя. „Онъ можетъ вести войну и вступать въ союзы съ кѣмъ ему угодно; онъ собираетъ пошлины и дани для себя; на его судъ нѣтъ апелляціи къ другому высшему суду. Надъ такимъ княземъ не существуетъ никакой высшей княжеской власти.“ 1) Эту полную независимость внутренняго управленія подтверждаютъ всѣ договоры, сохранившіеся отъ того времени. Этими же договорами опредѣлялись и отношенія одного князя къ другому. Договоры заключались большею частью съ цѣлью обезпеченія себя отъ внѣшнихъ враговъ или съ цѣлью отстоять свои права отъ притязаній болѣе сильнаго князя. 2)

Если между какими-нибудь князьями существовалъ договоръ, то отношенія ихъ были большею частью мирны и, на-

---

1) Сергѣевича, „Вѣче и Князь.“ 123.

2) Примѣръ подобнаго договора можно видѣть между сыновьями Всеволода Юрьевича, князя Суздальскаго. Юрій, 2-й сынъ Всеволода, получившій по распоряженію отца Владимірской столъ, заключилъ союзъ съ Ярославомъ, княземъ Переяславскимъ, противъ старшаго своего брата Константина. Воскр. 121.

оборотъ, отсутствіе договоровъ—было яснымъ признакомъ розни и войны. Недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій не позволяетъ намъ точно и подробно опредѣлить въ данную эпоху исторію княжескихъ отношеній. Если и встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія объ этомъ,—то они на столько скудны и кратки, что изъ нихъ немного можно вывести. Изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ, можно вывести только слѣдующее. Къ началу описываемой нами эпохи (XIII в.) Россія раздѣлена была на множество мелкихъ княжествъ, какъ мы уже сказали. Князья эти не знали такого лица, которому бы всѣ остальные были подчинены и которое бы направляло всѣмъ государственнымъ строемъ. Самоуправленіе было въ полной силѣ, а вслѣдствіе этого и вражда въ полномъ разгарѣ. Во Владимірской области—вражда между сыновьями Всеволода: между Константиномъ съ одной стороны и Юріемъ, Всеволодомъ и Ярославомъ—съ другой. [1]) Князья Смоленскіе. Новгородскіе, Луцкіе воевали съ Кіевскими, [2]) Мстиславъ Новгородскій воевалъ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ. [3]) Хотя вслѣдъ за этими расприями и послѣдовало замиреніе, но слѣдствія прежней розни мы встрѣчаемъ и послѣ. Результатъ Калкской битвы 1224 года намъ уже извѣстенъ. Лѣтописецъ при этомъ прямо говоритъ: „гордости ради и величанія Рускыхъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и высокоумны, и мнящеся своего храбростію съдѣловающе; имѣяхуть-же и дружину мно-

[1]) „Се оканьный дьяволъ въздвиже нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи, Констянтиномъ, и Юргемъ и Ярославомъ, и бишася у Юрьева.“ Лавр. 186; Воскр. 121.

[2]) „Мстиславъ Романовичь поиде изъ Смоленьска на Кіевъ съ братьею, съ Володимеромъ Рюриковичемъ и Констянтинъ и Мстиславъ Давыдовичи и Мстиславъ Мстиславичь изъ Новгорода и Ингварь Ярославичь изъ Лучьска.“ Воскр. 118.

[3]) Троиц. 214; Воскр. 121.

гу и храбру, и тою величающеся отъ нихъ о единомъ въспомянемъ.“ [1]) Приэтомъ лѣтописецъ разсказываетъ извѣстную уже намъ исторію распрей между князьями. Замѣчательно, что въ этомъ мѣстѣ лѣтописецъ передаетъ слѣдующій фактъ: „Ту бо събравшеся съвѣтъ сътвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве, тогда же рядъ положивше, *яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ*“.... [2])

Въ самомъ описаніи Калкской битвы мы встрѣчаемъ подтвержденіе той мысли, что вражда между князьями продолжала существовать. Когда Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій приказалъ своимъ полкамъ двинуться на Татаръ, то другіе, „два Мьстислава въ стану бяху того не вѣдающе не повѣда бо имъ зависти ради, бѣ бо межи ихъ пря велика“.... [3])

При такомъ положеніи дѣлъ сильному непріятелю, каковы были Татары въ это время, не трудно было разбить русскіе полки, вожди которыхъ были лишены единодушія.

Еще гибельнѣе были подобные безпорядки и отсутствіе единодушія при второмъ нашествіи Татаръ. Татары уже опустошаютъ Рязанскую область; слабые Рязанскіе князья требуютъ помощи отъ Юрія Владимірскаго. Князь же Юрій, говоритъ лѣтописецъ, *и самъ не поиде, не послуша князей Рязаньскихъ молбы, но въсхотѣ самъ особѣ съ Татары сотворити брань.* [4]) Несчастье, коснувшееся одной волости, не особенно болѣзненно отдавалось въ другой, не съ особеннымъ сочувствіемъ относились князья къ горю *чужаго* княжества; а если князья такъ холодно принимали это дѣло, то о народѣ и

[1]) Тверск. 336.
[2]) Тверск. 338.
[3]) Тверск. 341.
[4]) Тверск. 366.

говорить нечего; его воля, его стремленія—выражались въ волѣ и стремленіяхъ одной личности—князя. При внутреннемъ безсиліи отдѣльныхъ частей еще не было единодушія, не было общихъ интересовъ,—не было и успѣха въ дѣлахъ, и сильному непріятелю съ 600,000 войска [1]) не трудно было разбить по-одиночкѣ слабыхъ князей. И не превосходство Монголовъ въ военномъ дѣлѣ, не храбрость ихъ, не геніальность ихъ полководцевъ, а отсутствіе единодушія въ русскихъ князьяхъ, разъединенность городовъ—были главною причиною несчастія, постигшаго наше отечество въ XIII вѣкѣ. „И точно огненная рѣка промчалась отъ восточныхъ предѣловъ Россіи до западныхъ, точно язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ отъ береговъ Оки до Сала.“ [2]) „Батый многія грады со многою злобою испровращая якоже лютый нѣкій звѣрь поядая вся, останки же ногтьми растерзая, [3]) говоритъ одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ, выражая свою скорбь о несчастіи отечества. „Его же лютостью, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, храбрѣйшихъ русскихъ сыновъ многихъ мечь поядe, овіи-же плещи вдаша супротивнымъ, скипетродержателіе овіи оружіемъ падоша, овіи же въ чужихъ земляхъ *уклоняхуся гостяще, всякія помощи отпадше*, ратникъ же грады раззоряяй, гражаны овіи въ плѣнъ поплѣни, овіи же оружію ядь полагая, и корысть многу стяжа княжеска имѣнія изобрѣтъ. Велико зло сотворися множеству русскаго языка, матери обезчадствовашася, и сосцы ихъ млечніи источника уставиша; вмѣсто же тѣхъ слезныя струя отъ очію низво-

[1]) Pl. Carp. 46. Карамзинъ замѣчаетъ, что по сказанію лѣтописцевъ Венгерскихъ Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель житія св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева находилось 600,000. Народы, побѣжденные Монголами, должны были обыкновенно давать имъ людей для военной службы.

[2]) Карамзинъ, IV. 15.

[3]) Степен. кн. 333.

жахуся, видяще младенца своя на земли повержени и мягкая ихъ удеса конскими ногами стираемін. И кто можетъ словамъ сказати болѣзни ихъ утробныя, и иніи несчетныя напасти? чертожища повлачими и всюду обводими, дѣвы и синклитскія жены, иже никогда же рукама своима работному дѣлу касахуся, но рабомъ своимъ повелѣваху прежде, послѣди же сами повелѣваеми варварскими женами работну игу выя преклоняюще, предстояху жерновомъ и горнцу руцѣ придержаще, огня позжигающе, съ черпаломъ рыщуще, источники обходяще, и воду носяще, трапезѣ предстояще и храмину пометающе, иногда бына горды, тогда же работою скляченн смиришася, иже иногда златыми монисты и съ одеждами красящеся, тогда же рубищи раздраны оболочены, боси же и алчны....... земля русская очервленися кровію, рѣками ліющися отъ тѣлесъ...... всюду стенаніе, страхъ на распутіяхъ, вси ужасошася, изнемогоша, всюду бѣды".... [1])

Такова картина нашего отечества послѣ Батыева нашествія, и если справедливо то мнѣніе, что важность бѣдствій народныхъ познается изъ того вліянія, какое они произвели въ свое время на чувства народа,—то смѣло можно сказать, что въ нашемъ отечествѣ не было другаго бѣдствія, которое можно было бы поставить въ параллель съ этимъ. Татарскій погромъ да еще казни Грознаго—заставляли только трепетать крѣпкую натуру русскаго человѣка. [2])

Батый, потерпѣвъ неудачу на западѣ, поворотилъ къ востоку и на берегахъ Волги раскинулъ свой станъ. Отдѣльные отряды Татаръ еще добивали кое-гдѣ Русскихъ. Развалины городовъ и селъ да массы разлагающихся труповъ отмѣчали слѣдъ,

[1]) Степенная книга. 333.

[2]) С. Соловьевъ, разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ на Новгородцевъ казнями Ивана IV въ 1570 г., между прочимъ прибавляетъ: „точно такое же извѣстіе о переполохѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1239 годомъ послѣ Батыева погрома." Т. VI; 205.

по которому прошли Татары. Половины народонаселенія, 15 князей [1]) и множества богатырей и бояръ—лишилась Русская земля; только на сѣверѣ небольшой сравнительно клочокъ земли остался нетронутымъ Татарами, благодаря содѣйствію природы и заступничеству Провидѣнія. На этомъ же клочкѣ земли сохранилъ Богъ отъ руки варваровъ и будущихъ дѣятелей сѣверо-восточной части Русскаго государства: [2]) „Благочестиваго и правовѣрьнаго князя Ярослава Всеволожа и съ правовѣрьными его сыньми, бѣ бо у него сыновъ 6: Александръ, Андрей, Костянтинъ, Ѳеонасій, Данило, Михайло и Святославъ Всеволодовичь, братъ Ярославовъ, со сыномъ и Иванъ Всеволодовичь, братъ Ярославовъ же, и Володимеръ Костянтиновичъ, и

---

[1]) Татищевъ, IV. 2; Царств. лѣтописецъ, 143 стр.

[2]) Мы сказали „будущихъ дѣятелей сѣверо-восточной части Русскаго государства," потому что юго-западъ со смертью знаменитаго Даніила, короля Галиціи (1264 г.), теряетъ свое значеніе. Княжество Даніила раздѣлилось на части. Слабые наслѣдники его не могли противустоять сильнымъ своихъ сосѣдямъ Полякамъ и Венграмъ—съ одной стороны, Литовцамъ и Татарамъ—съ другой. Разоренная Татарами, лишенная лучшихъ своихъ защитниковъ,—юго-западная Русь незамѣтно сливалась съ другими государствами и ко времени Димитрія Донскаго вся Приднѣпровская область была во власти Польши и Литвы. О послѣднихъ князьяхъ юго-западной Руси упоминается подъ 1324 годомъ въ письмѣ короля Польскаго Владислава къ папѣ Іоанну XXII (Annal. Ecclesiast. т. XV). Въ этомъ письмѣ говорится о смерти Андрея и Льва, князей Владиміро-Волынскихъ. Послѣ этого мы встрѣчаемъ еще скудныя извѣстія о потомкахъ Даніила. Левъ оставилъ послѣ себя преемника, именемъ Георгія, который приходился ему внукомъ. Этотъ Георгій въ грамотахъ къ магистрамъ Нѣмецкаго ордена называетъ себя постоянно: „Княземъ Русскимъ." Послѣдняя его грамота относится къ 1335 году. По всему вѣроятію, что послѣ смерти этого „*послѣдняго*" короля Галицкаго юго-западная Русь окончательно сливается съ Польшею и Литвою, чему много способствовала благоразумная распорядительность знаменитаго Литовскаго князя Гедимина, успѣвшаго уже къ этому времени поставить въ зависимость отъ себя Бѣлоруссію. Такимъ образомъ, вся западная и юго-западная часть Русскаго государства на-долго была потеряна, и вся политическая жизнь русскаго народа сосредоточилась на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ.

Васильковичи два, Борисъ и Глѣбъ, и Василій Всеволодовичъ, сіи вси сохранены быша молитвами святыя Богородица.“ [1])

Мы остановимся прежде всего на дѣятельности Ярослава Всеволодовича, какъ старшаго въ родѣ и наслѣдовавшаго Владимірскій столъ послѣ своего брата Юрія, убитаго при Сити.

Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда къ нему пришла вѣсть о гибели его брата Юрія. Какъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, [2]) онъ мужественно перенесъ это извѣстіе, но какъ человѣкъ дѣятельный, онъ поспѣшилъ во Владиміръ, чтобы занять великокняжескій столъ и возстановить порядокъ въ разрушенномъ городѣ и обновить государство, приведенное въ крайнее положеніе опустошительной прогулкой степныхъ варваровъ. „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами.“ [3]) Но это его не страшило. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ вполнѣ высказалась его энергія и жажда дѣятельности на пользу отечества. Онъ не проливалъ слезъ, какъ это дѣлали другіе, видя предъ собою повсемѣстные знаки опустошенія, но спѣшилъ употребить всевозможныя средства, чтобы загладить слѣды этого несчастія. По прибытіи во Владиміръ, онъ тотчасъ-же распорядился, чтобы очистить дороги, улицы и церкви отъ труповъ и тѣмъ отвратить болѣзни, которыя могли развиться; созвалъ жителей, оставшихся отъ истребленія и скрывавшихся въ лѣсахъ, утѣшилъ и ободрилъ ихъ, „поча ряды рядить и бысть радость велика хрестьяномъ,“ замѣчаетъ лѣтописецъ, говоря о вступленіи на великокняжескій престолъ Ярослава. Возстановивъ порядокъ въ своемъ государствѣ, похоронивъ съ честью тѣло своего брата

---

[1]) Лаврент. 200, Тверск. 373, Воскр. 143.

[2]) Костомаровъ называетъ его упрямымъ и жестокимъ. См. Сѣверно-Русск. народ. т. I, стр. 100. Карамзинъ же называетъ его княземъ, желавшимъ славиться дѣятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердіемъ. Т. IV, стр. 1.

[3]) Карамзинъ. IV, 2.

Юрія, Ярославъ прежде всего распорядился волостями: Суздальскую волость отдалъ своему брату Святославу, а другому брату Іоанну—Стародубъ; прежнюю свою волость, Переяславль, онъ оставилъ за собою и этимъ значительно усилилъ себя. Во время этихъ распоряженій Ярославъ получилъ извѣстіе, что Литовцы, воспользовавшись общимъ бѣдствіемъ и слабостью Россіи, напали на Смоленскую область. Онъ тотчасъ собралъ войско и двинулся къ предѣламъ Литвы. Литовцы были разбиты, а князь ихъ попалъ въ плѣнъ. Освободивъ Смоленскъ отъ враговъ, Ярославъ оставилъ здѣсь княземъ Всеволода Мстиславича, а самъ съ множествомъ плѣнныхъ и съ великою честью возвратился во Владиміръ. [1]) Здѣсь ему предстояло рѣшить болѣе трудную задачу: поладить съ Татарами и сохранить Россію отъ окончательнаго разоренія.

Немного выиграла Россія отъ удаленія Татаръ изъ ея предѣловъ. Она считалась уже „улусомъ" Ордынскаго царя и, въ строгомъ смыслѣ, центръ ея политической жизни перемѣстился туда же. Народъ лишился полной независимости. Князья низошли на степень ханскихъ подручниковъ. Воля хана была для нихъ закономъ. Его капризъ, его пустое желаніе—для подданныхъ служили закономъ, а исполненіе ихъ—прямою обязанностью. Народъ и князья понимали свое положеніе; видѣли, что нѣтъ возможности сопротивляться такому сильному непріятелю и находились въ необходимости исполнять волю деспотически сильнаго завоевателя. Эта воля прежде всего проявилась въ требованіи изъявленія покорности передъ ханомъ. Батый звалъ къ себѣ великаго князя. Ярославъ хорошо понималъ, что избѣжать этого ему невозможно, въ противномъ случаѣ онъ могъ потерять даже и тѣнь той самостоятельности, которою еще пользовался. Въ 1243 онъ отправился

---

[1]) Лавр. 200.

въ Орду къ Батыю. Послѣдній, по отзывамъ лѣтописцевъ, принялъ его съ честью и, отпуская, сказалъ ему: „Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ Русскомъ языцѣ.“ [1]) Ярославъ возвратился назадъ, а сына своего, Константина, послалъ къ великому хану [2]) въ Татарію. Примѣру Ярослава послѣдовали и его родственники, и многіе изъ нихъ отправились также изъявлять свою покорность Батыю. Въ 1245 году великокняжескій сынъ возвратился отъ великаго хана „съ честью,“ а вмѣсто него ханъ требовалъ къ себѣ великаго князя Ярослава.

Простившись съ родными и съ отечествомъ, Ярославъ черезъ средне-азіатскія степи отправился къ берегамъ Амура, гдѣ въ это время было главное кочевье Монголовъ. Ярославъ прибылъ въ станъ великаго хана какъ разъ въ то время, когда правленіе принималъ Гаюкъ. Передъ великолѣпнымъ трономъ, на которомъ сидѣлъ ханъ, великій князь въ числѣ прочихъ данниковъ смиренно преклонилъ колѣни. Великій ханъ, по словамъ Плано Карпини, не оказывалъ особенной чести русскому князю, но все-таки отличалъ его передъ другими подданными. [3]) По извѣстію нашихъ лѣтописцевъ Ярославъ долго былъ въ Ордѣ и много страдалъ за землю Русскую. Къ этому присоединилось еще обвиненіе, возведенное на него какимъ-то Ѳедоромъ Яруновичемъ, который, какъ можно предполагать, дѣйствовалъ по наущенію другихъ князей, стѣснявшихся присутствіемъ въ своей средѣ такого князя, какимъ былъ Ярославъ. По всему вѣроятію, послѣднее обстоятельство было и причиною преждевременной смерти великаго князя. Плано Карпини разска-

---

[1]) Лаврент. 201.

[2]) По Карамзину въ это время великимъ ханомъ былъ Октай. По Д' Оссону же Октай умеръ въ 1241 г. Послѣ него правленіе приняла его жена, которая, спустя 4 года, возвела на престолъ своего сына Гаюка, умершаго въ 1248 года.

[3]) Nobis autem et duci Jeroslao semper dabant locum superiorem, говоритъ Плано Карпини, разсказывая о томъ, какъ ихъ принимали у великаго хана.

зываетъ объ этомъ обстоятельствѣ слѣдующимъ образомъ. „Въ 1246 году умеръ Ярославъ, великій князь Суздальской области, которая составляетъ часть Русскаго государства. Однажды онъ былъ призванъ къ матери великаго хана, которая, какъ будто оказывая особую честь Ярославу, желала изъ своихъ собственныхъ рукъ дать ему ѣсть и пить. Когда Ярославъ возвратился отъ ханши, то сильно ослабѣлъ и черезъ семь дней умеръ. Замѣчательно, что все тѣло его приэтомъ удивительнымъ образомъ позеленѣло; всѣ говорили, что онъ былъ отравленъ матерью хана, чтобы легче и совершеннѣе завладѣть Русскою землею.“ [1]) Послѣднее обстоятельство, очевидно, Плано Карпини выставляетъ какъ причину смерти Ярослава. Но трудно предположить, чтобы сильные завоеватели имѣли нужду въ подобномъ средствѣ надъ слабыми побѣжденными. Да изъ самихъ словъ Плано-Карпини: „*dicebaturque ab omnibus*“— видно, что это былъ только слухъ. Но что Ярославъ умеръ неестественною смертью,—это подтверждаютъ всѣ наши лѣтописи, называя его смерть „*нужною,*“ т. е. насильственною, а одна изъ лѣтописей подъ 1250 г. говоритъ прямо, что его „*зеліемъ уморили.*“

Говоря о смерти Ярослава, лѣтописи наши [2]) ничего не говорятъ въ похвалу его. Передаютъ объ этомъ, какъ о простомъ фактѣ: „преставися Ярославъ князь мѣсяца сентября въ 30 день.“ Вотъ и все. Такая сухость, такое несочувствіе къ дѣятелю первыхъ годовъ татарскаго владычества должны чѣмъ-нибудь объясняться. Чѣмъ, напримѣръ, заслужилъ сочувствіе народа и лѣтописца такой князь, какъ Юрій Всеволодовичъ, князь, который, руководясь личными интересами, вслѣдствіе своей гордости, отказалъ въ необходимой помощи рязанскимъ

[1]) Pl. Carp. L. I, c. 14.

[2]) Лаврент., Тверская, Новгор. 4-я.

князьямъ, который оставилъ на жертву варварамъ беззащитную столицу, который при извѣстіи о несчастіи падаетъ духомъ и проливаетъ слезы, и, не смотря на все это, лѣтописецъ осыпаетъ его похвалами? Объяснить этотъ фактъ можно очень просто. Большинство нашихъ лѣтописей написано духовными лицами. Весьма естественно, что князь, сочувствовавшій интересамъ этихъ лицъ, вызывалъ и съ ихъ стороны сочувствіе; и наоборотъ, князь, отличавшійся противоположными качествами, вызывалъ холодность съ ихъ стороны. Юрій „милостивъ бяше паче мѣры... чтяшеть же излиха чернечьскый чинъ и поповьскій, подая имъ же на потребу.“ [1]) Ярославъ же этимъ качествомъ не отличался. Онъ былъ только государственный дѣятель, понимавшій хорошо интересы своего отечества, отличался суровостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумною дѣятельностью, не падалъ духомъ въ несчастіяхъ, страдалъ много въ Ордѣ, перенесъ униженія, но не угождалъ монахамъ, „отличаясь, быть можетъ, вѣрою просвѣщенною, а не суесвятствомъ.“ [2]) Сочувствіе лѣтописца къ Юрію вызывалось еще и самымъ положеніемъ князя. Лѣтописецъ не относится критически къ его поступкамъ; онъ видитъ только, что несчастный князь лишился всего семейства, столицы, множества народа,—плачетъ; чувствительный лѣтописецъ, тронутый этимъ горемъ, спѣшитъ утѣшить хоть прахъ любимаго князя. Ярославъ же не былъ въ такомъ положеніи. Въ молодости онъ оттолкнулъ отъ себя сочувствіе народа своей суровостью, а несчастье, которое онъ переносилъ, было далеко отъ родины; а всегда несчастье, хотя и постигшее насъ, но совершившееся не передъ нашими глазами, не вызываетъ такого сочувствія. Всѣмъ этимъ можно объяснить ту сухость, то несочувствіе, съ

---

[1]) Лаврент., 197.

[2]) Карамзинъ, IV, 35.

которымъ относятся наши лѣтописцы къ весьма почтенному и заслуживающему глубокаго уваженія государственному дѣятелю, первому, быть можетъ, послѣ Андрея Боголюбскаго понимавшему спасительную силу самодержавія и централизаціи, особенно въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогдашняя Россія. [1])

Смертью Ярослава Россіи нанесена была глубокая рана. Народъ понималъ свое бѣдственное положеніе и съ ужасомъ всматривался въ будущее тѣмъ болѣе, что и преемникъ его, братъ Святославъ, не отличался энергіей, умомъ и другими подобными качествами. Шесть лѣтъ прошло послѣ смерти Ярослава, пока на сцену государственной дѣятельности выступилъ человѣкъ съ такими же идеями, съ такими же стремленіями:—этотъ человѣкъ былъ *великій князь Александръ Невскій*, сынъ Ярослава Всеволодовича. Жизнь и дѣятельность этого князя и составляютъ главную цѣль и главную задачу нашего разсказа, и все сказанное нами до сихъ поръ мы считали необходимымъ для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Александра Ярославича Невскаго.

---

[1]) Позднѣйшіе лѣтописцы съ большимъ сочувствіемъ относятся къ Ярославу Всеволодовичу. Такъ, напримѣръ, въ Степенной книгѣ мы читаемъ: „сій приснопамятный великій князь Ярославъ въ дальнѣй землѣ въ Хановѣ ордѣ положи душу свою за святыя домы церковныя и за вѣру христіанскую, и за вся люди земли Руськія. И сего ради причте его Богъ ко избранному своему стаду праведныхъ селеній.“ (Степ. кн., стр. 524). Воскрес. же лѣтоп. прибавляетъ еще, что онъ „милостивъ бяше ко всякому“ (П. С. Р. Л. VII т., 156.); но эта лѣтопись позднѣйшаго происхожденія, что легко можно замѣтить всматриваясь внимательно въ ея составъ: это полная компиляція другихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, въ статью о смерти Михаила и Ѳеодора, гдѣ говорится также о смерти Ярослава, входятъ лѣтописи Лавр. и Софійская первая.

III.

„О великымъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ, и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Макидоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ."
Соф. л. I. 176.

„Предметъ исторіи есть жизнь народовъ и государствъ. Непосредственно уловить и обнять словомъ—описать жизнь не только государства, но одного народа—представляется невозможнымъ. Всѣ древніе историки употребляли одинъ и тотъ же пріемъ для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали дѣятельность единичныхъ людей, правившихъ народомъ, и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа." [1])

Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно изучать какую нибудь историческую личность, то намъ становится яснымъ, что эта личность есть представитель народа своего времени, а иногда и цѣлой эпохи. Народъ иногда долго дремлетъ, не высказывая своей воли и своихъ стремленій. Ему нужно лицо, которое бы за него все это сдѣлало, лицо, въ которое онъ желалъ бы воплотить свою мысль и свою волю. И въ подобныхъ случаяхъ народъ рѣдко дѣлаетъ промахи, его чувство никогда не обманывается: выборъ всегда почти падаетъ на людей, одаренныхъ особеннымъ чуткимъ нравственнымъ слухомъ и зоркимъ умственнымъ взглядомъ. Они прислушиваются и присматриваются къ тому, что таится въ народной думѣ, что кроется въ стремленіяхъ и желаніяхъ ихъ соотечественниковъ,—и все это

---

[2]) Толстой „Война и Миръ." т. VI, ч. 2-я.

обнаруживаютъ. Народъ такому лицу довѣряется слѣпо и часто слѣдуетъ за нимъ, не спрашивая куда его ведутъ: къ счастью или, можетъ быть, къ погибели. Такъ бываетъ или иначе, но народъ почти никогда не ропщетъ на свой выборъ и долго хранитъ память о своемъ героѣ въ преданіяхъ, долго вспоминаетъ о немъ какъ о свѣтлой личности, достойной памяти народа.

Исторія, какъ „testis temporum, lux veritatis" [1]), должна быть безпристрастна: она при оцѣнкѣ какой-либо личности не должна руководствоваться симпатіями или антипатіями народа, а, бросивши свой честный и добросовѣстный взглядъ на нее, по достоинству оцѣнить, и затѣмъ и высказать свое мнѣніе. Чтобы не сдѣлать ошибки, она должна внимательно изучить всѣ обстоятельства, въ которыхъ находилась изучаемая личность. Прежде всего, по нашему мнѣнію, она должна обратить серьезное вниманіе на обстоятельства, сопровождавшія молодость этой личности, затѣмъ на ея личный характеръ, выработавшійся въ этотъ періодъ времени, на народъ, среди котораго эта личность развивалась и, наконецъ, на время, въ которое она дѣйствовала. Изъ этихъ-то элементовъ, какъ намъ кажется, и слагается *жизнь и дѣятельность* всякой исторической личности.

Изучить всѣ эти элементы серьезно, такъ какъ бы слѣдовало, то есть другими словами, изучить всѣ стороны жизни и дѣятельности какого-либо лица—задача весьма трудная, требующая особенной сноровки, особеннаго умѣнья оцѣнить мѣстныя и временныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства личности,—и часто почти неисполнимая, по причинѣ недостатка данныхъ, на которыхъ можно было бы основать свои тезисы. Каждый писатель, желающій обработать какой-либо вопросъ по исторіи,—становится въ довольно затруднительное положеніе,

---

[1]) Cicero. De orat. II, 9.

не имѣя для этого подъ руками необходимыхъ данныхъ. При желаніи добросовѣстно изучить какой-либо историческій вопросъ необходимо предварительно заняться изученіемъ матеріаловъ, собранныхъ предшествовавшими тружениками науки. Недостатокъ-же матеріаловъ служитъ главною причиною того, что часто историческое сочиненіе, результатъ долгихъ усилій и усидчивыхъ занятій труженика, не всегда бываетъ удовлетворительно, и основанія, на которыхъ оно построено, непрочны; дѣйствія даже слабой критики для него опасны. И это весьма естественно. При вышеизложенныхъ условіяхъ предположенія и догадки часто служатъ замѣною прочнаго основанія, на которомъ должно быть построено всякое историческое сочиненіе. Для науки же такое сочиненіе важнаго значенія не имѣетъ, потому что изъ ложнаго основанія, построеннаго на однѣхъ смѣлыхъ гипотезахъ, часто вытекаютъ и ложные выводы. Еще хуже бываетъ положеніе писателя, когда у него подъ рукою находится масса матеріаловъ, но въ этихъ матеріалахъ нѣтъ необходимыхъ свѣдѣній, а если и есть, то они на-столько противорѣчивы, что нуженъ опытный критическій взглядъ, чтобы отличить истину отъ неправды.

Описывая жизнь и дѣятельность Александра Ярославича Невскаго, мы считаемъ необходимымъ придерживаться критическаго метода описанія. Если будутъ встрѣчаться какія-либо противорѣчивыя извѣстія, то мы будемъ ихъ сравнивать и послѣ сравненія дѣлать необходимые выводы и заключенія. Такой методъ изслѣдованія, по нашему мнѣнію, будетъ самымъ удобнымъ и примѣнимымъ въ данномъ случаѣ.

Приступая къ изложенію жизни и дѣятельности Александра Ярославича Невскаго, мы считали необходимымъ предпослать въ краткихъ чертахъ исторію событій нашего отечества, предшествовавшихъ его княженію для того, чтобы выяснить послѣдующій ходъ историческихъ событій на Руси и

показать органическую связь ихъ съ предшествовавшими явленіями, что особенно необходимо въ исторіи, гдѣ каждое последующее явленіе есть какъ бы результатъ предшествовавшихъ и ими только можетъ быть объяснено.

Скудны лѣтописныя извѣстія о первыхъ годахъ молодости Александра Невскаго. Годъ его рожденія по лѣтописи неизвѣстенъ. Бѣляевъ, основываясь на Татищевѣ (томъ III, 423), говоритъ, что князь Александръ Невскій, сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, родился въ 1219 году 30 мая. На сколько вѣрно это извѣстіе мы предоставляемъ судить читателю по тѣмъ даннымъ, которыя мы сейчасъ представимъ. Въ лѣтописяхъ [1]) подъ 1233 г. есть положительное указаніе, что въ этомъ году „преставися у князя Ярослава *болшій* сынъ князь Ѳеодоръ.“ Въ тѣхъ же и другихъ лѣтописяхъ подъ 1219 годомъ говорится также: „тоя жъ зимы родися Ярославу сынъ и нарекоша ему имя *Ѳедоръ.*“ [2]) Принимая во вниманіе два эти показанія, мы можемъ вывести слѣдующее: 1) что Александръ Ярославичъ былъ *меньшій* сынъ Ярослава, а Ѳедоръ *старшій*, и 2) такъ какъ послѣдній родился въ 1219 году и притомъ въ концѣ года, если принять во вниманіе показаніе лѣтописца, то весьма естественное отсюда заключеніе, что въ томъ-же году другой сынъ родиться не могъ, то есть что Александръ Ярославичъ не могъ родиться въ 1219 г. 30 мая. Въ подтвержденіе нашего предположенія мы можемъ привести также извѣстіе о времени женитьбы Александра Невскаго. Въ лѣтописяхъ подъ 1239 годомъ сказано: „оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячьслава дщерь и вѣнчася въ Торопчи“... Трудно пред-

1) Новгород. I, II, III; Соф. I; Тверск. 361.

2) Лавр.; Воскрес. 126.

положить, чтобы Александръ Ярославичъ вступилъ въ бракъ двадцатилѣтнимъ, что выйдетъ согласно съ показаніемъ Бѣляева и Татищева. Наши князья вступали въ супружество въ раннихъ лѣтахъ. Немного примѣровъ найдется въ лѣтописяхъ чтобы князья были не женаты до двадцати лѣтъ. Есть еще указаніе на время рожденія Александра Невскаго въ Софіевскомъ Временникѣ (I, стр. 273), несогласное съ другими лѣтописными показаніями. Подъ 1263 годомъ сказано, что въ этомъ году „преставися великій князь Александръ Невскій *на сорокъ пятомъ году отъ рожденія.*" [1]) Если принять во вниманіе что Александру Невскому въ 1263 году было 45 лѣтъ, то весьма простое вычисленіе покажетъ, что Александръ Невскій родился въ 1218 году, что, очевидно, несправедливо, такъ какъ большинство лѣтописей называетъ Θеодора, родившагося въ 1219 году, старшимъ сыномъ.

Сводя къ одному всѣ лѣтописныя показанія, мы можемъ вывести заключеніе, что *Александръ Ярославичъ Невскій родился не раньше 1220 года.*

Матерью Александра Невскаго лѣтописи называютъ княгиню Θеодосію. Ремезовъ, составитель жизнеописанія Александра Ярославича, говоритъ, что достовѣрно неизвѣстно, чья была дочь эта Θеодосія, но въ лѣтописяхъ есть прямыя указанія что она была дочерью князя Галицкаго Мстислава Мстиславича. Лѣтописи [2]) подъ 1215 годомъ упоминаютъ о распрѣ возникшей между Мстиславомъ Мстиславичемъ и Ярославомъ Всеволодовичемъ изъ-за Новгорода. Это было такъ. Въ 1215 году сильная новгородская партія, недовольная своимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, намѣревалась изгнать его

[1]) Говоря о смерти Александра Невскаго Бѣляевъ, тоже говоритъ, что онъ умеръ на 45 году, что составляетъ прямое противорѣчіе съ его прежнимъ показаніемъ.

[2]) Новгород. I, 34—36; Воскрес. 123—125.

Чтобы предупредить это, Мстиславъ того же года собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „у меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князѣхъ;“ затѣмъ уѣхалъ въ Кіевъ. Новгородцы рѣшили призвать себѣ новаго князя. Подумавъ, они послали въ Переяславль просить Ярослава Всеволодовича. Ярославъ не медля прибылъ и занялъ Новгородскій столъ. Зимою того же года воротился Мстиславъ Мстиславичъ и, недовольный еще и прежде на Ярослава, началъ собирать полки, чтобы выгнать его изъ Новгорода. Ярославъ, узнавъ объ этомъ и понимая, что его положеніе въ Новгородѣ шатко, бѣжалъ въ Торжокъ, взявъ съ собою и свою жену. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, неудачныхъ для Ярослава, онъ бѣжалъ въ Переяславль. Мстиславъ послѣдовалъ за нимъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ выслалъ дары Мстиславу и его воеводамъ и просилъ мира. Получивъ дары, Мстиславъ согласился примириться, но требовалъ *„дщерь свою, княгиню Ярославлю.“* [1]) Лѣтописецъ не называетъ по имени эту княгиню, но, принявъ во вниманіе современность событій, можно безошибочно предположить, что эта княгиня и была Θеодосія. Еще болѣе положительное указаніе мы встрѣчаемъ въ Тверской лѣтописи подъ 1244 годомъ, гдѣ говорится: „того же лѣта, мѣсяца мая, на память святыя мученицѣ Ирины, преставися *великая княгиня Θеодосіа Ярославля,* въ Новѣгородѣ, *дщи великого князя Мьстислава Мьстиславича, мати великому князю Александру Невскому.*“ [2]) Изъ этихъ указаній очевидно, что Θеодосія была жена Ярослава, отъ котораго она имѣла 9 сыновей. Самый старшій, Θедоръ, какъ мы уже замѣтили, умеръ въ 1233 году, слѣдовательно, старшимъ въ семьѣ остался второй сынъ *Александръ.*

---

[1]) Новгород. I, 35; Воскрес. 124.
[2]) Тверск. 385.

Первые годы молодости Александра Невскаго намъ неиз
вѣстны. Лѣтописи упоминаютъ о немъ въ первый разъ подъ
1228 г. по слѣдующему поводу. Ярославъ Всеволодовичъ, удѣль
ный князь Переяславскій, въ 1215 году былъ призванъ Нов
городцами, о чемъ мы уже и упоминали. Не поладивъ съ жи
телями вольнаго города и опасаясь своего соперника Мстисла
ва Мстиславича, онъ принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свой
удѣлъ. Новгородскій столъ занялъ Мстиславъ, гдѣ и оставался
до 1218 года. Послѣ Мстислава Новгородцы призывали къ се
бѣ нѣсколькихъ князей, но князья эти, поживъ недолго въ
Новгородѣ и не поладивъ съ вольнымъ народомъ, уходили въ
свои волости. Тревожимые безпокойными сосѣдями Ливонскими
рыцарями и Литовцами, Новгородцы въ 1223 году опять при
гласили къ себѣ Ярослава, которому не особенно симпатизи
ровали. Не прошло и года, какъ Ярославъ опять удалился въ
Переяславль. Всеволодъ Юрьевичъ, приглашенный послѣ Яро
слава, также скоро оставилъ Новгородцевъ. Въ 1225 г. Нов
городцы звали къ себѣ любимаго ими Михаила Черниговскаго,
но послѣдній, зная хорошо новгородскіе порядки и питая бо
лѣе привязанности къ свой отчинѣ, недолго прожилъ въ Нов
городѣ и, объявивъ вольнымъ мужамъ, что не хочетъ у нихъ
княжить, возвратился въ Черниговъ, оставивъ Новгородцамъ
своего сына, который вскорѣ былъ изгнанъ, такъ какъ Новго
родцы имѣли надобность въ болѣе опытномъ князѣ. Волей-не
волей Новгородцы въ третій разъ принуждены были опять приз
вать къ себѣ Переяславскаго князя Ярослава. Три года жилъ
Ярославъ въ Новгородѣ покойно и ссоръ съ Новгородцами не
имѣлъ, но въ 1228 г., по поводу дѣлъ съ Псковомъ, у Яро
слава опять возникли несогласія съ вольнымъ народомъ. Же
лая усилить свою власть въ Псковѣ, Ярославъ въ этомъ году,
собравъ свои и новгородскіе полки, объявилъ Новгородцамъ,
что хочетъ идти на Ригу. Къ Псковичамъ послалъ просить
помощи. Псковичи заподозрили князя въ властолюбивыхъ за-

мыслахъ, а поэтому поспѣшили заключить союзъ съ Нѣмцами и дали имъ 40 человѣкъ заложниковъ съ условіемъ помочь имъ на случай войны съ Ярославомъ и Новгородцами. Последніе, узнавъ настоящую цѣль похода Ярослава, стали говорить: „князь насъ зоветъ на Ригу, а хотя ити на Пськовъ.“ [1]) Ярославъ послалъ опять къ Псковичамъ звать ихъ на помощь противъ Нѣмцевъ, но они отказались, оправдывая себя тѣмъ, что заключили съ Рижанами миръ, и что эти нападенія на Нѣмцевъ не выгодны для нихъ, такъ какъ Новгородцы въ случаѣ удачи берутъ себѣ всю добычу, а Псковичи только терпятъ бѣду и „недавно ихъ братью Нѣмцы побили на озерѣ.“ Отказъ былъ рѣшительный и выказалъ замѣчательную самостоятельность Псковичей въ этомъ дѣлѣ. Узнавъ объ этомъ отвѣтѣ, Новгородцы сказали князю: „мы безъ своея братья, безъ Пьсковиць, не имаемся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемъ.“ Долго уговаривалъ ихъ Ярославъ, оправдывая себя тѣмъ, что онъ и не думалъ зла на Псковичей, а везъ имъ въ коробьяхъ дары; но все понапрасну: „вѣси, княже, Новгородцевъ и Псковичь, говорили они, якоже хотятъ, тако и творятъ.“ Вольные люди настояли на своемъ: отказались идти въ путь и еще попросили удалиться князя. Ярославъ не могъ ничѣмъ проявить своего неудовольствія и досады, собралъ только свои полки и уѣхалъ въ Переяславль, *„а въ Новгородѣ остави два сына своя, Θеодора и Александра съ Θедоромъ Даниловицемъ, съ тіуномъ Якимомъ.“* [2])

Это первое лѣтописное извѣстіе объ Александрѣ Невскомъ. Что дальше было съ нимъ намъ неизвѣстно. Можно сказать только, что молодые князья были свидѣтелями безпорядковъ и несчастій, постигшихъ Новгородскую область. Осенью того же года, какъ Ярославъ уѣхалъ, пошли сильные дожди день и ночь.

---

[1]) Новгор. I. 43.

[2]) Новгор. I. 43; Воскр. 134; Тверск. 350.

„На Госпожинъ день и до Никулина дня не видѣхомъ свѣтла дни,“ говоритъ лѣтописецъ; ни сѣна нельзя было добыть, ни нивъ обработывать; житницы были пусты. Народъ роптал. Собравшись на Ярославовомъ дворѣ, Новгородцы обвинили во всемъ своего владыку Арсенія, человѣка кроткаго и смиреннаго, считая его недостойнымъ занимаемаго сана; они пошли гурьбой на владычній дворъ, крича: „того дѣля стоитъ тепло долго, (что) выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мьзду князю.“ Злодѣи схватили епископа, вытолкали его за ворота и убили бы, если бы онъ не успѣлъ запереться въ Софійской церкви, откуда и отправился въ Хутынь монастырь. Мѣсто Арсенія занялъ прежній архіепископъ Антоній, но народъ все-таки не успокоился, волненіе увеличивалось все болѣе и болѣе; весь городъ волновался. Толпы вооруженныхъ отправились съ вѣча на дворъ тысяцкаго Вячеслава и разграбили домъ его. Точно также поступили съ имуществомъ его роднаго брата Богуслава и съ имуществомъ владыкина стольника Андреича и др.-Другая толпа разграбила дворъ старосты Душильца, котораго хотѣла повѣсить, но онъ скрылся и бѣжалъ къ Ярославу. Между тѣмъ несчастія давали себя чувствовать. Сдѣлалось великое наводненіе. Снесло мость на Волховѣ; сѣно, лежавшее на берегу, тоже было снесено. Ропотъ еще болѣе усилился. Новгородцы отняли должность тысяцкаго у Вячеслава и дали ее Борису Нѣгочевичу, а князю Ярославу послали сказать: „поѣди къ намъ, забожницье [1]) отложи, судье по волости не слати, на всей воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь, или

---

[1]) *Забожницьемъ*, по мнѣнію изслѣдователей, называлась дань, собираемая съ божницъ (церквей). Карамзинъ, основываясь на Арцыбашевѣ (Повѣствованіе о Россіи), прибавляетъ, что подъ божницами разумѣлись преимущественно нѣмецкіе храмы.

ты собѣ, а мы собѣ.“ Еще Новгородцы не успѣли получить отвѣта, *какъ молодые князья бѣжали изъ Новгорода въ Переяславль тайно, во вторникъ, ночью.* Новгородцы, собравъ вѣче, начали думать и рѣшили такъ, что, вѣроятно, князья вздумали какое-нибудь зло на святую Софію, потому что „мы ихъ не гнали, нъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не сотворили никотораго же; да оно имъ Богъ и крестъ честный, а мы собѣ князя промыслимъ.“ [1]) Давъ клятву другъ другу въ вѣрности и единодушіи, Новгородцы разошлись, рѣшивъ пригласить къ себѣ опять стараго своего князя Михаила Черниговскаго. Въ 1229 году Михаилъ прибылъ въ Новгородъ, цѣловалъ крестъ на всей волѣ Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, далъ большія льготы смердамъ и подтвердилъ распоряженія прежнихъ князей. [2])

Замѣчательно притомъ рѣзкое противорѣчіе въ отношеніи къ Новгородцамъ князей сѣверныхъ областей и южныхъ. Постоянные безпорядки въ Новгородѣ и его вольности—были причиною частой перемѣны князей, а вслѣдствіе этого и близкая связь между князьями и народомъ ослабилась. Сѣверные князья принимали мѣры для своей безопасности, старались усилить свою власть и ограничить своеволіе Новгородцевъ. Они занимали Новгородскій столъ только при нуждѣ, а при первой возможности оставляли его. Южные князья смотрѣли иначе на это дѣло. Обладая меньшими средствами, интересуясь Новгородскимъ столомъ, какъ старѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ, они старались пріобрѣсть расположеніе у вольныхъ гражданъ и всегда подтверждали всѣ ихъ прежнія льготы. Такъ поступилъ и князь Черниговскій Михаилъ въ 1229 г., когда прибылъ въ Новгородъ.

[1]) Новгор. I, 44; Тверск. 351.
[2]) Тверск.; Соф. врем. I.

Поживъ немного съ Новгородцами, Михаилъ Всеволодовичъ уѣхалъ на югъ, а въ Новгородѣ оставилъ своего сына Ростислава—малолѣтняго князя, не имѣвшаго сильнаго вліянія на порядки новгородскіе. Новгородцы, казалось, имѣли князя, а на дѣлѣ господствовалъ общественный произволъ. Предоставленные самимъ себѣ, Новгородцы опять подняли смуты. Смуты эти продолжались во все время отсутствія Михаила. Общественныя несчастія увеличили безпорядки. Страшный пожаръ истребилъ значительную часть города и, какъ слѣдствіе неурожая предыдущихъ годовъ, свирѣпствовалъ голодъ въ самомъ Новгородѣ и въ его областяхъ. Бѣдные люди ѣли мохъ, сосну, липовую кору, листья. Нужда заставила нѣкоторыхъ броситься на грабежъ имущества тѣхъ изъ Новгородцевъ, у которыхъ предполагали найти рожь; но и это не помогло. Естественнымъ слѣдствіемъ голода была смерть: по улицамъ, по мосту, по торговой площади валялись трупы. Погребать было некому; только псы утоляли ими свой голодъ. Вездѣ была гибель; надежды на помощь не было у несчастныхъ Новгородцевъ, потому что вся Русская земля терпѣла почти тоже, исключая одного Кіева. [1]) Только добродушіе Нѣмцевъ, прибывшихъ изъ-за моря съ хлѣбомъ, спасло Новгородъ отъ окончательной гибели. [2]) Смерть посадника Водовика дала еще большую пищу усобицамъ и грабежамъ. Кровопролитія были весьма обыкновенными явленіями. Призванный князь Михаилъ не возвращался изъ своей волости, а его малолѣтній и безвліятельный намѣстникъ уѣхалъ въ Торжокъ. Новгородцы нуждались во внутреннемъ нарядѣ тѣмъ болѣе, что и съ внѣшней стороны имъ грозила опасность. Князь былъ необходимъ. Вѣчевой колоколъ созвалъ Новгородцевъ на вѣче. Лучшіе люди думали

[1]) Новгород. I, 47.

[2]) Новгор. I, 48; Царств. лѣтоп., 119—122.

о порядкѣ. Послѣ долгихъ преній, рѣшили объявить Михаила лишеннымъ княжескаго достоинства и промыслить другаго князя. Послали опять за Ярославомъ. Умный князь очень хорошо понималъ, что только настоятельная нужда заставляетъ Новгородцевъ обратиться къ нему съ этимъ предложеніемъ. Онъ согласился быть Новгородскимъ княземъ, но только требовалъ, чтобы Новгородцы приняли тѣ условія, которыя онъ имъ предложитъ. Новгородцы должны были подчиниться необходимости и приняли условія *на всей волѣ князя*. Грамота князя Михаила была отмѣнена; вольные мужи поклялись во всемъ повиноваться князю Ярославу съ условіемъ, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ Нѣмцевъ своими войсками. [1]) Это было въ 1231 году.

Богатый, но невѣрный и полный безпорядковъ, великій Новгородъ оттолкнулъ отъ себя сочувствіе лучшаго изъ князей сѣверной Россіи. Онъ предпочиталъ ему хотя бѣдный, но свой городъ съ преданными ему гражданами, не измѣнявшими ему ни разу. Поэтому не можетъ показаться страннымъ лѣтописное извѣстіе, что только двѣ недѣли прожилъ Ярославъ въ Новгородѣ, а затѣмъ уѣхалъ опять въ свой старый удѣлъ, въ Переславль, оставивъ *вторично въ Новгородѣ вмѣсто себя князьями Ѳеодора и Александра*. [2]) Лишь только уѣхалъ князь, въ Новгородѣ опять поднялись смуты, „потому что не было князя Ярослава, а былъ тогда въ Переяславѣ,“ замѣчаетъ лѣтописецъ. Новгородцы опять были предоставлены себѣ, но на этотъ разъ только во внутреннемъ управленіи: о внѣшнихъ дѣлахъ заботился князь Ярославъ.

Не вмѣшиваясь во внутреннее управленіе вольнаго города, отказавшись отъ обязанности судьи и миротворца, Ярославъ

---

[1]) Татищевъ. III. 457.

[2]) Тверская. 357.

всегда являлся готовымъ на защиту Новгорода отъ Нѣмцевъ, Литвы и другихъ сосѣднихъ враговъ, и не разъ храбрые Новгородцы подъ руководствомъ опытнаго вождя одерживали побѣды надъ своими врагами. Нѣмцы и Литва особенно испытали силу Ярославовой опытности и новгородской храбрости. Враги всегда бывали разбиваемы, а Новгородцы цѣлы и невредимы возвращались съ великою радостью домой, прославляя умъ и опытность своего князя.

Въ 1233 году умеръ старшій сынъ Ярослава Ѳеодоръ. Лѣтописецъ довольно трогательно разсказываетъ объ этомъ событіи: „преставися князь Ѳеодоръ, сынъ Ярославль *вячьшій*, и еще младъ и кто не пожалуетъ сего? сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе." Послѣ смерти Ѳеодора *въ Новгородѣ остался княземъ малолѣтній Александръ*; [1]) но конечно, онъ не завѣдывалъ правленіемъ и не предводительствовалъ войскомъ на войнѣ: за него правили опытные бояре подъ руководствомъ и подъ надзоромъ самого Ярослава. Такъ продолжались дѣла до 1236 года. Въ Новгородѣ было спокойно. Въ этомъ году Ярославъ, взявъ съ собою 100 человѣкъ лучшихъ Новгородцевъ, отправился къ Кіеву добывать тамошній столъ, *а въ Новгородѣ остался теперь одинъ 15-лѣтній Александръ,* который и вступилъ въ управленіе вольнымъ городомъ. [2]) Ярославъ между тѣмъ успѣлъ занять Кіевскій столъ. Продержавъ Новгородцевъ въ Кіевѣ двѣ недѣли, одаривши ихъ, отпустилъ назадъ, но и самъ недолго оставался. Обстоятельства заставили его возвратиться на сѣверъ, гдѣ присутствіе его было также необходимо.

---

[1]) Новгор. I. 49; Воскресен. 138.

[2]) Новгор. I. 50.

Уже землетрясеніе, затмѣніе солнца и другія явленія какъ будто предвозвѣщали какое-то страшное несчастье. [1]) Послѣдующія обстоятельства показали, что эти предвѣщанія были справедливы. Страшный Востокъ пробудился и двинулъ свое шествіе на западъ. Результаты этого движенія намъ уже извѣстны. Русская земля разгромлена. Населеніе гибло тысячами, города и села разорялись сотнями, князья гибли десятками. Вездѣ было пусто, вездѣ были ужасы страшнаго опустошенія, и взору путешественника не на чемъ было остановиться, какъ только на массѣ костей, разбросанныхъ на обширныхъ пространствахъ безотрадныхъ степей. Стольный городъ сѣверныхъ князей разрушенъ; Кіевъ, столица южныхъ князей, подвергся той же участи; не уцѣлѣлъ и удѣлъ Ярослава—бѣдный Переяславль. Только Новгородъ да Псковъ еще гордо поднимали свои вольныя головы. Но и они не были безъ дѣла, и у нихъ были не менѣе серьезные и опасные враги: то были Шведы, Литва и Ливонскіе рыцари. Отношенія къ нимъ Новгородцевъ и Псковитянъ мы разсмотримъ въ свое время. Новгородъ остался невредимъ отъ татарскаго погрома. Ярославъ съ семействомъ успѣлъ скрыться въ немъ, а тѣ князья, которые вздумали противопоставить свои ничтожныя, раздробленныя силы страшной силѣ Монголовъ,—пали жертвою своей отваги. Великій князь погибъ при Сити; Ярославъ остался старшимъ на сѣверѣ. Но печальные остатки столицы мало привлекали его вниманіе, и хотя онъ былъ великимъ княземъ Владимірскимъ, по большую часть времени жилъ въ своемъ Переяславлѣ, а старшій его сынъ въ Новгородѣ. Новгородцы были довольны своимъ молодымъ княземъ Александромъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Съ одной стороны—умныя распоряженія юноши, его обходительность съ народомъ, его

[1]) Новгор. лѣтоп. 114; Царств. лѣтоп. 116—118.

благородный видъ и столь-же благородные поступки заставляли Новгородцевъ быть преданными и уважительными къ своему молодому князю; а съ другой стороны и то обстоятельство, что послѣ татарскаго погрома истощился запасъ князей, которые могли бы занять Новгородскій столъ, въ случаѣ недовольства вольныхъ мужей своимъ княземъ. Югъ сильнѣе былъ разгромленъ чѣмъ сѣверъ. Многіе князья погибли, а любимый Новгородцами Михаилъ Черниговскій звѣрски замученъ въ Ордѣ за твердое исповѣданіе христіанской вѣры. Гдѣ же взять теперь Новгородцамъ князя? Неужели обратиться на западъ? Съ одной стороны Литва, а съ другой—страшное латинство—заставили Новгородцевъ держаться сѣвера и сѣверныхъ князей. Теперь они были довольны своимъ княземъ, но послѣдующія обстоятельства покажутъ, что они и съ этимъ благороднымъ княземъ не могли ужиться, усвоивъ уже издавна какое-то нерасположеніе къ потомкамъ Всеволода III.

Въ 1239 году молодой Новгородскій князь вступилъ въ бракъ съ дочерью Полоцкаго князя Брячислава. [1]) Вѣнчался въ Торопцѣ, гдѣ былъ и свадебный пиръ. Прибывъ въ Новгородъ и желая раздѣлить съ преданнымъ ему народомъ семейную радость,—здѣсь онъ праздновалъ вторично свою свадьбу. [2]) Но государственныя дѣла онъ не приносилъ въ жертву семейнымъ. Это доказывается тѣмъ, что въ томъ же году (1239) онъ занялся укрѣпленіемъ береговъ Шелони, что-

[1]) Ремезовъ говоритъ, что князь Новгородскій женился на дочери Полоцкаго князя Брячислава *Александрѣ*. Татищевъ (IV, 2) называетъ ее *Парасковіею*. Въ лѣтописяхъ мы не встрѣчали ни того, ни другаго имени, и, какъ не особенно важное обстоятельство, мы и опускаемъ.

[2]) Новгор. I и IV, 42: „Оженися князь Александръ, сынъ Ярославль въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчася въ Торопчи, ту кашу чини, а въ Новѣгородѣ другую.“

бы защитить Новгородскую область отъ внезапныхъ нападеній западныхъ враговъ. [1])

Вотъ всѣ извѣстія, которыя мы встрѣчаемъ объ Александрѣ Невскомъ въ лѣтописяхъ до знаменитаго въ его жизни 1240 года. Съ этого времени уже начинаются болѣе подробныя извѣстія и въ иныхъ мѣстахъ доходятъ до мелочей. Здѣсь мы остановимся и разсмотримъ въ общихъ чертахъ его жизнь въ Новгородѣ до 1240 года.

Всѣ вышеприведенныя нами лѣтописныя извѣстія въ періодъ времени отъ рожденія Александра Невскаго и до 1240 года до такой степени скудны, что только собственныя соображенія и могутъ пополнить лѣтописные пробѣлы. Напримѣръ, ни слова не сказано ни о его воспитаніи, ни о его образѣ жизни въ первые годы юности; между тѣмъ, по нашему мнѣнію, это чрезвычайно важно, потому что обстоятельства, сопровождающія юность, всегда отражаются въ зрѣломъ возрастѣ, имѣютъ большое вліяніе на образованіе характера и объясняютъ такъ или иначе различнаго рода поступки. Напримѣръ, не зная обстоятельствъ, при которыхъ развивался характеръ Ивана Грознаго, для насъ были бы непонятны тѣ страшныя жестокости и преступленія, которыми такъ богато его царствованіе. Но, внимательно изучивъ его молодость, мы находимъ возможнымъ, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени не только объяснить, но отчасти и оправдать его поступки первоначальнымъ воспитаніемъ.

Жизнь, характеръ, дѣятельность и поступки Александра Ярославича не нуждаются въ оправданіи; они требуютъ только выясненія. Нѣтъ сомнѣнія, что первые годы своей юности Александръ Невскій провелъ въ томъ краю, который впослѣдствіи сдѣ-

---

[1]) Новгор. I, 52: „Того же лѣта князь Александръ въ Новгородци сруби городци по Шелонѣ.„ Софійская I, 174.

лалъ его славнымъ и знаменитымъ. Большую часть своей жизни, начиная съ молодости, онъ провелъ въ Новгородѣ—представителѣ свободы и стараго быта Руси. Подъ вліяніемъ—то новгородскихъ началъ и подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми была окружена его жизнь, развился и его характеръ. Свобода вольныхъ мужей, но свобода благоразумная, сдѣлалась принадлежностью характера Александра. Эта свобода дѣйствій проявляется потомъ вездѣ, гдѣ только требовали того обстоятельства. Но и при этой свободѣ Александръ Ярославичъ не стыдился уступать тамъ, гдѣ необходимость, благоразуміе или обстоятельства того требовали. Живя въ Новгородѣ, Александръ Невскій жилъ точно у подножія огнедышащей горы. Ему постоянно грозила опасность. Какъ для живущихъ у подножія горы сверху лава и огонь, а снизу землетрясеніе,—такъ и для него: съ одной стороны Новгородцы съ своей необузданной волей, а съ другой стороны отецъ со своими приказаніями, требовавшими безусловнаго исполненія. Новгородцы требовали, чтобы князь согласовалъ свою жизнь съ интересами и волей народа, а отецъ, дѣйствовавшій въ интересахъ своего отечества и желавшій усилить свою власть, требовалъ совершенно противнаго. Угождая Новгородцамъ, Александръ лишался довѣрія отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнаго помощника на случай необходимости; слѣдуя идеямъ отца,—молодой князь лишался довѣрія и любви народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и популярности—этихъ могущественныхъ двигателей необузданныхъ массъ народа. Безъ нихъ онъ не могъ имѣть сильнаго вліянія на народъ, расположеніе котораго ему необходимо было пріобрѣсть, потому что безъ Новгородцевъ Александръ Ярославичъ ни въ чемъ бы не успѣлъ. Они въ то время составляли главную матеріальную и физическую силу. Лишенный популярности и любви народа, князь могъ лишиться и стола Новгородскаго. Князь отъ этого терялъ много, а Новгородцы въ сущности ничего. Указавши одному князю путь

изъ города, они могли „промыслить" себѣ другаго князя, а другаго Новгорода князь не могъ найти, особенно при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ была тогдашняя Россія. Какъ же нужно было поступать ему? Чью принять сторону?—Это во внутреннихъ дѣлахъ. Посмотримъ теперь на внѣшнія. Кругомъ враги и враги сильные. Съ одной стороны—Шведы, Ливонскіе рыцари, Литва и другіе народы, а съ другой—еще болѣе сильный и опасный непріятель—Татары. Уступить первымъ и направить всѣ свои усилія противъ послѣднихъ—это значило броситься изъ огня да въ полымя. Да и могъ ли сдѣлать это такой князь, какъ Александръ Невскій? Что значило уступить первымъ? Признать надъ собою господство Шведовъ и Ливонцевъ, этихъ Римлянъ, какъ выражаются наши лѣтописи, значило признать надъ собою первенство латинства, что было несогласно ни съ волей народа, ни съ желаніемъ князя. Врожденная ненависть и вражда къ латинству вошли въ плоть и кровь русскаго человѣка. Подчиниться Литовцамъ—язычникамъ значило заклеймить себя вѣчнымъ позоромъ и погубить всю страну. И притомъ, обезопасивъ себя съ этой стороны, могъ-ли Александръ надѣяться, что успѣетъ противъ другаго сильнаго непріятеля,—противъ свирѣпыхъ Татаръ? Признавъ надъ собою господство послѣднихъ, что могъ сдѣлать съ своими незначительными силами Новгородскій князь? На чью сторону нужно было склониться, чтобы выиграть дѣло и не унизить своего достоинства?—Подъ вліяніемъ внутреннихъ обстоятельствъ—развился его личный характеръ, наклонности и отношенія къ великому князю и Новгородцамъ, а подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ—развились его отношенія къ сосѣдямъ. Послѣдующіе разсказы выяснятъ эти отношенія.

Твердая воля, обдуманные поступки, постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей, умѣнье приноравливаться къ обстоятельствамъ, сдѣлать такъ, чтобы и старый князь былъ доволенъ

и чтобы Новгородцы не возставали, особенная способность пріобрѣтать расположеніе народа—вотъ существенные признаки характера Александра Ярославича. Постоянная опасность, грозившая ему со всѣхъ сторонъ, пріучила его къ осторожности и сдѣлала его способнымъ достигать своихъ плановъ, не унижая своего достоинства и въ то-же время не потворствуя врагамъ. Свидѣтель постоянныхъ несчастій и бѣдствій народа, онъ сдѣлался добръ душею, а вмѣстѣ съ тѣмъ энергическимъ и строгимъ въ случаѣ надобности. Всѣ эти качества уважалъ народъ и любилъ своего князя. Природный умъ и благородный видъ—усиливали эту симпатію. Неудивительно поэтому, что до 1240 года, до времени серьезныхъ столкновеній съ Новгородцами, Александръ ладилъ съ вольными мужами, которые въ продолженіи этого времени ни разу не высказали своего неудовольствія противъ князя, во всемъ повиновались ему и питали глубокое уваженіе къ своему юному правителю. Ужиться съ Новгородцами и прожить у нихъ такъ долго—это много значило; это было великое дѣло по понятіямъ того времени.— Современники Александра цѣнили это высоко. Всюду слава гремѣла о немъ. Даже за моремъ знали славнаго Александра, а русскій народъ благоговѣлъ передъ нимъ. Не было въ Русской землѣ области, говоритъ лѣтописецъ, которая бы не желала видѣть его своимъ княземъ.

Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что родители Александра и многіе изъ его родственниковъ были люди благочестивые и добродѣтельные, что, конечно, не могло не отразиться на характерѣ и самого Александра Невскаго. Лѣтописи единогласно отзываются о добротѣ и щедрости его отца: „милостивъ ко всякому, требующимъ невозвратно даяше.“ Мать Александра была тоже женщина добродѣтельная, и хотя лѣтописи не оставили намъ извѣстій о ея дѣлахъ, но

отзываются о ней, какъ о святой и добродѣтельной. [1]) Дядя Александра, Константинъ Всеволодовичъ, тоже причисленъ къ лику святыхъ за свои добродѣтели. Современники оплакивали его плачемъ великимъ: „бояре яко заступника земли, слуги яко кормителя и господина, убогіе и черноризцы, яко утѣшеніе и одѣнье наготѣ ихъ, князья и братья какъ отца и брата любимаго.“ [2]) Братъ Александра, добрый и умный Ѳеодоръ, скончавшійся въ 1233 году и прожившій долгое время съ Александромъ, не могъ не оставить своего вліянія на характерѣ Александра. Двоюродный братъ его, Василій Константиновичъ,—личность вполнѣ прекрасная какъ по наружности, такъ и по внутреннимъ качествамъ, умершій мученикомъ въ плѣну у Татаръ, церковью причисленъ къ лику святыхъ. Племянникъ его, Василій Всеволодовичъ, тоже причисленный къ лику святыхъ, умеръ на рукахъ Александра во Владимірѣ. Подъ вліяніемъ такихъ личностей, полныхъ добра и христіанскихъ качествъ, развился и религіозно-нравственный характеръ Александра Невскаго. Добродѣтели и хорошія качества его и его родныхъ легли въ основаніе всѣхъ его дальнѣйшихъ поступковъ. „Онъ чуждъ былъ всякаго суемудрія, душетлѣнныхъ и бѣсовскихъ игръ,“—любилъ заниматься чтеніемъ священныхъ книгъ и пѣніемъ священныхъ пѣсней; онъ часто молился днемъ и даже ночью, и это было одннмъ изъ его любимыхъ подвиговъ: „излишно бѣ у него бдѣнія всенощная и утреннихъ къ Богу молитвъ присвоеніе.“ Однимъ словомъ, все развивало въ Александрѣ духъ истинно христіанскаго благочестія, а жизнь его родныхъ служила ему наглядныиъ примѣромъ хорошаго.

Всѣ лѣтописцы наши, приступая къ описанію подвиговъ Александра Невскаго, съ глубокимъ благоговѣніемъ относятся

1) Лавр. 204; Соф. врем. 250.

2) Лаврент. 188.

къ этому дѣлу; [1]) весь складъ этихъ разсказовъ доказываетъ, что этотъ князь пользовался громадною славою и популярностью у своихъ современниковъ какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ.

Изобразимъ *по лѣтописи* его характеръ, нравственныя и физическія качества. Отцомъ и матерью князь воспитанъ былъ во всякомъ добромъ дѣлѣ. Въ сердце его вселился страхъ Божій. Онъ всегда соблюдалъ заповѣди Божія и поступалъ по нимъ. Духовныхъ почиталъ. Во все время юности своея онъ соблюдалъ смиренномудріе. Воздерживался отъ излишества и немного спалъ, соблюдая тѣлесную и душевную чистоту. Старался быть кроткимъ и избѣгалъ тщеславія. Много прилагалъ старанія, чтобы соблюдать умѣренность въ пищѣ, зная, что излишество вредитъ цѣломудрію и побуждаетъ къ бездѣятельности и сну. Книги и священное писаніе онъ читалъ съ усердіемъ и внимательно, стараясь и поступать такъ, какъ въ нихъ написано. Родные и близкіе его, видя, что онъ преуспѣваетъ въ добродѣтеляхъ и старается угодить Богу во всемъ, радовались за него; самъ же онъ старался все это скрывать и не высказывалъ „ради смиренномудрія.“ Богъ благословилъ его, и онъ пользовался на землѣ всеобщею славою и семейнымъ счастьемъ; имѣлъ добрую супругу и дѣтей, но особенно пріобрѣлъ отъ Бога мудрость. [2]) Наружностью онъ отличался отъ другихъ людей. Онъ былъ высокаго, стройнаго роста и чрезвычайно красивъ лицомъ, какъ Іосифъ Прекрасный. Сила у него была какъ у Сампсона. Говорилъ громко, точно труба

---

[1]) „Азъ худый, грѣшный, недостойный начиваю писать житіе великаго князя Олександра.“ Лав. 204. „Азъ худый и многогрѣшный, мало смысля покушаюся писати житіе великаго князя Александра.“ Псков. II-я, 2. Соф. I, 176. Замѣчательно притомъ, что лѣтописцы были большею частью современники, что видно почти въ каждой лѣтописи. Лавр., Новг., Соф., Псков.

[2]) Степен. кн. 355.

въ народѣ. Храбростью онъ равенъ былъ Веспасіану, [1]) римскому царю, который плѣнилъ всю землю Іудейскую. Александръ вездѣ побѣждалъ враговъ, а самъ нигдѣ и никогда не былъ побѣждаемъ. [2]) Далѣе лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ милостивъ, какъ и отецъ его Ярославъ. Много истратилъ золота и серебра на выкупъ плѣнныхъ, захваченныхъ безбожными Татарами, и подвергавшихся изнурительнымъ работамъ и страшнымъ истязаніямъ. Врагамъ онъ былъ страшенъ и грозенъ и вездѣ боялись его имени. Мудрость и остроуміе у него были какъ у Соломона. Онъ любилъ правосудіе и часто наставлялъ своихъ бояръ, чтобы они удерживались отъ пьянства, смирялись духомъ и справедливо судили, не держали сторону сильнаго и не обижали бѣднаго, не брали бы несправедливой награды, никого не обижали и были довольны тѣмъ, что назначено имъ по закону. Часто дѣйствовалъ онъ на бояръ и на подданныхъ угрозами и страхомъ наказанія, а еще чаще ласкою, просьбами и убѣжденіемъ. Бояре и всѣ люди видѣли, что ему Богъ далъ много ума, никогда ему не возражали, ни въ чемъ не противорѣчили, но всегда обѣщались исполнять то, что онъ прикажетъ. [3]) Онъ мужественно и справедливо управлялъ страною и вслѣдствіе этого слухъ о немъ прошелъ по всей землѣ, и многіе желали его видѣть. „Сего ради, говоритъ далѣе лѣтописецъ, нѣцыи живуще въ западныхъ странахъ, иже нарицаются слуги Божіе, отъ нихъ же пріиде мужъ славенъ именемъ Андріяшъ, хотя видѣти мужество и дивный возрастъ блаженнаго Александра, якоже древле царица Южская пріиде

---

[1]) Другіе лѣтописцы сравниваютъ Александра Невскаго съ Александромъ Македонскимъ и Ахиллесомъ. Врем. I. 249; Воскр. 146.

[2]) Лаврент. 204; Псков. II. 3; Соф. I. 177.

[3]) Степ. кн. 357.

къ Соломону видѣти премудрость его. [1]) Подобно тому и сей Андріянъ, яко узрѣ святаго Великаго Князя Александра, зѣло удивился красотѣ лица его и чудному возрасту, наипаче же видя Богомъ дарованную ему премудрость и непремѣнный разумъ, и не вѣдяше како нарѣщи его и въ велицѣ недоумѣніи бысть. Егда же возвратися отъ него, и пріиде во свояси, и начатъ о немъ повѣдати со удивленіемъ. Прошедъ, рече, многи страны и языки, и видѣхъ многи цари и князи, и нигдѣ же такова красотою и мужествомъ не обрѣтохъ ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, якоже великій князь Александръ. Сіи же похвальныя словеса, яже о мужествѣ и разумѣ блаженнаго Александра, слышавъ краль части римскія, иже отъ полунощныя страны, и исполнися зависти и ненависти, и возгордѣся въ мысли своей, яко время си улучи. Видяше бо, иже тогда отъ иноду Батыеву плѣненіе въ Руси. Краль же отъ своея страны надѣяшеся оставшую Русь поглотити и въ гордости своей глаголаше сице: пойду и поплѣню великій Новгородъ и прочая грады, и вся люди словенскія въ работу себѣ сотворю, и самого великаго князя Александра побѣжду, или жива руками ухващу." [2]) Таковы, по словамъ лѣтописца, причина и начало войны 1240 года, къ изложенію которой мы теперь и приступимъ, сообщивъ предварительно нѣсколько необходимыхъ данныхъ.

---

[1]) Это былъ магистръ Ливоніи Андрей Вельвенъ. Arndt. Der Liefl. Chr. II. 43. Андрей Вельвенъ, наслышавшись о доблестяхъ Александра Невскаго, пріѣзжалъ въ 1240 году для свиданія съ нимъ. О чемъ они вели переговоры неизвѣстно. Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 17.) предполагаетъ, что здѣсь дѣло шло о прекращеніи взаимныхъ неудовольствій между Ливонскими рыцарями и Новгородцами. Лѣтописцы, для которыхъ переговоры Александра Невскаго съ магистромъ Ливоніи были неизвѣстны, передаютъ только о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ молодой Новгородскій князь на нѣмецкаго рыцаря.

[2]) Степен. кн. 358; Лаврент. 205; Соф. 177; Псковск. II. 3; Новгород. 53.

IV.

„Не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ.“
Соф. л. I. 177.

Мы имѣли уже случай представить картину и состояніе нашего отечества въ разбираемую эпоху, въ эпоху всеобщаго разоренія и всеобщихъ бѣдствій. Сѣверо-восточная и юго-западная Русь гибла подъ мечами Татаръ. Великій князь, а съ нимъ и удѣльные, подчиняясь необходимости, спѣшили собственнымъ униженіемъ и богатыми дарами смирить сколько-нибудь степныхъ варваровъ и ихъ жестокаго главу. Казалось, наступала пора, когда и Россіи прійдется испытать участь тѣхъ азіатскихъ государствъ, черезъ которыя уже прошли степняки и стерли ихъ съ лица земли. Но былъ еще въ Русской землѣ уголокъ, гдѣ народность и честь русскаго имени не совсѣмъ погибли. Это были Новгородъ и Псковъ. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, лишенные помощи своихъ одноплеменныхъ сосѣдей, они съ честью выдержали напоръ западныхъ враговъ,—и этимъ обязаны преимущественно Александру Ярославичу.

Еще въ 1239 году, тотчасъ послѣ свой женитьбы, Александръ Ярославичъ занялся укрѣпленіемъ западныхъ границъ и построеніемъ крѣпостей въ Новгородской землѣ, предвидя, что столкновенія съ западными сосѣдями неизбѣжны. [1]) Всѣ его предшественники мало думали о подобнаго рода защитѣ. Враговъ они отражали большею частью военною силою, не имѣя въ ней недостатка, такъ какъ располагали средствами Новгорода и своими собственными. Александръ Ярославичъ не имѣлъ этой выгоды и понялъ, что при недостаткѣ войска по-

---

1) Новгород. I, 50.

стройка крѣпостей на границахъ сосѣдей можетъ гарантировать нѣсколько безопасность его владѣній. Его дальновидность оправдалась на дѣлѣ. Будучи Новгородскимъ княземъ, онъ употреблялъ всевозможныя средства для того, чтобы сколько-нибудь увеличить свои силы; онъ окружилъ себя опытными боярами и храбрыми витязями и пріучилъ своихъ подданныхъ къ строгой дисциплинѣ. Съ одной стороны Литва, а съ другой Ливонскіе рыцари постоянно тревожили Новгородскія и Псковскія области. Мы упоминали уже, что еще Ярославъ, тотчасъ по занятіи Владимірскаго стола, принужденъ былъ позаботиться объ отраженіи отъ Смоленскихъ и Псковскихъ предѣловъ Литовцевъ, значительно усилившихся уже къ этому времени. [1]) Великій князь съ успѣхомъ окончилъ это дѣло. Но отъ этого Литва не много потеряла. Она имѣла еще значительныя средства продолжать борьбу. Съ другой стороны на Псковскія и Новгородскія области дѣлаютъ постоянныя нападенія Шведы и Ливонцы. Великій князь Владимірскій не могъ постоянно посылать свои войска, для защиты Новгорода и Пскова отъ этихъ враговъ. Безпорядки вслѣдствіе безпрестанныхъ усобицъ требовали постояннаго присутствія его и его войска въ самомъ Владимірскомъ княжествѣ. Неопредѣленныя отношенія къ Татарамъ и утвержденіе новаго порядка вещей— также не позволяли великому князю оставить свою волость. Поэтому, пока еще Ярославъ самъ могъ участвовать въ защитѣ Новгородскаго края, то дѣла Новгородцевъ шли хорошо, и сосѣдніе враги ихъ боялись; но когда великій князь долженъ былъ заняться своими дѣлами на востокѣ, то Новгородцы были предоставлены собственнымъ силамъ и принуждены были взять на свою долю борьбу со Шведами, а незначительный

[1]) Лаврент. 200.

силами Псковъ долженъ былъ отстаивать свою свободу противъ не менѣе сильныхъ враговъ—Литвы и Ливонскихъ рыцарей. Ни Новгороду, ни Пскову нельзя было прожить въ мирѣ съ своими западными сосѣдями, а признать ихъ господство или покровительство они не могли, потому что имъ хорошо была извѣстна политика Нѣмцевъ относительно подчиненныхъ странъ. Оставалось одно—съ честью взяться за оружіе и отстаивать свою свободу. Вольные люди это и выбрали и съ честью исполнили, благодаря все-таки мужественной храбрости и благоразумной распорядительности своего молодаго князя.

Александръ Ярославичъ хорошо понималъ, что онъ могъ располагать только незначительными силами, зналъ, что на немъ лежала тяжелая отвѣтственность за честь, а можетъ быть и за свободу народа, и что ему предстояло много трудностей, но онъ, какъ истинный герой, какъ рыцарь безъ страха и упрека, не упалъ духомъ, не отказался отстоять свободу и честь народа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. А опасность для него и для его подчиненныхъ значительно увеличилась къ этому времени. Сообразно уменьшенію силъ Новгорода и Пскова, силы ихъ враговъ увеличились. Литовцы имѣли опытныхъ князей, и не только Псковичи, но даже и Ливонскіе рыцари испытали силу ихъ оружія. Это доказалъ 1237 годъ, когда Литовскій князь разбилъ соединенныя войска Ливонцевъ и Псковитянъ. [1]) Ливонцы также усилились. Сильный авторитетомъ и средства нѣмецкій орденъ Св. Маріи принялъ ихъ подъ свое покровительство, [2]) и такимъ образомъ силы Нѣм-

---

1) Новгород. I, 50.

2) Kelch Liefl. Hist. 78—85; Friebe. Handbuch der Gesch. L. E. u. K. 147, 162. См. также рядъ посланій папы Григорія IX о соединеніи этихъ орденовъ. Hist. R. M. LI. ep., LIII etc. 1) Fratres militiae Christi in Livonia cum fratribus Theutonicis incorporantur. 2) Fratres militiae Christi modo conjunctos cum Theutonicis, ut validiores fiant contra hostes, ipsi peculiari protectione prosequantur.

цевъ были удвоены. Швеція къ этому времени также оправилась. Внутренняя вражда въ государствѣ окончилась. Власть высшаго сословія усилилась. Представителемъ этого сословія является домъ Фолькунговъ съ знаменитымъ Биргеромъ во главѣ. [1]) Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ, прежде всего, было подчиненіе Пскова Ордену Меченосцевъ. Дѣло было такъ.

Издавна, чуть-ли не съ того времени, какъ Новгородъ и Псковъ сдѣлались извѣстны западнымъ народамъ, Шведы и Ливонскіе рыцари покушались уничтожить русское вліяніе на сѣверѣ, а иногда стремились уничтожить и русскую самостоятельность. Рядъ безпрерывныхъ войнъ доказываетъ, что Славяне съ энергіею отстаивали свои интересы. Яблокомъ раздора были сосѣдніе Новгороду и Пскову народцы: Латыши, Корелы, Ливы, Финны, Эсты, Чудь, Водь и др. Къ началу XIII вѣка вольные города успѣли значительно окрѣпнуть и подчинили своему вліянію сосѣдніе народы. Результатомъ этого подчиненія было столкновеніе съ одной стороны со Шведами, а съ другой—съ Ливонцами. Новгородцы столкнулись со Шведами на южной Финляндіи. Покоренные Новгородцами, жители этой страны искали себѣ союзниковъ и защитниковъ отъ непріятнаго для нихъ владычества. Лучшими защитниками были, конечно, Шведы, распространявшіе тогда христіанство въ Финляндіи. Встрѣтивъ въ Новгородцахъ враговъ въ матеріальномъ и въ духовномъ отношеніи, Шведы начали рядъ безпрерывныхъ войнъ, продолжавшихся до описываемаго нами времени. Но эти войны для Новгородцевъ и Псковичей, дѣйствовавшихъ за-одно со своимъ старшимъ братомъ, были не особенно опасны. Опасность усилилась, когда и съ другой стороны появились такіе же враги.

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., III, 188.

Въ началѣ XIII вѣка въ Ливоніи появились рыцари Тевтонскаго ордена. Цѣль появленія ихъ была весьма простая. Подъ видомъ религіозныхъ стремленій, они съ мечемъ въ рукахъ проповѣдывали туземнымъ народамъ Евангеліе Христово, распространяли истинную вѣру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣмецкую народность. Народы же, среди которыхъ имъ пришлось дѣйствовать, уже признавали надъ собою власть другихъ. Чудскія племена подчинены были Новгороду и Пскову, Ливь и Латыши—Полоцку, князь котораго считался верховнымъ правителемъ Двинской области, въ которой поселились рыцари. Хотя Нѣмцы, казалось, дѣйствовали для общаго блага, но при своихъ властолюбивыхъ намѣреніяхъ они неизбѣжно должны были столкнуться съ Русскими. Раздоръ начался съ 1207 года, когда Ливы возстали на своихъ притѣснителей Нѣмцевъ, а сторону ихъ принялъ Полоцкій князь, а за нимъ Новгородцы и Псковичи. Съ этого-то времени и начинаются безпрерывныя войны [1]) съ рыцарями Ливонскими, войны, ознаменованныя рядомъ насилій и обмановъ со стороны Нѣмцевъ. [2]) Успѣхъ войны какъ со Шведами, такъ и съ Нѣмцами былъ

---

[1]) Friebe. Handbuch der Geschichte L. E. u. K. I. 77—85.

[2]) Вражда увеличивалась еще болѣе побудительными посланіями римскаго первосвященника, который всѣми силами старался вредить Русскимъ и возбуждать противъ нихъ Ливонцевъ. Это доказываетъ рядъ посланій (Bunge. LV epist, 58). Въ этихъ посланіяхъ папа называетъ Русскихъ нарушителями католической религіи, пренебрегавшими обряды римской церкви. Hist. Rus. Mon. XII ep. Григорій IX запрещаетъ заключать миръ или перемиріе съ язычниками и съ Русскими (Ne pax vel treguae cum Paganis et Ruthenis sine apostolici legati consensu fiant. Hist. R. M. 25. XXIII), запрещаетъ браки между католичками и Русскими (Prohibentur matrimonia inter Catholicas et Ruthenos. Hist. R. M. 31. XXXIV); не позволялъ даже польскимъ князьямъ употреблять Русскихъ въ помощь противъ враговъ (Ne Poloniae Duces ope Ruthenorum utantur in bellis. H. R. M. 33. XXXVI); предписывалъ судьямъ Ливоніи, чтобы переселяющіеся въ Ливонію Русскіе были принуждаемы соблюдать законъ Латинскій (Honorii P. III ad judices in Livonia, ut Rutheni venientes inhabitare Livoniam Latinorum observantiis constringantur. Hist. R. M. 13, XII epist).

перѣпителей: каждая изъ сторонъ то побѣждала, то была побѣждаема. Такъ дѣла продолжались до 1225 года, когда Новгородцы и Псковичи, изнуренные постоянными войнами, къ концу этого времени довольно неудачными, считали необходимымъ окончить вражду и заключить хотя временный миръ. Въ концѣ 1225 года они послали къ Нѣмцамъ посла для заключенія мира. Нѣмцы обрадовались выгодному предложенію, дававшему имъ возможность дѣйствовать безпрепятственно между туземцами. Миръ былъ заключенъ, но непрочность его можно было предвидѣть. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ возникли опять непріязненныя отношенія. Дѣло не дошло до серьезныхъ столкновеній, а все ограничивалось только обоюдными набѣгами. Новгородскій край много страдалъ отъ этихъ набѣговъ: волости его были постоянно разоряемы, а жители уводимы въ плѣнъ. Новгородцы при случаѣ платили тѣмъ-же, но отъ этого странѣ не дѣлалось лучше, и край постоянно бѣднѣлъ, что особенно было чувствительно для Псковичей. Послѣднее обстоятельство заставило ихъ разъединиться съ Новгородцами и ихъ княземъ. Мы видѣли, что Ярославъ звалъ ихъ идти на Ригу, но они отказались, потому что заключили съ Нѣмцами миръ и даже дали имъ заложниковъ. Новгородцы послѣдовали примѣру Псковичей, и въ 1234 году сами заключили съ рыцарями миръ. Но могъ ли этотъ миръ долго продолжаться, когда противники Славянъ почувствовали, что силы ихъ значительно увеличились, что есть, значитъ, возможность надѣть ярмо на шею своихъ сильныхъ враговъ, осмѣлившихся цѣлое полстолѣтіе оспаривать у нихъ власть. Ливонскіе крестоносцы думали уже теперь, что они призваны не только для крещенія и порабощенія язычниковъ, но также и для обращенія Русскихъ къ *истинной* вѣрѣ. Защищая интересы своихъ подданныхъ язычниковъ и отстаивая ихъ свободу отъ притязаній Тевтонцевъ, Русскіе развили этимъ страшную

ненависть въ своихъ западныхъ врагахъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на самыхъ опасныхъ противниковъ святому отцу и апостольской римско-католической церкви. Намѣстникъ св. Петра далъ рыцарямъ позволеніе распространять свою власть на востокъ. Позволеніе это было принято съ охотой. Начались приготовленія къ серьезному наступленію на Русскихъ, которыхъ мудрые Нѣмцы считали язычниками. Дерптскій епископъ Германъ былъ главнымъ руководителемъ этого дѣла.[1] На зовъ его явились рыцари отовсюду; даже Датчане пришли къ нему на помощь. Не строго придерживаясь правилъ международныхъ отношеній, не объявляя войны, Нѣмцы подъ предводительствомъ магистра Балка бросились на русскія земли. Славный Изборскъ сдѣлался ихъ жертвой. Жители не были пощажены: всѣхъ окрестили ихъ собственною кровью. На помощь къ Изборску явились Псковичи, но было уже поздно: Нѣмцы окончили свое дѣло и бросились на Псковитянъ. Послѣднимъ невозможно было выдержать напора такого сильнаго врага, и они, послѣ незначительной стычки, въ которой погибло 600 человѣкъ, побѣжали. Нѣмцы двинулись за ними. Въ виду Пскова былъ разбитъ нѣмецкій лагерь. Началась осада, кончившаяся полною сдачею славнаго Пскова.[2] Всѣ земли, принадлежавшія Пскову, тоже поступили въ распоряженіе Нѣмцевъ. Псковъ для нашихъ западныхъ враговъ былъ славною добычей, и они, обрадованные этимъ успѣхомъ, уже протянули было свои кровавыя руки и къ старшему брату его, къ которому и съ другой стороны надвигалась туча: —то были Шведы, поднятые на Русскихъ буллою папы Григорія IX. Эта булла объявляла крестовый походъ на Новгородцевъ, какъ на враговъ христіанства и союзниковъ язычества. При-

[1] Friebe. Handbuch der Geschichte L. E. u. K. I, 161.

[2] Arndt. Der Liefland. Chron. II. 45.

зывъ былъ кстати: Шведы ненавидѣли Новгородцевъ за то, что они мѣшали имъ хозяйничать въ Финляндіи. Ливонскіе крестоносцы получили отъ вышеназваннаго святаго отца посланіе такого же содержанія еще въ 1232 году. Этимъ также было кстати. Имъ только и нуженъ былъ толчокъ, чтобы двинуться къ великому Новгороду. Соединивъ свои силы, Нѣмцы и Шведы думали добить окончательно Славянъ на сѣверѣ и тѣмъ упрочить за собою надолго авторитетъ въ Русской землѣ. Но они горько ошиблись и разочаровались въ своемъ предпріятіи. [1]) всуе трудишася безумніи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ. [2]) На сѣверѣ бодрствовалъ и стерегъ русскую народность нашъ богатырь, наше солнце русской сѣверной земли—князь Александръ. [3])

Первые начали Шведы. Мы уже упомянули, что весьма важную роль въ этой странѣ игралъ извѣстный Биргеръ. Въ описываемое нами время онъ завѣдывалъ всѣмъ строемъ Шведскаго государства. Король Эрикъ Эриксонъ былъ боленъ и не вмѣшивался въ управленіе. Всѣмъ управлялъ его родственникъ Биргеръ. Разсчитывая на бездѣтность Эрика Эриксона, Биргеръ заранѣе заботился о пріобрѣтеніи правъ на престолъ. Для этого ему нужно было прежде всего пріобрѣсти дружбу папы и популярность въ народѣ. Первой цѣли онъ могъ достигнуть, исполняя предписанія папы относительно духовенства въ Швеціи; чтобы быть популярнымъ въ народѣ,—нужно было поль-

[1]) Новгород. I. 32—53; Воскр. 124—150; Твер. 315—375. Костомаровъ, С. Р. народ. I. стр. 329—368. Friebe. Handbuch der Geschichte L. E. u. K. I. 80—118; 147—162. Arndt. Der Liefl. Chr. I. 168—220.

[2]) Степ. книга 358.

[3]) Нѣмецкій историкъ Friebe въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается объ Александрѣ Невскомъ: In Russland stand jetzt (1240) ein Held auf, dessen Name noch jetzt bei dieser Nation ehrwürdig ist. Dies war Alexander Newsky." Handbuch der Geschichte L. E. K. von Friebe. 163.

зоваться военной славой. Случай для пріобрѣтенія ее теперь былъ весьма удобный. Жестокія мѣры Абоскаго римско-католическаго епископа произвели возмущеніе въ народѣ. Епископъ донесъ объ этомъ папѣ, который лишь только узналъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ Упсальскому епископу сдѣлать воззваніе о крестовомъ походѣ противъ туземцевъ—язычниковъ и будто бы помогавшихъ имъ Русскихъ. Подобнаго рода посланіе было отправлено также и къ Биргеру. Получивъ посланіе намѣстника Христова, Биргеръ постарался привести его какъ можно скорѣе въ исполненіе. Вотъ почему, быть можетъ, онъ и не имѣлъ времени снестись объ этомъ съ своими заморскими помощниками Ливонскими рыцарями. Въ самомъ непродолжительномъ времени было собрано громадное войско, состоявшее изъ Шведовъ, Финновъ, Суми, Еми и другихъ народцевъ. Нѣсколько епископовъ и множество духовенства сопровождало все это ополченіе, что придавало ему религіозный характеръ. Точно на Турокъ въ Палестину или противъ Татаръ собирались преданные апостольскому престолу. Съ священными пѣснями и съ крестомъ впереди они двинулись въ путь на непокорную Русь. Посадивъ свое разноплеменное войско на многочисленные корабли, Биргеръ поплылъ въ Неву. Устье Ижоры назначено было мѣстомъ стоянки или роздыха. Надѣясь на свои громадныя силы, Шведскій вождь думалъ было прежде всего взять Ладогу, а затѣмъ уже ударить на Новгородъ, а взявъ его, заняться покореніемъ и всей Новгородской области. Предпріятіе, еслибы оно удалось Шведамъ, покрыло бы славою ихъ полководца; но въ своемъ предположеніи ошибаются и не такіе знаменитости, какъ Биргеръ. Биргеръ былъ увѣренъ въ счастливомъ исполненіи своего предпріятія, а потому, не успѣвъ еще ничего особеннаго сдѣлать, онъ, объявляя войну Александру, писалъ самонадѣянно: „аще можеши противиться мнѣ, то се есть здѣ

уже и плѣню землю твою." [1]) Но Новгородскаго князя не страшилъ этотъ гордый вызовъ, а только раздражилъ его и онъ „разгорѣлся сердцемъ." Со стороны Новгородцевъ война эта должна была принять также религіозный характеръ, характеръ войны за вѣру и отечество. Римляне, какъ называютъ Шведовъ наши лѣтописцы, шли на Русь не только съ тѣмъ, чтобы покорить ее, но чтобы и ввести ненавистное латинство. Враги посягали на два самыхъ священныхъ залога народности—свободу и вѣру. Въ такихъ случаяхъ рѣдко бываетъ успѣхъ на сторонѣ посягающихъ. Народъ напрягаетъ всѣ свои физическія и матеріальныя силы, лишь бы отстоять то, къ ниспроверженію чего стремится врагъ его. Александръ Ярославичъ, какъ умный правитель, очень хорошо понималъ, на чьей сторонѣ долженъ быть перевѣсъ при такихъ условіяхъ веденія войны.

Непріятель, большая часть войска котораго состояла изъ инородцевъ, не понимавшихъ его интересовъ и не сочувствовавшихъ его идеямъ, шелъ въ чужую землю, побуждаемый главнымъ образомъ приказаніемъ начальника, жившаго въ далекой странѣ и не имѣвшаго почти ничего общаго съ народомъ. Противниками этого непріятеля были люди, защищавшіе, какъ мы уже сказали, два залога своей народности—свободу и вѣру, люди, начальникомъ которыхъ былъ любимый и уважаемый князь. Успѣхъ въ дѣлѣ могъ быть на сторонѣ Шведовъ, но успѣхъ сомнительный и могшій произойти только вслѣдствіе значительнаго превосходства силъ. Дѣйствительно, Шведы, сравнительно съ военными силами Новгородцевъ, имѣли большое преимущество, но зато на сторонѣ ихъ не было того единодушія и той отчаянной храбрости и мужества, которыми отличались русскія войска, незначительныя по своему количеству.

---

[1]) Лавр. 205.

Вѣсть о врагахъ, какъ мы сказали, не смутила молодаго князя. Онъ кликнулъ кличъ своимъ воинамъ, а вѣчевой колоколъ собралъ Новгородцевъ къ совѣту. Думать долго и медлить было не время. Непріятель былъ не за горами. Скорой помощи ждать было неоткуда. Отцовскихъ полковъ долго ждать бы пришлось, а собирать войско со всѣхъ волостей Новгородскихъ тоже не было времени. Нужно было дѣйствовать быстро и энергически. Отъ этого зависѣлъ успѣхъ дѣла. Александръ приказалъ собираться и строиться въ ряды наличнымъ воинамъ. Но эти воины были достойны той славы, которую они получили. Изъ витязей и героевъ составилось войско и ждало своего начальника, но онъ былъ еще не совсѣмъ приготовленъ. Онъ понималъ всю трудность предпринимаемаго дѣла и не хотѣлъ безъ Божьяго благословенія отправиться въ путь. Въ храмѣ Св. Софіи, павъ на колѣни передъ алтаремъ, онъ горячо молился за себя и за народъ: „Боже хвальный и праведный! Боже великій и крѣпкій! Боже превѣчный! сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языкомъ, и жити повелѣвый не преступая въ чюжія части... И нынѣ Владыко прещедрый! слыши словеса гордаго варвара сего, похваляющась раззорити святую вѣру православную и пролити хотяща кровь христіанскую, призри съ небесе и виждь и посѣти насъ винограда своего и суди обидящихъ мя, и возбрани борющимся со мною, и пріими оружіе и щитъ и стани въ помощь мнѣ, да не рекутъ врази наши, гдѣ есть Богъ ихъ? ты бо еси Богъ нашъ и на тя уповаемъ.“ [1]) Окончивъ молитву, онъ всталъ, принялъ благословеніе отъ Новгородскаго владыки Спиридона и всего священнаго собора и, утирая слезы, вышелъ изъ церкви. Войско, уже совершенно готовое, усиленное Полоцкими охотниками, только и ждало его. Осмотрѣвъ и устроивъ горсть

[1]) Степ. 359; Лавр. 205; Соф. 177.

своихъ храбрецовъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснословца: си во оружіи, си на конехъ, мы же во имя Господа нашего призовемъ... и не убоимся множества ратныхъ, яко Богъ съ нами есть.“ [1]) Дѣйствительно, они не убоялись множества своихъ враговъ и смѣло двинулись къ нему навстрѣчу, воодушевленные надеждою на Бога и мужествомъ своего князя. Мужество это перешло и къ войску. Народъ русскій также былъ убѣжденъ, что предпріятіе враговъ не удастся, и полный успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, руководимое юнымъ княземъ, дѣло, на которомъ видимо почивало благословеніе Божіе. Шведы между тѣмъ, въ полной увѣренности, что они безопасны отъ непріятеля, бросили якори у устья Ижоры и наслаждались отдыхомъ. Отдохнувъ, они думали взять внезапно Ладогу и по рѣкѣ Волхову двинуться къ Новгороду, но Александръ Ярославичъ предупредилъ ихъ. 1240 года, 15 іюля, въ день памяти равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтившаго Русскую землю, и на память святыхъ мучениковъ Кирика и Улиты, [2]) Александръ съ отрядомъ своихъ воиновъ приблизился къ Ижорѣ. Здѣсь встрѣтилъ Александра вѣрный слуга Новгорода, начальникъ приморской стражи въ Водской землѣ, какой-то Вожанинъ, именемъ *Пелгусій*, а во святомъ крещеніи названный Филиппомъ. Онъ былъ очень уменъ и весьма благочестивъ, не смотря на то, что жилъ среди своихъ единоземцевъ, погруженныхъ еще въ невѣжество и идолопоклонство. По средамъ и пятницамъ онъ строго постился, велъ богоугодную жизнь и за это Богъ сподобилъ его видѣть видѣнія. Когда явились Шведы къ Ижорѣ, то онъ спѣшилъ разузнать силу и расположеніе войскъ непріятельскихъ. Ночь провелъ онъ безъ

---

[1]) Лаврент. 205; Степен. 359; Соф. I, 177.

[2]) Такая точность въ опредѣленіи времени утверждаетъ въ мысли, что составитель этого разсказа былъ, очевидно, современникъ.

спа, стоя на берегу моря и наблюдая движенія непріятеля. „Когда начало восходить солнце, говорилъ онъ Александру, я услышалъ страшный шумъ по морю и увидѣлъ одинъ насадъ съ гребцами; посреди насада стояли св. страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ въ красномъ одѣяніи и руки держали на плечахъ; гребцы, одѣтые какою-то мглою, работали веслами. И началъ говорить Борисъ своему брату: брате Глѣбе! повели скорѣе грести, да поможемъ сроднику нашему великому князю Александру! Я слышалъ гласъ св. мучениковъ, продолжалъ далѣе Пелгусій, страшно испугался и трепеталъ, пока не ушелъ насадъ изъ глазъ моихъ.“ Такъ передавалъ свое видѣніе Пелгусій. Александръ, выслушавъ его, сказалъ: „другъ! не говори объ этомъ никому, пока не увидимъ славы Божія.“ [1]) Укрѣпленный еще болѣе этимъ разсказомъ, Александръ, полный вѣры въ помощь Божію, двинулъ свои отряды на враговъ.

Шведы не ждали нападенія. Раскинувъ свои шатры на побережьи, они отдыхали. Александръ спѣшилъ нанести имъ ударъ. Было шесть часовъ дня, когда его войско ударило на Шведовъ. Завязалась кровавая сѣча. Неприготовленный къ бою, безпечный непріятель смѣшался, а Новгородцы бойко работали топорами и мечами. Шведы бились отчаянно, но что могла помочь имъ эта отчаянность, когда уже многіе лучшіе воины ихъ легли на полѣ битвы.

Новгородцы съ своимъ княземъ дѣйствовали какъ богатыри, да и самое сраженіе похоже было на богатырскую схватку. Здѣсь была полнѣйшая возможность показать свое личное мужество и храбрость. Самъ князь показывалъ примѣръ геройскаго мужества, а его избранная дружина подражала ему. Въ пылу сраженія молодой Новгородскій князь бросился въ середину враговъ, желая сразиться съ самимъ начальникомъ

[1]) Лавр. 200; Соф. I, 177; Псков. II, 3.

Шведовъ. Храбрый на словахъ, но трусливый на дѣлѣ, Биргеръ спѣшилъ спастись какъ-нибудь. Александръ догналъ его и возложилъ своимъ острымъ мечемъ печать на лицо королеви, [1]) какъ выражается фигурально лѣтописецъ. Видя, что дѣло проиграно, Шведы спѣшили къ своимъ кораблямъ, стоявшимъ близко у берега. Новгородцы гнали ихъ и били, а нѣкоторые даже взобрались на корабли и тамъ добивали враговъ. Такъ храбрый витязь Гаврило Олексичъ увидѣлъ, что Шведы уводили подъ руки какого-то важнаго юношу: это былъ сынъ Биргера. Гаврило бросился за ними на корабль по той же доскѣ, по которой и они взошли. Взобравшись на корабль, храбрецъ началъ проворно работать своимъ мечомъ, но Шведы бросились на него и столкнули въ воду съ конемъ. Герой благополучно выплылъ изъ воды и опять бросился на своихъ враговъ; онъ забрался въ самую середину сражавшихся и здѣсь показалъ много мужества. Шведскій воевода, называемый нашими лѣтописцами Спиридономъ, бился отчаянно. Къ нему-то и бросился Гаврило. Въ горячей схваткѣ Шведскій начальникъ сложилъ свою голову. Таже участь постигла и епископа Шведскаго, сражавшагося возлѣ воеводы. Управившись съ этими, Гаврило бросился на другихъ, и вездѣ успѣвалъ. Сбыславъ Якуновичъ, другой герой Новгородскій, не уступалъ въ мужествѣ Гаврилѣ. Онъ часто бросался въ самыя густыя толпы непріятелей, и, съ однимъ топоромъ въ рукѣ, молодецъ такъ ловко рубилъ головы враговъ, что всѣ удивлялись его силѣ и храбрости. Не меньшаго удивленія и похвалы заслуживалъ княжескій ловчій Яковъ Полочанинъ. Онъ одинъ не убоялся броситься на цѣлый отрядъ непріятельскій. Сильная рука его быстро приводила въ движеніе мечъ, рубившій непріятелей. Онъ мужествовалъ крѣпко, говоритъ лѣтописецъ,

---

[1]) Степ. книга. 360.

и такъ поражалъ враговъ, что самъ князь похвалилъ его. Въ этой битвѣ отличился также своею храбростью какой-то Терентій Морозъ. Онъ крѣпко и мужественно поражалъ Нѣмцевъ, такъ что самъ князь замѣтилъ его желаніе отличиться въ бою. Послѣ битвы Александръ Ярославичъ хвалилъ Терентія за храбрость и сдѣлалъ его за это бояриномъ. Много чести и похвалы въ этомъ дѣлѣ выпало на долю Миши Новгородца. Собравъ горсть своихъ пѣшихъ товарищей, онъ смѣло бросился на непріятельскіе корабли; разбилъ въ этомъ мѣстѣ Шведовъ и три корабля затопилъ, лишивъ, такимъ образомъ, враговъ возможности спастись на нихъ. Лагерь Шведскій стоялъ еще цѣлъ, а посреди него возвышался златоверхій шатеръ Биргера. Часть Шведовъ еще защищалась, не зная, можетъ быть, объ участи, постигшей ихъ сотоварищей. Смотря на знамя, развѣвавшееся надъ палаткою своего начальника, они не падали духомъ. Но вотъ одинъ изъ молодыхъ воиновъ, по имени Савва, пробирается къ этому шатру и подсѣкаетъ столбъ, поддерживавшій его. Шатеръ вмѣстѣ съ знаменемъ рухнулъ и тѣмъ далъ знать Шведамъ о ихъ погибели, а Новгородскимъ полкамъ возвѣстилъ побѣду.

Разбитые на всѣхъ пунктахъ, Шведы предались всеобщему бѣгству; Новгородцы преслѣдовали ихъ; но впереди всѣхъ бѣжалъ и гналъ непріятелей княжескій слуга храбрый Ратмиръ. Уже много враговъ лежало у его ногъ; но наконецъ Шведы толпой окружили его, и онъ, покрытый ранами, палъ на трупы своихъ враговъ. Но это была послѣдняя жертва Новгородскихъ Славянъ. Разбитые Шведы спѣшили къ своимъ кораблямъ. Между тѣмъ наступила темная ночь, благодаря которой жалкіе остатки шведскаго войска успѣли спастись. Неожиданность нападенія и отчаянное мужество Новгородцевъ навели такой страхъ на Шведовъ, что они боялись, чтобы утро не застало ихъ еще у того мѣста, которое покры-

ло ихъ вѣчнымъ позоромъ. До разсвѣта они собрались въ обратный путь. Часть своихъ убитыхъ они успѣли похоронить, вырывъ нѣсколько громадныхъ ямъ; три корабля, нагруженные мертвыми тѣлами, они затопили въ морѣ, но поле сраженія еще было усѣяно безчисленнымъ множествомъ труповъ ихъ соратниковъ. Раненыхъ Шведовъ было безчисленное множество. Забравъ знатнѣйшихъ изъ нихъ, враги Новгородцевъ поплыли внизъ по Невѣ, спасаясь отъ преслѣдованія.

Такая блистательная побѣда немногихъ жертвъ стоила Новгородцамъ. Здѣсь пали: Константинъ Луготиничъ, Юрята Пинящиничъ, Намѣстъ, Дрочило Нѣздиловъ, сынъ кожевника, а всего вмѣстѣ съ Ладожанами человѣкъ 20, „или меньше, то Богъ вѣсть," заключаетъ лѣтописецъ. Побѣда надъ Шведами была совершенная. Лѣтописецъ замѣчаетъ притомъ, что за нихъ и вмѣстѣ съ ними сражались ангелы Божіи, потому что на противоположномъ берегу Ижоры, гдѣ не было Новгородцевъ, лежало много непріятельскихъ труповъ. Весьма естественно, что успѣхъ Новгородцевъ въ Невской битвѣ зависѣлъ много отъ быстроты и неожиданности нападенія. Непредувѣдомленные о движеніи непріятеля, Шведы страшно смѣшались и въ суматохѣ, быть можетъ, рубили другъ друга, чѣмъ и можно объяснить вышеприведенное лѣтописное извѣстіе. Новгородцамъ посчастливилось также отъ распорядительности ихъ князя и личной храбрости его и другихъ витязей. Безъ этихъ причинъ исходъ дѣла, можетъ быть, былъ бы совершенно другой. Во всякомъ случаѣ побѣда была на сторонѣ Славянъ. Этой побѣдой были устранены надолго посягательства *Римлянъ* на русскую народность. Такое названіе, данное нашими лѣтописцами Шведамъ,—ясно указываетъ на религіозное значеніе этой побѣды. Народъ хорошо понималъ, что здѣсь борьба шла за вѣру и народность, что въ такомъ случаѣ самъ Богъ будетъ имъ помогать. Неудивительно поэтому, что въ

лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ извѣстія о непосредственной помощи свыше. Благочестивый Пелгусій видитъ видѣніе, придавшее мужество молодому князю; ангелы участвуютъ въ битвѣ и поражаютъ невидимо враговъ новгородскихъ. Успѣхъ въ дѣлѣ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ энергіи и умной распорядительности Александра Ярославича, и благодарное потомство, понимая громадное значеніе этого подвига, дало ему славное прозваніе *Невскаго.* [1])

Съ великою радостью, славя и благодаря Бога, Александръ Невскій возвращался въ Новгородъ. По прибытіи онъ спѣшилъ въ храмъ принести благодареніе Господу за одержанную надъ врагами побѣду. „Благодарю Тя, Владыко преблагій, и славлю пресвятое Имя Твое, яко не оставилъ мя еси раба твоего, и отъ врагъ нашихъ избавилъ ны еси; тіи спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся!“—въ такихъ словахъ выражалъ свое моленіе и благодареніе Невскій герой. Какъ истинный христіанинъ, онъ только благодарилъ и величалъ Бога, умалчивая о своихъ заслугахъ; какъ опытный вождь, всюду присутствовавшій во время сраженія, онъ спѣшилъ наградить тѣхъ храбрецовъ изъ своей дружины, личное мужество которыхъ не ускользнуло отъ его зоркаго взгляда. Онъ наградилъ ихъ матеріально и нравственно, разсказывая самъ о подвигахъ тѣхъ шестерыхъ мужественныхъ воиновъ, о которыхъ мы упомянули выше. Лѣтописецъ, передавшій намъ подробности Невскаго боя, *„вся слышахъ отъ господина своего великаго князя Александра и отъ иныхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи.“* [2])

---

[1]) Псков. II, 2—4; Соф. I, 175—179; Лавр. 204—207; Новгород. I, 51—54; Степен. кн. 357—363. „Князь Александръ побѣди ихъ на рѣки на Невы, и оттого прозванъ бысть великій князь Александръ *Невскій.*“ Прибавленія къ Псковской лѣтописи, 52. Тамъ же: „И оттолѣ бысть страхъ велій на поганыхъ нѣмецъ и дастъ Магнушъ король Свѣйскій на собя письмо и клятву, отнюдь никако не приходити на Русь войною и до скончанія вѣка, якоже суть и донынѣ есть въ великомъ Новѣгородѣ во святѣй Софіи.“

[2]) Лаврент. 206. Такое выраженіе служитъ яснымъ доказательствомъ вѣрности передаваемыхъ фактовъ.

V.

„Александръ князь изби Нѣмецъ и градъ Плесковъ избави отъ безбожныхъ иноплеменникъ помощью святыа Троица.“ „И Литва начаша блюсти и трепетати имени его.“
Псков. I. 180. Твер. 385.

Благодаря Невской побѣдѣ, Новгородцы успѣли отстоять свою независимость и доказали врагамъ, что они еще не забыли доблести предковъ и при случаѣ могутъ постоять за себя и Св. Софію. Но надолго-ли они избавились отъ враговъ и при какихъ условіяхъ могутъ постоять за себя?—вотъ вопросы, о рѣшеніи которыхъ Новгородцы не думали въ это время. Упоенные успѣхомъ недавно одержанной побѣды, они забыли, что всѣмъ этимъ обязаны своему князю. „Самочинный обычай и непокорливый нравъ“ [1]) служили причиною ссоры, возникшей между Александромъ Невскимъ и Новгородцами. Лѣтописцы ничего не говорятъ о настоящей причинѣ этого раздора.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе и выяснить отношенія Новгородцевъ къ князьямъ, которыхъ они призывали или которыхъ получали отъ болѣе сильныхъ князей. Но прежде мы постараемся опредѣлить характеръ власти князя въ вольномъ городѣ.

Какъ въ IX вѣкѣ Новгородцы призывали князя, потому что земля ихъ была велика и обильна, а порядка въ ней не было, такъ и теперь призваніе князя обусловливалось отсутствіемъ „наряда“ въ вольномъ городѣ. Князь былъ необходимъ, потому что безъ него невозможенъ былъ никакой прочный порядокъ. Призванный князь, получивъ право судить и воло-

---

[1]) Степенн. 362.

дѣть,—имѣлъ значеніе верховной власти въ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ представителемъ не только исполнительной власти, но сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю силу государственнаго устройства. Онъ былъ вождь и вмѣстѣ съ тѣмъ судья, но, не смотря на это, власть князя была ограничена *вѣчемъ*, имѣвшимъ значеніе верховнаго народнаго собранія. Хотя мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ указаній на то, чтобы князь Новгородскій былъ исполнителемъ вѣчевыхъ постановленій, но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ положительныя указанія на ограниченіе власти князя вѣчемъ и на зависимость этой власти отъ народнаго собранія. Такъ, напримѣръ, въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: „А безъ посадника ти, княже, суда не судити." [1]) Не смотря на это, дѣятельность князя не зависѣла вполнѣ отъ вѣча и его рѣшеній: онъ могъ аппеллировать на эти рѣшенія, не давая на нихъ своего согласія, а безъ его согласія постановленія вѣча не имѣли силы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и вѣче и князь находились во взаимной зависимости другъ отъ друга, но эта зависимость не составляла полнаго подчиненія. Всякій поступалъ какъ ему было угодно, а вслѣдствіе этого явилось нѣкоторымъ образомъ двоевластіе: власть княжеская и власть вѣча. Въ общественной жизни Новгородцевъ постоянно возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ зависѣло и отъ вѣча и отъ князя. Чтобы не было розни и „распренія," нужно было взаимное согласіе; другими словами,—нужна была уступчивость одной изъ этихъ сторонъ. Но при неопредѣленности отношеній этихъ властей часто происходили столкновенія, соглашенія не было, ни одна изъ сторонъ не желала уступить, а вслѣдствіе этого князь и вѣче, какъ двѣ противныя власти, становились во враждебныя отношенія другъ

---

[1]) Собр. гос. грам. и дог. I, № 1.

къ другу. Исходъ борьбы въ такихъ случаяхъ зависѣлъ большею частью отъ силы, потому что рѣдко случалось, чтобы при столкновеніяхъ съ вѣчемъ, князь являлся совершенно одинокимъ: часто на его сторонѣ была значительная сила, при помощи которой онъ успѣвалъ приводить въ исполненіе свои планы. Тогда побѣжденная партія уступала побѣдителю, и воля его дѣлалась нѣкоторымъ образомъ закономъ для побѣжденнаго. Если же сторона противная князю одерживала верхъ, то князю оставалось одно—уйти изъ Новгорода. Этимъ удовлетворялось недовольное княземъ вѣче. Случалось, впрочемъ, что изгнанный князь находилъ поддержку или въ другихъ волостяхъ или у родственныхъ князей. Тогда опять начиналась борьба, приводившая враждебныя стороны къ новымъ комбинаціямъ и къ новымъ результатамъ. [1]) Случалось также, что изгнанный князь входилъ въ новое единеніе съ вѣчемъ, примирялся съ нимъ и получалъ Новгородскій столъ. Но какъ бы далеко ни заходила вражду между княземъ и вѣчемъ, личность его всегда оставалась неприкосновенною, имущество только иногда подвергалось грабежу. Главною причиною раздора между княземъ и вѣчемъ были большею частью какія-либо постановленія, сдѣланныя безъ предварительнаго согласія съ вѣчемъ и касавшіяся посягательства на права народа, также увеличеніе налоговъ и виры. Вѣче, неудовлетворенное въ своихъ требованіяхъ, протестовало противъ князя, а исходомъ этого протеста было или изгнаніе князя или его добровольное удаленіе изъ Новгорода. Таковы были взаимныя отношенія вѣча и князя. [2])

Мы считали необходимымъ въ краткихъ чертахъ коснуться этихъ отношеній, чтобы сколько-нибудь выяснить причину

---

[1]) Новгор. I, 14.

[2]) Соловьевъ, „Объ отнош. Новгор. къ великому князю;“ Сергѣевичъ, „Вѣче и Князь;“ „Исторія Россіи,“ Соловьева, т. IV; „Сѣв. нар.“ —Костомарова, т. I, 150.

раздора, возникшаго между Александромъ Ярославичемъ и Новгородцами. Мы уже сказали, что лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ. Но можно только догадываться, что Невскій герой, слѣдуя идеямъ своего отца, старался усилить свою власть и началъ дѣйствовать сообразно съ своими интересами. Понятно, что поступки князя, стѣснявшіе свободу вольныхъ мужей, не могли понравиться имъ. Какъ-бы то ни было, но только Новгородцы „распреніе нѣкое показаша къ великому князю Александру,“ [1]) а вслѣдствіе этого распренія князь въ томъ-же 1240 году, зимою, взявъ мать, жену и дѣтей, со всѣмъ своимъ дворомъ уѣхалъ въ Переяславль, старый удѣлъ своего отца. Новгородцы скоро увидѣли свою ошибку и едва было не поплатились за свою вражду къ князю.

Обезопасивъ себя Невскою побѣдою съ сѣверной стороны, Новгородцамъ, вслѣдствіе извѣстныхъ уже причинъ, пришлось столкнуться съ другимъ врагомъ—Ливонскими рыцарями. [2]) Послѣдніе, благодаря измѣнѣ, завладѣли Псковомъ, посадили тамъ своего намѣстника Твердилу Иванковича, а Псковичи должны были признать надъ собою полное господство Нѣмцевъ и дать даже заложниковъ, что и было исполнено.

Недовольные новымъ порядкомъ вещей и не привыкшіе къ такой стѣснительной жизни, многіе изъ Псковичей бѣжали въ Новгородъ и просили помощи. Нѣмцы же между тѣмъ, не довольствуясь однимъ Псковомъ, начали дѣлать нападенія и на Новгородскія волости. Имъ помогалъ Твердило Иванковичъ. Желая стать твердою ногою на Новгородской землѣ, Нѣмцы вмѣстѣ съ Чудью, напали прежде всего на Водьскую пятину. Лишенная защиты, она безъ труда была завоевана, а Вожане отъ страха переходили на сторону своихъ побѣдителей. Нѣмцы

---

[1]) Новгор. I, 53; Степ. 362.

[2]) Магистромъ Ливонскаго ордена въ это время былъ Германъ Балкъ (1237—1243). Handbuch der Geschichte Lief-Ehst und Kurlands. W. Ch. Friebe B. I, 157.

наложили дань на жителей, а чтобы обезпечить за собою завоеванную землю, они поставили въ Копорскомъ погостѣ свой городокъ. Утвердившись такимъ образомъ, они пошли дальше и взяли принадлежавшій Новгороду пригородъ Тесовъ. Тридцать верстъ оставалось только до Новгорода. Такіе успѣхи враговъ заставили опомниться Новгородцевъ, и они ясно увидѣли, что безъ князя имъ не устоять противъ враговъ. Собравшись на вѣче, они рѣшили послать къ Ярославу Всеволодовичу просить князя. Ярославъ уважилъ ихъ просьбу и далъ имъ своего сына Андрея, младшаго брата Александра Невскаго. Но какую пользу могъ принесть Новгородцамъ молодой князь, неопытный въ ратномъ дѣлѣ и не успѣвшій еще пріобрѣсти популярности въ народѣ? Лучшіе Новгородскіе мужи это очень хорошо понимали, а потому опять рѣшено было послать къ Ярославу посольство и просить, чтобы прислалъ имъ Александра.

Враги между тѣмъ не дремали. Разсыпавшись по берегамъ Луги до города Сабля, они по дорогамъ грабили и убивали купцовъ, по селамъ уводили лошадей и скотъ, такъ что нельзя было пахать земли, да и нечѣмъ. [1]) Рыцари завладѣли уже Водскою областью, Ижорою, берегами Невы и Кореліею и распоряжались какъ въ совершенно покоренной странѣ. Католическое духовенство спѣшило предъявить и свои права на покоренныя земли. Эзельскій епископъ Генрихъ даже заключилъ съ рыцарями договоръ, по которому они обязывались давать ему значительную часть дохода, получаемаго въ покоренной землѣ. Управленіе этими странами находилось въ рукахъ гражданскихъ чиновниковъ. [2]) При такомъ положеніи дѣлъ Новгороду грозила вторично страшная бѣда. Тѣмъ временемъ новгородское посольство, съ архіепископомъ во главѣ,

---

[1]) Новгор. I. 53; Новгор. IV. 37.

[2]) Bunge. III, 34.

прибыло къ Ярославу. Усиленныя просьбы пословъ и желаніе пріобрѣсть большее вліяніе на новгородскія дѣла склонили великаго князя принять предложеніе и уступить просьбамъ. На какихъ условіяхъ Александръ Невскій согласился опять занять Новгородскій столъ, намъ изъ лѣтописей не видно, но, по всему вѣроятію, не на *всей воль новгородской*, потому что изъ послѣдующихъ договоровъ видно, что онъ распоряжался въ Новгородѣ самовластно. [1])

Въ 1241 году возвратился въ безпокойный городъ со своею дружиною Александръ Ярославичъ. Новгородцы прибытію его очень возрадовались. Водворивъ необходимый порядокъ, князь спѣшилъ собрать войско и идти на Нѣмцевъ. Къ его Новгородской дружинѣ присоединились Ладожане, Корелы и Ижоряне, и, руководимые своимъ опытнымъ княземъ, пошли прямо ко вновь построенному Нѣмцами городку. Послѣ незначительнаго сопротивленія городокъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія. Одни изъ Нѣмцевъ погибли въ сѣчѣ, другіе были отпущены, потому что Александръ, по выраженію нашихъ лѣтописцевъ, былъ „милостивъ паче мѣры,“ а остальные приведены въ Новгородъ. Съ измѣнниками же Вожанами и Чудью, принявшими сторону Нѣмцевъ, Александръ Невскій, побуждаемый, быть можетъ, настоятельною необходимостью, поступилъ со всею строгостью: многихъ изъ нихъ онъ приказалъ повѣсить въ страхъ другимъ. Такой же участи подверглись и новгородскіе измѣнники, сносившіеся съ Нѣмцами. [2]) Возстановивъ порядокъ въ Новгородской землѣ, Александръ Ярославичъ уѣхалъ опять въ Переяславль, вѣроятно по какимъ-либо семейнымъ дѣламъ, потому что изъ лѣтописей

---

[1]) Въ договорѣ Новгородцевъ съ Андреемъ, братомъ Александра, говорится: „А что, княже, братъ твой Александръ дѣлалъ насиліе въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. „Собр. госуд. грамотъ и договоровъ. I, № 1.

[2]) Никонов. III, 14.

не видно, чтобы онъ въ это время поссорился съ Новгородцами. [1]) Пользуясь отсутствіемъ Новгородскаго князя, Нѣмцы опять сдѣлали нападеніе на Новгородскія волости. Псковскіе поселки также страшно страдали отъ нихъ. Сами Псковичи, лишенные возможности отстаивать свои интересы, ждали помощи отъ старшаго брата—Новгорода и его славнаго князя. Узнавъ объ этомъ, Александръ не медля спѣшилъ на помощь Новгородцамъ и Псковичамъ. Зная на сколько ничтожны силы Новгородцевъ, Александръ обратился съ просьбою о помощи къ своему отцу. Просьба была уважена, и Низовскіе полки подъ начальствомъ князя Андрея явились на помощь Новгородской дружинѣ. Прибывъ въ Новгородъ, Александръ прежде всего отправился въ храмъ Св. Софіи и въ теплой молитвѣ просилъ у Господа благословенія на предпринимаемое дѣло. Собравши войско, Александръ объявилъ ему цѣль своего похода. Войско готово было слѣдовать за своимъ героемъ на безбожныхъ Нѣмцевъ, „похвалявшихся укорить словеньскій языкъ.“ Прежде нежели Нѣмцы узнали о собравшейся на нихъ грозѣ, Александръ своими войсками занялъ всѣ пути, ведущіе къ Пскову, а вслѣдъ затѣмъ осадилъ и городъ. Безъ труда онъ

---

[1]) Соф. I, 180; Воскр. 150; Твер. 381; Татищ. IV. 10; Степ. 363.—Бѣляевъ и Соловьевъ, основываясь, вѣроятно, на изв. Новгород. IV л., относятъ къ этому времени путешествіе Александра въ Орду. Но мы не слѣдуемъ ихъ примѣру на томъ основаніи, что это извѣстіе находится только въ одной Новгородской лѣтописи, а во вторыхъ потому, что всѣ остальныя лѣтописи ясно говорятъ, что Александръ въ это время былъ въ Переяславлѣ. Мы не слѣдуемъ Новгородской IV лѣтописи, потому что она не представляется для насъ авторитетнымъ источникомъ. Мы основываемъ свое мнѣніе на слѣдующихъ данныхъ. Эта лѣтопись содержитъ въ себѣ событія, заимствованныя изъ множества различнаго рода письменныхъ памятниковъ, и не заключаетъ въ себѣ извѣстій, которыхъ не было бы въ другихъ лѣтописяхъ. Вслѣдствіе невѣжества, а можетъ быть и небрежности, составитель этой лѣтописи, выбирая изъ сборниковъ извѣстія подъ различными годами, часто ихъ искажалъ, а иногда помѣщалъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, что легко замѣтить съ первыхъ страницъ этой лѣтописи.

занялъ его и взялъ въ плѣнъ бывшее въ немъ войско, состоявшее изъ Нѣмцевъ и Чуди. Нѣмецкіе намѣстники были скованы и отправлены въ Новгородъ. [1]) Освободивъ Псковъ и возвративъ ему независимость, Александръ съ своими войсками началъ опустошать сосѣдпія пѣмецкія владѣнія. На большомъ пространствѣ по его приказанію были пожжены поселки, взято множество плѣнныхъ, а еще болѣе легло подъ ударами новгородскихъ мечей. Послѣ этого Александръ съ своими новгородскими войсками и съ добычею возвратился въ Псковъ, чтобы отдохнуть и приготовиться къ новой болѣе серьезной борьбѣ. [2]) Новгородскій князь ждалъ войны со стороны Нѣмцевъ. Его ожиданія вполнѣ оправдались. Лишь только разнеслась вѣсть о взятіи Новгородцами Пскова, какъ поднялись всѣ Ливонцы. Собравъ громадное войско и усиливъ его Чудскими полками, они рѣшили покончить съ Новгородцами и ихъ княземъ. „Пойдемъ, погубимъ великаго князя Александра и возьметъ его руками," говорили храбрые рыцари. [3]) Первый мейстеръ Германъ Балкъ и епископы, слѣдовавшіе съ войскомъ, были положительно увѣрены, что теперь дѣло уже будетъ выиграно ими. [4]) Громадные полки ихъ двигались ко Пскову. Пограничная стража новгородскихъ полковъ, узнавъ о приближеніи враговъ, спѣшила извѣстить своего князя. Какъ прежде, такъ и теперь, Александръ Ярославичъ не упалъ духомъ, не смотря на то, что войско враговъ было многочисленно, такъ что видѣвшіе его удивлялись страшной „силѣ Нѣмецкой." Александръ готовъ былъ встрѣтить врага, но только не въ тѣсномъ городѣ, а въ просторномъ полѣ. Помолившись въ храмѣ Св. Троицы,

[1]) Новгор. I, 53; Соф. I, 180; Воскр. 180.

[2]) Тамъ-же и Friebe. Handbuch. 164; Liefl. Chron. II. 46.

[3]) Воскр. 150.

[4]) Friebe. Handbuch der Gesch. L. E. u. K. 150.

Невскій герой приказалъ своимъ полкамъ выступать и идти на Нѣмецкую землю мстить за кровь христіанскую. Была зима, когда Александръ съ своимъ войскомъ вступилъ на вражескую землю. Авангардъ его войска былъ отправленъ въ „зажитье," а часть легкаго войска подъ начальствомъ Домаша Твердиславича, посадникова брата, и Кербета была послана для развѣдыванія о непріятелѣ. Этотъ отрядъ нашелъ непріятеля, но Нѣмцы приняли его за главныя силы враговъ и бросились на него. Слабый и незначительный силами отрядъ, предводительствуемый Домашемъ, былъ разбитъ. Самъ начальникъ легъ на полѣ битвы; часть войска взята въ плѣнъ, а часть спаслась бѣгствомъ и извѣстила князя о постигшемъ его несчастіи.

Ободренный этимъ успѣхомъ, нѣмецкій вождь со всѣми своими епископами и со всѣмъ войскомъ двинулся ко Пскову по льду Чудскаго озера. Передовые русскіе полки, тѣснимые сильнымъ врагомъ, отступили. Александръ, свѣдавъ о движеніи непріятеля, приказалъ своимъ войскамъ соединиться и идти въ боевомъ порядкѣ навстрѣчу врагу. Мѣстомъ сбора было назначено Псковское озеро, у скалы Вороній камень, на Узмени. Собравшіеся новгородскіе полки, совершенно готовые къ бою, поджидали непріятеля. Имъ недолго пришлось ждать: враги уже приближались. Завидѣвъ непріятеля, Александръ, поднявъ руки къ небу, въ присутствіи всего своего войска говорилъ: „Суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помози, Господи, якоже древле прадѣду моему князю Ярославу на окаяннаго Святополка." [1]) Окружавшіе его утѣшали и говорили: „О, княже нашъ честный и драгій! нынѣ приспѣ время, положить главы своя за тя." [2]) Здѣсь было мно-

[1]) Воскр. 150; Соф. 180.

[2]) Тамъ-же.

жество храбрыхъ и сильныхъ витязей. Воины русскіе были полны ратнаго духа, и сердце ихъ было какъ сердце львовъ, говоритъ лѣтописецъ. Была тогда суббота, день 5 апрѣля. Солнце только что восходило, когда сошлись нѣмецкіе полки съ русскими. Построивъ свои войска треугольникомъ, обращеннымъ острымъ концомъ къ непріятелю, [1]) нѣмецкій вождь стремительно двинулъ ихъ на Русскихъ. Такой способъ нападенія на враговъ считался въ то время самымъ лучшимъ. Дѣйствительно, хитрость эта сначала Нѣмцамъ удалась. Они быстро врѣзались въ Новгородскіе полки, смѣшали ихъ и двинулись впередъ. Но Александръ слѣдилъ за ходомъ битвы. Ему нужно было завлечь непріятеля какъ можно дальше. Улучивъ удобное время, онъ съ главными силами бросился на непріятеля. Началась ужасная сѣча, продолжавшаяся съ ранняго утра до поздняго вечера, говоритъ лѣтописецъ, передающій разсказъ со словъ очевидца. Русскіе и ихъ враги отчаянно дрались. Страшный трескъ поднимался отъ ломавшихся копій и звукъ „отъ мечного сѣченія" заглушалъ крикъ сражавшихся. Замерзшее озеро какъ будто волновалось и колыхалось подъ сражавшимися и льду на немъ не было видно: все покрылось кровью. Удача Нѣмцевъ сначала—къ концу сраженія смѣнилась полною неудачею. Маневръ Александра, его военная хитрость вполнѣ удалась. Храбрые рыцари, защищенные своими крѣпкими латами, врѣзавшись въ русскіе полки, прошли ихъ насквозь и думали уже торжествовать побѣду, когда подоспѣлъ на помощь къ своимъ Невскій герой. Встрѣтивъ свѣжихъ противниковъ, оторопѣлые Нѣмцы смѣшались, потеряли строй и бросились бѣжать. Ободренные Русскіе съ новою силою ударили на бѣжавшихъ враговъ: много ихъ положили на мѣстѣ,

[1]) Такой строй войска назывался *свиньею.* Воскр. 150; Соф. 180; „Schweinskopf"—Friebe. I. 165.

а за остальными погнались. Семь верстъ по льду Чудскаго озера, до Суболическаго берега, они преслѣдовали враговъ. Путь ихъ преслѣдованія былъ покрытъ вражескими трупами; особенно много погибло здѣсь Чуди. Пятьсотъ рыцарей лучшихъ сложили здѣсь свои головы; 50 „нарочитыхъ мужей, сильныхъ воеводъ“ взято въ плѣнъ, а сколько ихъ погибло въ водѣ и умерло отъ ранъ, то и счету нѣтъ. Немногіе спаслись бѣгствомъ. Поздно вечеромъ кончилась битва, оставивъ богатую добычу воронамъ, постоянно носившимся надъ своею скалою....

Таковъ былъ исходъ знаменитой битвы 5 апрѣля 1242 года, битвы, извѣстной въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Ледоваго побоища.* [1]) Къ коронѣ славы Александра прибавился еще одинъ драгоцѣнный камень, а честь враговъ его загрязнилась новымъ позорнымъ пятномъ.

Какъ громомъ поражены были Нѣмцы, когда узнали о несчастіи, постигшемъ ихъ соотечественниковъ, а сѣверные Славяне не знали какъ выразить свою радость. Окончивъ свое дѣло, отстоявъ свободу Русскихъ отъ притязаній западныхъ враговъ, торжествующій Александръ возвращался во Псковъ. За войскомъ слѣдовало много плѣнныхъ; подлѣ коня его шли плѣненные рыцари, между которыми былъ и тотъ, который хвалился, что возьметъ Александра руками, а между тѣмъ самъ попался, потому что у Александра нѣтъ противника, замѣчаетъ правоучительно лѣтописецъ. Когда герой приближался къ освобожденному имъ городу, навстрѣчу ему вышло множество народа и все духовенство: игумены съ крестами и священники въ ризахъ. Народъ, завидѣвъ своего избавителя, издавалъ радостные крики и прославлялъ Бога и Александра, восклицая:

---

[1]) Воскр. 151; Соф. I, 180; С. Врем. I. Friebe. Handbuch der Gesch. L. E. u. K. l. 165.

„Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великаго князя Александра Ярославича!“ [1]) Счастливый своимъ успѣхомъ, съ сіяющимъ радостью лицемъ въѣхалъ Невскій герой въ городъ, освобожденный имъ отъ иноплеменной власти. Какъ высоко цѣнили этотъ подвигъ современники Александра Ярославича, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи. Авторъ повѣсти о великомъ князѣ Александрѣ говоритъ: „О невѣгласи Пьсковичи! аще забудете великаго князя Александра Ярославича, или отступите отъ него или отъ дѣтей его, или отъ всего роду его, уподобитесь жидомъ, ихъ же препита Господь въ пустыни крестелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы Египетскія Моисеомъ; се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не приметѐ его, или не почтите его, наречетеся вторая жидова.“ [2]) Какъ Невская побѣда, такъ и эта была одержана съ помощью Божіею. Очевидецъ, разсказывавшій лѣтописцу объ этой битвѣ, говоритъ между прочимъ, что онъ видѣлъ на воздухѣ полки Божіи, пришедшіе на помощь къ Александру. Эти-то невидимые помощники и гнали враговъ, посѣкая ихъ. Побѣдилъ Александръ силою Божіею, Св. Софіи и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, ради которыхъ Русскіе свою кровь проливали. [3]) Народъ былъ твердо увѣренъ, что войскамъ Александра Ярославича помогаютъ небесныя силы. Зная какой характеръ носила эта борьба, можно понять религіозное значеніе этой побѣды. Какъ

[1]) Воскр. 151.

[2]) Соф. I. 180 и 181; Тверск. 324.

[3]) Соф. I. 181.

Шведы приходили съ тѣмъ, чтобы полонить Русскую землю и обратить ее въ латинство, такъ теперь Нѣмцы посягали на это; и въ томъ и въ другомъ случаѣ они не имѣли успѣха, не смотря на свои матеріальныя силы, далеко превосходившія силы ихъ противниковъ. Еще разъ Россія избавилась отъ посягательствъ западныхъ враговъ и этимъ обязана также Александру Ярославичу.

Отпраздновавъ свою побѣду во Псковѣ, Александръ спѣшилъ въ Новгородъ раздѣлить свою радость съ вольными мужами. Сопровождаемый своею дружиною и плѣнниками, которыхъ онъ забралъ съ собою, Александръ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ его ожидали такія же почести и такая же слава. Новгородцы радовались не менѣе Псковитямъ. Съ этого времени, говоритъ лѣтописецъ, „нача слыти имя великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратьскихъ, объ ону страну моря Варяжскаго, и до горъ Аравитьскихъ даже и до Рима великаго; распространибо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами.“ [1]) Проживъ недолго въ Новгородѣ, Александръ, по всему вѣроятію, уѣхалъ во Владиміръ, желая проводить своего отца, который отправлялся въ Орду къ Батыю. [2])

Мы уже сказали, что Нѣмцы какъ громомъ были поражены извѣстіемъ о побѣдѣ Русскихъ надъ ихъ сотоварищами. Страхъ распространился по всей Ливоніи. Рыцари съ трепетомъ ждали Александра подъ стѣнами своей столицы Риги, и магистръ ордена, опасаясь за цѣлость своихъ владѣній, поспѣшилъ отправить посольство къ датскому королю, умоляя его о помощи и о спасеніи отъ *невѣрныхъ* Россіянъ. [3]) Но опа

[1]) Соф. Вр. 181; Воскр. 151.

[2]) Соловьев. III, 192. Бѣляев. 492.

[3]) Arndt. Liefl. Chron. II. 46.

енія рыцарей были напрасны. Александръ Ярославичъ былъ доволенъ и тѣмъ, что заставилъ Нѣмцевъ уважать права Русскаго народа и навелъ на нихъ такой страхъ, отъ котораго они не скоро могли опомниться. Прождавъ въ страхѣ напрасно враговъ, Нѣмцы, наконецъ, успокоились и спѣшили заключить съ Новгородцами миръ, чтобы обезопасить, по крайней мѣрѣ, свои собственныя владѣнія. Въ концѣ 1242 года послы ихъ съ поклономъ и дарами прибыли въ Новгородъ *„безъ князя:“* Александръ въ это время былъ во Владимірѣ. Просьбы Нѣмцевъ были уважены, и миръ былъ заключенъ на условіяхъ довольно выгодныхъ для Новгородцевъ. Нѣмцы отказались отъ всѣхъ своихъ недавнихъ завоеваній, отъ Пскова, отъ Води, Луги и Летголы: просили размѣняться захваченными плѣнниками и обѣщали отпустить псковскихъ заложниковъ. Миръ, сравнительно выгодный для Нѣмцевъ, былъ заключенъ и свято выполненъ. [1])

Кончилась на время долгая борьба съ Ливонскими рыцарями: на время былъ отрѣзанъ имъ путь къ господству надъ русскою народностью; они должны были ограничиться только тѣмъ, что предоставлено было въ ихъ распоряженіе въ самомъ началѣ ихъ прихода къ берегамъ Балтійскаго моря. Всѣмъ этимъ наше отечество обязано Александру Ярославичу, кото-

---

[1]) Воскр. 151; Соф. Врем. I. 161; Псков. II; Новг. I, IV. — Friebe. Handbuch der Gesch. L. E. u. K. I. 165. Нѣмецкій историкъ, описавшій войну 1242 года, печально заключаетъ: „So unglücklich endigte sich 1242 die Unternehmung des Ordens gegen die Russen. Der tapfere Alexander nöthigte sie zum Frieden, der noch vortheilhaft genug fur den Orden war: denn das Bisthum Dörpt erhielt bei dieser Gelegenheit einige Besitzungen in Pleskowischen vermuthlich an der Grenze.“ Friebe, I, 165—166. Тотъ-же Friebe, говоря о смерти Александра Невскаго, прибавляетъ между прочимъ: „Alexander Newski war 1262 gestorben; innere Kriege, noch mehr aber die häufigen Verwustungen der Tataren (Mongolen) hielten die Russen von Liefland ab.“ Handbuch der Gesch. L. E. u. K. 166. Этотъ историкъ весьма ясно говоритъ, что еслибы не внутренія войны и не частыя нападенія Татаръ, то Лифляндія была бы завоевана Русскими.

рый не допустилъ нашихъ западныхъ враговъ наложить руку своего господства въ самое бѣдственное время Россіи и въ самое удобное для ея враговъ. Не будь у насъ въ это время такого славнаго князя, быть можетъ, съ нашими Новгородской и Псковской областями, да и со всѣмъ сѣверомъ Россіи было бы то, что теперь съ землею Пруссовъ, а отчасти Эстовъ и Ливовъ. Нѣмецкая народность пустила глубокіе корни на этой землѣ, и немного пройдетъ еще времени, и племена Куровъ, Эстовъ и Ливовъ исчезнутъ. Благодарное потомство глубоко оцѣнило всѣ эти заслуги Александра Невскаго; пройдетъ еще много вѣковъ, а Славяне не забудутъ, что сохраненіемъ своей народности на сѣверо-западѣ Россіи они обязаны своему славному князю, *герою Невскому и Чудскому*......

Мы уже сказали, что Александръ Ярославичъ во время посольства Нѣмцевъ былъ во Владимірѣ. Сюда онъ пріѣхалъ проститься и проводить своего отца, отправлявшагося въ Орду. Проводивъ отца, Александръ Ярославичъ возвратился къ Новгородцамъ, которые нуждались въ его помощи: при устьѣ Ижоры и на льду Чудскаго озера еще не были уничтожены всѣ враги вольныхъ мужей. Съ юга надвигалась новая туча:—то были страшные Литовцы. Новгородцамъ и Псковичамъ уже и прежде приходилось встрѣчаться съ этимъ врагомъ, на что указываетъ рядъ лѣтописныхъ извѣстій. [1]) Но прежнія нападенія Литвы не такъ были страшны. Русскіе располагали тогда значительною силою и съ успѣхомъ могли отстаивать свои интересы. Въ описываемое нами время, какъ извѣстно, Русскому племени со всѣхъ сторонъ грозила страшная бѣда: только съ юга Новгородскія и Псковскія области оставались еще довольно безопасными. Но это продолжалось недолго. Точно сговорившись, и Литовцы къ этому

[1]) Псков. II. 35, 36, 39, 42, 43, 49, 50. Новгор. I. 23, 25, 29, 34.

времени начали особенно непріязненно относиться къ Русскимъ. Почувствовавъ себя сравнительно съ Русскими уже довольно сильными, Литовцы въ 1242 году „начаша пакостити въ области великаго князя Александра.“ [1]) Побѣдитель Шведовъ и Ливонцевъ не былъ устрашенъ этимъ новымъ врагомъ и еще разъ доказалъ, что онъ способенъ дать кровавый урокъ своимъ противникамъ. Лѣтописи не передаютъ намъ подробностей этой войны, но судя и по тѣмъ даннымъ, которыя въ нихъ находятся, можно съ положительностью утверждать, что успѣхъ былъ всегда на сторонѣ Невскаго героя. Когда было получено извѣстіе, что Литва вторглась въ Новгородскіе предѣлы, Александръ наскоро собралъ небольшое войско и отправился на враговъ. Гдѣ только ни встрѣчались Литовцы, Александръ съ своею дружиною вездѣ ихъ разбивалъ. Онъ дѣлалъ это съ такою быстротою и съ такимъ искусствомъ, что однажды за одинъ походъ разбилъ семь литовскихъ отрядовъ, начальниковъ ихъ перебилъ, а иныхъ взялъ въ плѣнъ. Литовцы, будучи язычниками, съ особеннымъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ опустошали захваченныя было ими Русскія земли; теперь же, когда они были разбиты и многіе взяты въ плѣнъ, то платились за свои прежніе поступки: раздраженные противъ нихъ Новгородцы мстили имъ такою же жестокостью. Плѣнныхъ рыцарей, взятыхъ на Чудскомъ озерѣ, они только заставили идти босыми возлѣ княжескаго коня, а съ Литовцами было поступлено хуже: воины Александра, наругавшись надъ ними, привязали къ хвостамъ своихъ лошадей и такимъ образомъ тащили за собою „безбожную Литву.“ [2]) Александръ ограничился этимъ успѣхомъ и не думалъ распространять свое господство въ областяхъ своихъ полудикихъ враговъ. Съ по-

---

[1]) Воскр. 150; Соф. 181; Псков. II. 4.

[2]) Новгор. I; Воскр. 151; Тверск. 385; Псков. 5; Соф. I. 181.

вымъ торжествомъ и съ новыми побѣдными лаврами возвратился Александръ въ Новгородъ, а Литва съ этого времени, замѣчаетъ лѣтописецъ, „нача блюсти имени его.“

Такимъ образомъ со славою, хотя и на время, были отбиты враги сѣверо-западной Руси. Обезопасивъ себя съ внѣшней стороны, Александръ занялся внутренними распорядками въ Новгородѣ и въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ жилъ спокойно, не тревожимый врагами. Лѣтописцы не передаютъ намъ никакихъ особенныхъ извѣстій, относящихся къ этому времени. Александръ, по всему вѣроятію, былъ занятъ семейными дѣлами и приведеніемъ въ порядокъ новгородскихъ дѣлъ. Въ Новгородской области было спокойно въ это время; только въ 1243 году вольные мужи были опечалены смертью какого-то Варлаама, чудотворца Новгородскаго, человѣка, который, какъ видно, пользовался у нихъ глубокимъ уваженіемъ и большимъ авторитетомъ, и смертью посадника Стефана Твердиславича, а въ слѣдующемъ 1244 году князь ихъ лишился своей матери Ѳеодосіи, о которой лѣтописцы отзываются съ особеннымъ сочувствіемъ.

Литва къ этому времени успѣла оправиться отъ нанесенныхъ ей пораженій, и въ 1245 году снова поднялась на Новгородцевъ и стала опустошать ихъ волости. Торжокъ и Бѣжецкъ прежде всѣхъ подверглись этому нападенію. Въ Торжкѣ въ это время княжилъ Ярославъ Владиміровичъ, тотъ самый, который участвовалъ въ походѣ Нѣмцевъ на Псковъ и Изборскъ, а теперь, устрашенный, быть можетъ, побѣдами Новгородцевъ, возратился въ Русь и, вѣроятно, съ согласія Александра Ярославича, получилъ въ управленіе Торжокъ. Узнавъ о нападеніи Литовцевъ на Новоторжскую землю, Ярославъ Владиміровичъ посиѣшилъ собрать войско и двинулся на враговъ. Послѣ незначительной стычки, Новоторжцы были разбиты, потерявъ своихъ коней и оставивъ многихъ граждан на мѣстѣ. Съ огромной добычей и плѣнными Литовцы уже спѣ-

шли домой. какъ были настигнуты тверскими и дмитровскими полками, предводительствуемыми *Яшдомъ* и *Кербетомъ.* Къ нимъ присоединился и Ярославъ съ остатками Новоторжцевъ. Битва произошла подъ Торопцемъ. Соединенныя силы Русскихъ успѣли нанести пораженіе врагамъ и заставили ихъ уступить поле сраженія. Литовцы бѣжали, но успѣли засѣсть въ Торопцѣ и продолжали отбиваться. Извѣщенный обо всемъ этомъ, Новгородскій князь со своею дружиною и новгородскими полками спѣшилъ на помощь къ своимъ. Быстрота движенія служила главнымъ образомъ причиною того, что на слѣдующій день послѣ битвы Русскихъ съ Литовцами Александръ Ярославичъ былъ уже подъ стѣнами города, занятаго Литовцами. Воодушевленные его присутствіемъ, русскіе полки смѣло бросились на приступъ, взяли городъ и выгнали Литовцевъ. Разбитые совершенно и въ открытомъ полѣ, Литовцы бросились бѣжать, оставивъ Русскимъ всѣхъ плѣнныхъ и захваченную ими добычу. Много Литовцевъ легло на полѣ битвы, въ томъ числѣ однихъ князей восемь человѣкъ. Послѣ такого рѣшительнаго успѣха, новгородскіе полки возвратились домой,и Александръ только съ одною своею дружиною, „со своимъ дворомъ," пошелъ вслѣдъ за бѣжавшими. Онъ очень хорошо понималъ, что и съ небольшими силами, но только такими, какими онъ располагалъ въ это время, можно было одержать еще не одну побѣду надъ грубыми полчищами его противниковъ. Его предположенія оправдались на дѣлѣ. У озера Жизца Литовцы остановились, быть можетъ, отдохнуть. Здѣсь-то ихъ и настигъ Александръ и смѣло вступилъ въ сраженіе. Литовцы, уже не разъ испытавшіе силу оружія Александра Ярославича, не выдержали и на этотъ разъ. Сраженіе окончилось полнымъ ихъ пораженіемъ. Оставшіеся князья были всѣ перебиты, а изъ войска не ушелъ ни одинъ человѣкъ. Послѣ такого рѣшительнаго и славнаго успѣха, Александръ пошелъ

къ Витебску, гдѣ въ это время жилъ его сынъ. [1]) Взявъ своего сына, Александръ возвращался назадъ въ Новгородъ, какъ вдругъ около Усвята наткнулся на новую толпу Литовцевъ. Быстрый и храбрый натискъ дружины Новгородскаго князя произвелъ паническій страхъ въ рядахъ непріятеля. Литовцы, далеко превосходившіе своею многочисленностью противниковъ, не выдержали этого натиска и бѣжали. Слабый отрядъ Александра преслѣдовалъ враговъ и почти окончательно уничтожилъ ихъ. Послѣ такихъ несчастныхъ попытокъ Литовцы надолго потеряли охоту нападать на владѣнія Александра Невскаго.

Отдѣлавшись такъ счастливо отъ довольно опасныхъ враговъ, которыхъ боялись даже и Ливонскіе рыцари, торжествующій Александръ со всею своею дружиною возвратился въ Новгородъ, пріобрѣвъ этому послѣднему уваженіе сосѣдей, а себѣ громкую славу между современниками и потомствомъ. Недолго ему, впрочемъ, пришлось прожить въ Новгородѣ. Дѣла на востокѣ перемѣнились и требовали его присутствія.

Ярославъ Всеволодовичъ, отецъ Александра, позванный вторично въ Орду, собираясь уже въ обратный путь, скончался, какъ намъ уже извѣстно, 30 сентября 1246 года. [2]) Александръ, узнавъ о смерти отца, поѣхалъ во Владиміръ, желая почтить достойнымъ образомъ прахъ покойнаго. Похоронивъ отца, Александръ Ярославичъ на время остался во Владимірѣ, гдѣ въ это время происходили распоряженія послѣ смерти великаго

—

[1]) По всему вѣроятію, Витебскъ принадлежалъ тестю Александра, Брячиславу Полоцкому, гдѣ и могъ гостить сынъ Александра.

[2]) Къ этому времени лѣтописи относятъ и первое полученіе Татарами дани: „при архіепископѣ Спиридонѣ великаго Новгорода и Пскова, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго отецъ, началъ дань давать въ золотую Орду." Новг. III, 220.

князя. Старшинство и столъ Владимірскій наслѣдовалъ братъ Ярослава—Святославъ, который и началъ раздавать племянникамъ своимъ *удѣлы*, назначенные имъ покойнымъ княземъ. [1]) Окончивъ дѣла во Владимірѣ и проводивъ брата Андрея въ Орду, Александръ Ярославичъ прибылъ обратно въ Новгородъ. Но недолго пришлось ему прожить въ вольномъ городѣ: его ожидалъ новый тяжелый подвигъ.

---

[1]) Надо полагать, что Святославъ еще при жизни Ярослава уговорился съ нимъ относительно наслѣдованія престола и распредѣленія волостей между его сыновьями. По этому договору Святославъ долженъ былъ получить Владиміръ, а другіе города достались сыновьямъ Ярослава. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ такъ: „Святославъ Всеволодовичъ сѣдѣ на столѣ въ Володимерѣ, а сыновця посадиша по городамъ, якоже и братъ его уряди, Ярославъ." Весьма естественно, что Святославъ, получивъ великокняжескій столъ, согласился признать право на другіе города за сыновьями Ярослава. Воскр. 156.

VI.

„Иде Олександръ князь Новгородьскый Ярославичь въ Татары; и отпустиша и съ честью великою, давше ему старѣйшиньство во всей братьи его; и бысть радость велика въ градѣ Володимери и во всей земли Суждальской."
Лавр. 202.

Слухи о Невской побѣдѣ, о Ледовомъ побоищѣ и объ истребленіи Литовцевъ достигли береговъ Волги, мѣстопребыванія верховнаго повелителя тогдашней Россіи. Слава о подвигахъ Александра была такъ велика, что, по свидѣтельству лѣтописцевъ, татарскія жены стращали своихъ дѣтей Новгородскимъ княземъ, говоря: „молчите, вотъ идетъ великій князь Александръ!" Весьма естественно, что Батый, наслышавшись о подвигахъ Невскаго, о его могуществѣ и непобѣдимой храбрости, изъявилъ желаніе видѣть у ногъ своихъ этого богатыря. Онъ прислалъ сказать Александру: „Княже, Александре! вѣси, яко разумно ти есть, иже мнѣ покорилъ Богъ многи языки, и вси повинуются державѣ моей? Внимай убо себѣ, аще мыслеши соблюсти землю твою невредиму, то потщися немедленно пріити ко мнѣ, и узриши честь и славу царствія моего, себѣ же и земли твоей полезная пріобрящеши!" [1]) Александръ горячо былъ преданъ своему отечеству и очень хорошо понималъ, что своимъ отказомъ онъ можетъ навлечь новую бѣду на несчастную Россію. „Богомудрый" князь разсудилъ, что и отецъ его ходилъ въ Орду и тамъ претерпѣвалъ много униженія за православную вѣру и за народъ христіанскій и умеръ даже „за вся люди своя," по этимъ онъ пріобрѣлъ себѣ

---

[1]) Соф. I. 186; Степен. кн. 365—367.

царствіе небесное и славу въ потомствѣ. Все это Александръ хорошо понималъ и рѣшилъ послѣдовать примѣру своего отца, хотя, быть можетъ, это путешествіе въ Орду могло стоить ему жизни, такъ какъ и для самихъ Татаръ такой князь могъ считаться опаснымъ, и они могли постараться избавиться отъ него. Простившись съ Новгородцами и оставивъ имъ вмѣсто себя сына своего Василія, Александръ отправился во Владиміръ, чтобы оттуда уже ѣхать въ Орду. Во Владиміръ прибылъ онъ „въ силѣ тяжцѣ и бысть грозенъ пріѣздъ его.“ Это можетъ навести на мысль, что онъ былъ недоволенъ своимъ дядею, распорядившимся удѣлами отца, быть можетъ, не въ пользу Александра. Пробывъ немного времени во Владимірѣ, онъ спѣшилъ привести въ исполненіе приказаніе хана. Принявъ благословеніе епископа Кирилла, онъ простился съ народомъ и отправился въ путь.

Лѣтописцы не передаютъ намъ подробностей о пріемѣ, сдѣланномъ Батыемъ Александру Невскому. Они говорятъ только о впечатлѣніи, произведенномъ на Батыя Новгородскимъ княземъ; но трудно предположить, чтобы повелитель Татаръ сдѣлалъ для русскаго князя исключеніе, былъ настолько холоденъ къ выполненію русскимъ княземъ обрядовъ монгольской религіи и настолько уступчивъ въ этомъ отношеніи, [1]) чтобы не подвергъ имъ и Александра Невскаго. Позднѣйшія описанія жизни Александра Невскаго даютъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ. По словамъ этихъ жизнеописателей, когда Новгородскій князь пріѣхалъ въ Орду, то Батый тотчасъ приказалъ своимъ приближеннымъ привести къ себѣ князя. Татары, сопровождавшіе Александра, слѣдуя правиламъ своей религіи, хотѣли было заставить князя выполнить нѣкоторые

[1]) Въ это самое время былъ замученъ въ Ордѣ Михаилъ Черниговскій съ боярином своимъ Ѳеодоромъ именно за то, что отказался выполнить обряды монгольской религіи. Лавр. 203.

унизительные для христіанина обряды, совершаемые обыкновенно при представленіи иностранца хану. Каждый, являвшійся къ хану, долженъ былъ пройти между двухъ огней для очищенія, для того, чтобы уничтожить всякое зло противъ хана, и поклониться солнцу, которое представляло собою лице хана. Такіе обряды необходимо было исполнить и Александру Невскому. Но онъ, по свидѣтельству жизнеописателей его, отказался и сказалъ: „азъ христіанинъ есмь, не подобаетъ ми кланятися твари, но поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю, и вся, яже въ нихъ суть.“ Такая твердость изумила всѣхъ приближенныхъ хана и его волхвовъ; они, увѣренные, вѣроятно, заранѣе въ полученіи новой жертвы для своего фанатизма и ободренные недавнимъ примѣромъ смерти русскаго князя Михаила Черниговскаго, поспѣшили донести обо всемъ Батыю. Но страшный повелитель многихъ земель, самъ сильный и мужественный воинъ, уважалъ и въ другихъ хорошія качества воина. Наслышавшись много о Невскомъ героѣ и горя, быть можетъ, сильнымъ желаніемъ видѣть его, Батый приказалъ своимъ приближеннымъ не принуждать Александра Невскаго выполнять обряды, а привести скорѣе къ себѣ съ подобающею честью. Приближенные хана исполнили его порученіе и объявили о немъ Александру. Освобожденный отъ выполненія языческихъ обрядовъ, благочестивый русскій князь готовъ былъ исполнить приказаніе хана, какъ своего повелителя. Въ сопровожденіи своей небольшой свиты вошелъ онъ къ хану и, поклонившись, сказалъ: „Царю, тебѣ поклонюся, Богъ бо почти тебе царствомъ, твари же не поклонюся, яко вся создана суть человѣка ради: Богу же единому, ему же служу и его же чту, Тому поклонюся.“ Батый, какъ видно, былъ доволенъ такою умною рѣчью Новгородскаго князя, а благородный видъ и мужественное и красивое лице русскаго князя

произвели хорошее впечатлѣніе на повелителя Татаръ. Обратясь къ своимъ приближеннымъ, онъ сказалъ: „воистину повѣдаша ми, яко нѣсть подобна сему князю." [1]) Онъ съ честью принялъ Александра и, одаривъ его многими дарами, отправилъ его вмѣстѣ съ братомъ къ великому хану въ Татарію.

Путь отъ береговъ Волги черезъ степи Средней Азіи въ Монголію, къ берегамъ Амура, гдѣ находился станъ великаго хана, представлялъ много трудностей и много опасностей. Путешественники XIII вѣка даютъ намъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ этихъ трудностяхъ. Такъ Вильгельмъ Рубруквисъ, стоявшій во главѣ посольства, отправленнаго французскимъ королемъ Людовикомъ IX въ 1252 году, къ повелителю Монголовъ, о путешествіи черезъ эти степи между прочимъ разсказываетъ, что въ пустынныхъ странахъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, много дней не встрѣчалось ни людей, ни жилья; голодъ, жажда и холодъ награждали ихъ за тяжелые труды, а грубость и жестокость обращенія проводниковъ увеличивали ихъ несчастія. Пищу въ пути они употребляли большею частью сырую, потому что не было достаточно топлива. Погода также не благопріятствовала имъ: постоянно дулъ сильный вѣтеръ и имъ грозила опасность быть занесенными пескомъ или снѣгомъ. Чѣмъ далѣе они подвигались, тѣмъ дорога становилась все затруднительнѣе: не встрѣчалось ни одной живой души, а вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища кочующихъ народовъ. Самимъ Татарамъ, замѣчаетъ Рубруквисъ, было страшно. Послѣ труднаго трехмѣсячнаго путешествія Рубруквисъ добрался, наконецъ, до цѣли своихъ странствованій. [2])

---

[1]) Соф. I, 186.

[2]) Voyage de Rubruquis. См. ст. Шемякина въ „Чт. Общ. И. и др. Росс." за 1864 годъ, книга 3.

Таковъ былъ путь, по которому пришлось странствовать царственной особѣ, сыну Владимірскаго великаго князя, Александру Ярославичу. Нельзя не удивляться его смѣлости въ виду стольких трудностей и опасностей. На долгое время приходилось проститься съ родною землею, оставить всѣхъ своихъ родныхъ, вооружиться гигантскимъ терпѣніемъ, чтобы быть въ состояніи перенести всѣ невзгоды подобнаго путешествія, чтобы имѣть возможность посмотрѣть мѣсто, гдѣ кончилъ свою жизнь его доблестный отецъ, и въ награду за всѣ эти лишенія и труды предстояло получить униженіе, незаслуженное имъ,—преклонить свою голову предъ гордымъ властителемъ Монголовъ. При этомъ невольно рождается вопросъ: что же руководило Невскимъ героемъ въ этомъ случаѣ? Желаніе получить великокняжескій престолъ или, можетъ быть, желаніе усилить свою власть на счетъ другихъ?... Нѣтъ, здѣсь была одна цѣль, одно побужденіе: благородная забота о благѣ отечества, желаніе не раздражить свирѣпости Монголовъ и тѣмъ не навлечь новыхъ несчастій на бѣдное отечество. Имѣя въ виду такія высокія цѣли, Александръ Ярославичъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Онъ жертвовалъ своимъ спокойствіемъ, своими семейными радостями, жертвовалъ здоровьемъ и, наконецъ, даже самой жизнью. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не было въ этомъ предпріятіи опасности для жизни—драгоцѣнной всему нашему отечеству? Неизвѣстно было, что руководило ханомъ при желаніи видѣть у своихъ ногъ Александра Невскаго. Быть можетъ, не одинъ только эгоизмъ—показать все величіе своей славы Новгородскому князю, видѣть въ числѣ своихъ данниковъ одного изъ храбрѣйшихъ въ Русской землѣ; быть можетъ, адское желаніе избавить себя отъ опаснаго человѣка, который одинъ могъ противоставить ханской власти свои полки, незначительные числомъ, но непреодолимые вслѣдствіе мужества и единодушія. Мы не знаемъ, и

довольно трудно отгадать, что именно руководило ханомъ въ этомъ случаѣ, но, принимая во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства, ставимъ въ великую заслугу Александру Ярославичу предпринятый имъ въ 1246 году подвигъ для блага отечества.

Всѣ лѣтописи, передавая извѣстіе о путешествіи Александра Ярославича къ великому хану, чрезвычайно мало говорятъ, какъ о самомъ путешествіи, такъ и о результатѣ его. И намъ приходится различными предположеніями дополнять этотъ весьма существенный недостатокъ. Мы уже сказали, что путешествіе это представляло много трудностей и опасностей. Все это пришлось перенести Невскому герою, пока онъ достигъ цѣли своего путешествія послѣ долгаго и утомительнаго странствованія.

Какъ принялъ ханъ Александра Невскаго и его брата,— объ этомъ лѣтописи также ничего не говорятъ. Извѣстно только, что путешествіе Александра Невскаго и его пребываніе въ Ордѣ продолжались около двухъ лѣтъ. Въ продолженіе этого времени Александръ Ярославичъ, вѣроятно, хлопоталъ объ опредѣленіи болѣе точныхъ отношеній между побѣдителями Татарами и побѣжденными Русскими, и хлопоталъ, конечно, въ пользу послѣднихъ. Мы не говоримъ положительно, что именно эти отношенія выработались подъ вліяніемъ Александра Невскаго, но что онъ только способствовалъ этому, что для него было особенно удобно, такъ какъ онъ первый изъ князей пользовался такою громадною славою у своихъ побѣдителей, что видно изъ пріема, сдѣланнаго ему Батыемъ.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать въ этомъ мѣстѣ маленькое отступленіе и обратимся къ выясненію этихъ отношеній, основывая свои замѣчанія преимущественно на лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ, такъ какъ онъ отчасти выясняетъ намъ даль-

нѣйшій ходъ событій на Руси, а также даетъ ключъ къ разъясненію тѣхъ отношеній, которыя впослѣдствіи возникли между русскими князьями, а также между князьями и ордынскими царями. Къ разъясненію этихъ послѣднихъ отношеній мы теперь и обратимся, не входя, впрочемъ, въ подробности относительно этого предмета и ограничиваясь только необходимымъ указаніемъ на отличительныя черты этихъ отношеній.

Владычество Монголовъ надъ Русскими обусловливалось ихъ преобладающей силой; изъ этого принципа вытекали и всѣ отношенія Русскаго народа и русскихъ князей къ ордынскимъ царямъ. Отношенія эти не были договорныя, а сложились подъ вліяніемъ завоеванія и поддерживались преобладающею силою Татаръ. Да и могъ-ли существовать договоръ въ томъ случаѣ, когда Русская земля вполнѣ подпала подъ власть Татаръ, сдѣлалась ихъ „улусомъ." Ордынскіе цари смотрѣли на Русскую землю, какъ на свою собственность, а на князей, какъ на своихъ подданныхъ, самостоятельность и значеніе которыхъ зависѣли отъ большей или меньшей степени подчиненности хану. Въ первое время владычества Татаръ эта самостоятельность была прямо пропорціональна подчиненности, и князь, наиболѣе высказывавшій свою незначительность и свое смиреніе передъ ханомъ, имѣлъ и больше выгодъ со стороны Татаръ и пользовался большимъ авторитетомъ въ средѣ его окружавшихъ, потому что на его сторонѣ всегда была сила Татаръ. Первымъ условіемъ подчиненности было признаніе хана верховнымъ правителемъ, отъ воли котораго зависѣла въ полной силѣ личность князя. Первымъ проявленіемъ подчиненности было путешествіе въ Орду къ великому хану для воздація должныхъ почестей. Князь, поступившій противнымъ образомъ, признавался личнымъ врагомъ хана, и жизни его грозила опасность. Сами Татары смотрѣли на это дѣло чрезвычайно серьезно и при всякомъ удобномъ случаѣ старались это высказывать. Такъ, между прочимъ, понуждая Михаила

Черниговскаго и бояръ его отправиться къ Хану, Татары говорили: „не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевѣ и Каповѣ, не поклонившеся има.“ [1]) Строптивость и непослушаніе въ подобныхъ случаяхъ наказывались смертью. Русскій народъ и русскіе князья очень хорошо понимали, что, не имѣя средствъ къ защитѣ, благоразумнѣе было подчиниться необходимости, нежели безполезно сопротивляться татарской силѣ, представителемъ которой былъ ханъ, воля и желаніе котораго должны были служить для нихъ закономъ. Болѣе благоразумные и дальновидные князья поступали теперь согласно съ волей великаго хана; они очень хорошо понимали, что низошедши по необходимости на степень подчиненной власти, необходимо было выжидать болѣе удобное время, чтобы можно было дѣйствовать противъ врага съ увѣренностью на успѣхъ. Такое выжидательное положеніе было тѣмъ болѣе выгодно, что ордынскіе цари, имѣя свое пребываніе внѣ предѣловъ Русскаго государства, мало вмѣшивались во внутреннее управленіе завоеванной страны и ограничивались только сборомъ извѣстной дани и требованіемъ выраженія покорности со стороны князей. Благодаря этимъ двумъ условіямъ, силы русскаго народа и власть князей успѣли значительно окрѣпнуть, а русская народность и религія остались неприкосновенными. Въ чемъ же собственно выражалась власть ордынскихъ царей по отношенію къ завоеванной землѣ и къ князьямъ этой земли? Мы уже сказали, что подчиненность русскаго князя выражалась главнымъ образомъ въ признаніи воли хана закономъ. Отъ воли-то этого хана зависѣло главнымъ образомъ, во-первыхъ, назначеніе князя, необходимымъ условіемъ котораго было признаніе верховной власти Орды и исполненіе всѣхъ ея предписаній, и, во-вторыхъ, опредѣленіе количества дани. Ярлыкъ, выданный

---

[1]) Воскрес, 153.

ханомъ на какое-либо княженіе, служилъ вещественнымъ доказательствомъ пріобрѣтеннаго права, которое, впрочемъ, часто нарушалось властителями Монголовъ: князь, заплатившій больше за ярлыкъ, получалъ это право и вмѣстѣ съ тѣмъ татарскую помощь для приведенія въ исполненіе ханскихъ повелѣній.

Дань въ описываемый періодъ времени собирали или сами Татары, уполномочивъ для этого извѣстныхъ чиновниковъ—баскаковъ, или же отдавали ее на откупъ различнымъ лицамъ. Результатомъ выдачи ярлыка и затѣмъ нарушенія права, предоставленнаго этимъ ярлыкомъ, была постоянная княжеская вражда, которую Татары старались поддерживать въ виду собственныхъ выгодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ цѣлью ослабить враждующія стороны на столько, чтобы онѣ не были въ состояніи вредить своимъ повелителямъ. Это привело, наконецъ, къ тому, что болѣе сильные и болѣе богатые князья, имѣя больше возможности пріобрѣсть ханскій ярлыкъ, постоянно увеличивали свои владѣнія на счетъ другихъ менѣе богатыхъ, и такимъ образомъ приводили въ исполненіе идею централизаціи государства, или, другими словами, получали большую возможность противостать своимъ притѣснителямъ. Откупная система подати и жестокость сбора дани служили причиною частыхъ возмущеній народа и въ концѣ концовъ привели къ тому, что сами князья въ нѣкоторомъ смыслѣ сдѣлались откупщиками, имѣя такимъ образомъ возможность въ теченіе значительнаго промежутка времени собрать значительный капиталъ, который давалъ уже имъ возможность съ большимъ успѣхомъ бороться противъ своихъ враговъ.

Власть ордынскихъ царей надъ русскими князьями выражалась еще въ правѣ суда и въ правѣ смерти и жизни надъ ними. Подобное право имѣло мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: во-первыхъ, въ случаѣ споровъ между князьями за какое-либо право, и, во-вторыхъ, если князья нарушали волю хана или

не исполняли его повелѣній. Во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣленіе хана признавалось авторитетнымъ. [1])

Такимъ образомъ, разсматривая отношенія князей къ татарскимъ ханамъ, мы видимъ, что въ описываемый періодъ времени назначеніе князей зависитъ отъ хана, отъ котораго князья получали и утвержденіе въ своей власти посредствомъ ярлыковъ. Очевидно, что каждый князь, желавшій усилить свою власть, спѣшилъ снискать расположеніе хана различными средствами. Съ этою же цѣлью предпринимались и весьма частыя путешествія въ Орду, что доказываетъ рядъ путешествій въ періодъ времени отъ 1244—1276 г.

Къ половинѣ XIII вѣка государственный строй нашего отечества еще вполнѣ не окрѣпъ; не установилось прочнаго и законнаго порядка въ преемствѣ столовъ; право на занятіе стола въ періодъ княжеской Руси не было строго наслѣдственное, а получалось въ большинствѣ случаевъ посредствомъ *добыванія*. [2]) Мы считаемъ необходимымъ выяснить этотъ способъ пріобрѣтенія права на занятіе стола. Уже извѣстно, что Россія въ описываемый періодъ времени не составляла одного политическаго цѣлаго, а была сложена изъ множества отдѣльныхъ волостей, князья которыхъ или были независимы другъ отъ друга или признавали надъ собою власть одного князя—*старшаго, великаго князя*. [3]) Впрочемъ, признаніе власти

---

[1]) Воскресен. 187—197; Соф. 264.

[2]) Мы употребляемъ этотъ терминъ пріобрѣтенія права на занятіе стола, основываясь на выраженіи, помѣщенномъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6657 годомъ, 139 стр.: „*добылъ* есмъ головою своею Киева и Переяславля,“ говоритъ князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ.

[3]) Лешковъ: „Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права.“ Разборъ этого сочиненія И. Д. Бѣляева.

„Das älteste Recht der Russen“ von Evers. Dorpat. 1826. Переводъ Платонова подъ заглавіемъ: „Древнѣйшее русское право.“

С. Неволинъ: „Энциклопедія законовѣдѣнія,“ II т., стр. 573. „Внѣшняя исторія законодательства въ Россіи.“

Сергѣевича: „Вѣче и Князь,“ 120—330.

старшаго не обусловливалось подчиненностью, а зависѣло отъ различныхъ причинъ, изъ которыхъ главною было обезпеченіе своей волости со стороны другихъ болѣе сильныхъ князей, могшихъ предъявить свои притязанія на какое-либо княжество. Но лишь только эти слабые силою князья получали возможность къ самостоятельной защитѣ, то спѣшили отдѣлаться отъ старшаго и образовать самостоятельное княжество. *Великимъ* или *старшимъ княземъ* обыкновенно признавался князь той волости, которая считалась лучшею между другими. До Монгольскаго ига лучшею волостью считалась Кіевская, и князь ея признавался великимъ или старшимъ. Съ паденіемъ Кіева это наименованіе перешло на усилившійся Владиміръ, а вслѣдъ затѣмъ на Москву. Князь старшей (лучшей) волости не пользовался никакими преимуществами предъ прочими князьями; совершенное равенство правъ было первымъ условіемъ признанія старшинства. [1]) Но великій князь, какъ князь лучшей волости, а слѣдовательно богатѣйшій и сильнѣйшій, при рѣшеніи какихъ-либо вопросовъ современной политики, игралъ главную роль, и его голосъ всегда давалъ перевѣсъ какой-либо изъ сторонъ.

Князь, признанный старшимъ, пользовался должнымъ уваженіемъ и почтеніемъ со стороны младшихъ. Въ этомъ и состояло главнымъ образомъ преимущество великаго князя передъ другими. О преимуществахъ старшаго князя передъ младшими Неволинъ говоритъ слѣдующее: „Постановленія власти общественной, коими учреждался законъ, могли исходить отъ великаго князя русскаго и, въ послѣднее время, хана татарскаго, а также отъ удѣльныхъ князей и начальства вольныхъ городовъ, бывшихъ въ Россіи. Постановленія удѣльныхъ князей, естественно, имѣли силу только для ихъ княжествъ, рав-

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов. т. I, №№ 63, 69 и др.

но какъ постановленія городоваго начальства только для извѣстнаго города. Великій князь не могъ издавать никакого общаго для всѣхъ земель русскихъ постановленія безъ согласія съ удѣльными князьями, равно какъ и князья вообще не издавали общихъ узаконеній безъ согласія своей дружины.“ [1]) Очевидно, что каждый изъ младшихъ князей, достигши самостоятельности, всевозможными средствами старался усилить свою волость, сдѣлать ее лучше другихъ, а при удобномъ случаѣ завладѣть волостью, считавшеюся до этого времени лучшею. Это составляло высшее желаніе всякаго князя, это была цѣль ихъ эгоистической политики и ихъ честолюбія. Достигнуть этого можно было различными средствами, но главнымъ изъ нихъ было *добываніе*, успѣхъ котораго зависѣлъ отъ способности князя употребить для этой цѣли свои наличныя силы и отъ умѣнья привлечь на свою сторону народъ и князей другихъ волостей. Для того, чтобы составить коалицію противъ старшаго князя, не всегда употреблялись добросовѣстныя средства, но въ такихъ случаяхъ прежде всего выставлялась на видъ опасность со стороны великаго князя, а затѣмъ уже выставлялись причины неудовольствія. [2])

Такимъ образомъ, одинъ изъ младшихъ князей, успѣвъ собрать значительную силу, начиналъ вражду съ старшимъ княземъ, и если его предпріятіе оканчивалось успѣхомъ, то онъ завладѣвалъ великокняжескимъ столомъ, лишая прежняго князя возможности возвратить когда-либо захваченный столъ. Обыкновенно это дѣлалось или посредствомъ убійства, или же лишенія свободы и заключенія князя, или же, наконецъ, предоставленіемъ прежнему князю права владѣть такою волостью, которая не могла дать ему средствъ располагать зна-

[1]) Энциклоп. II, 585—587.

[2]) Лаврент. л. 78, 109; Воскр. подъ 6954 г.

чительными силами. Народъ въ такихъ случаяхъ рѣдко оказывалъ сопротивленіе новому князю и въ большинствѣ случаевъ мирился съ своимъ положеніемъ. Это былъ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ случаевъ *добыванія* великокняжескаго стола. Подобный способъ захвата чужой волости примѣнялся не только къ великокняжеской волости, но и къ другимъ, менѣе значительнымъ. [1])

Второй способъ добыванія волости заключался въ пріобрѣтеніи за деньги или вслѣдствіе добровольной уступки. Но этотъ способъ пріобрѣтенія волости относился главнымъ образомъ къ областямъ менѣе значительнымъ. [2]) Таковы были средства добыванія волостей какъ великокняжескихъ, такъ и второстепенныхъ до половины XIII вѣка. Съ этого же времени, какъ мы видѣли, обстоятельства значительно измѣнились и явился новый способъ добыванія великокняжескаго стола—посредствомъ ханскаго ярлыка. Прежде честолюбивые князья, желавшіе захватить старшій столъ, старались только привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ князей, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть своей цѣли, а теперь они должны были испросить на это соизволенія хана, который могъ поступить по своему произволу и притомъ сообразно съ своими интересами и выгодами. Выхлопотать въ Ордѣ ярлыкъ, привлечь на свою сторону хана и его приближенныхъ—составляло немалое затрудненіе для мелкихъ князей, не обладавшихъ значительными матеріальными средствами. Чтобы достигнуть своихъ цѣлей, нужны были главнымъ образомъ деньги для подарковъ какъ хану, такъ и его приближеннымъ, а кромѣ того нуженъ былъ еще извѣстный тактъ въ обращеніи съ Татарами. При такихъ условіяхъ перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ богатѣй-

---

[1]) Лавр. подъ 6585 и 6586 г.—85 стр., 6592 г. —88 стр., 6605 г.—109 стр.; Воскр. подъ 6755 г.—156 стр.

[2]) Лавр. подъ 6592 г.—88 стр; Воскр. подъ 6724 г.—120 стр.

шихъ князей, владѣвшихъ лучшими волостями, т. е. на сторонѣ *великихъ* или *старшихъ князей*. Если это положеніе вѣрно, то изъ него уже можно вывести и другое, именно, что власти великаго князя уже не грозила прежняя опасность—лишиться своего стола вслѣдствіе произвола младшихъ князей. Въ случаѣ столкновенія съ ними, онъ, располагая лучшими средствами, могъ привлечь на свою сторону Татаръ, съ помощью которыхъ ему нетрудно было справиться съ князьями-соперниками.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, силы Русскаго государства группировались около великаго князя, или, лучше сказать, около волости, обладавшей большими матеріальными средствами. Главою этой волости, полноправнымъ лицомъ въ ней, считался великій князь, онъ же въ большинствѣ случаевъ былъ и старѣйшимъ въ княжескомъ родѣ своей волости. Кромѣ права считаться старѣйшиной—великимъ князьямъ принадлежало еще право—считаться *отцомъ* быть *„во отца мѣсто."* [1]) Послѣднее выраженіе, очевидно, показываетъ, что не всегда великій князь былъ отцомъ въ прямомъ смыслѣ, а замѣнялъ только его мѣсто, представлялъ лицо отца. Весьма естественно, что такимъ отцомъ былъ старшій въ родѣ братъ умершаго великаго князя, дядя прямыхъ наслѣдниковъ. На чемъ же основывалось это обыкновеніе перехода великокняжеской власти къ старшему въ родѣ, а не по прямой линіи отъ отца къ сыну? Было ли это основаніемъ права „престолонаслѣдія," [2]) или, быть можетъ, причина подобнаго перехода права заключалась въ фактическомъ преобладаніи старшихъ, а слѣдовательно и болѣе опытныхъ, надъ младшими? Мы думаемъ, что не сдѣ-

---

[1]) См. С. Р. Г. Г. и Д. ч. I. №: 23, 37, 45 и др. Воскр. подъ 6694 г.; Лавр. подъ 1186 г. стр. 170.

[2]) Такъ думалъ М. Погодинъ. См. его Изслѣдованія т. IV. 362—384. Ср. Соловьева, т. II и IV (Объ отношеніяхъ княжескихъ.)

лаемъ ошибки, если скажемъ, что здѣсь дѣло зависѣло отъ случая и личной энергіи лица, желавшаго пріобрѣсть великокняжескій столъ. Пояснимъ это. Мы уже сказали, что великій князь въ большинствѣ случаевъ былъ старшимъ въ родѣ и имѣлъ право считаться *отцомъ*. Если онъ былъ отцомъ *de facto*, а не *de jure*, то, умирая, оставлялъ завѣщаніе, въ которомъ обыкновенно назначалъ себѣ преемника и распредѣлялъ волости по своему усмотрѣнію между своими сыновьями. Назначеніе преемника было совершенно свободно и зависѣло отъ личной воли великаго князя, и назначеніе старшаго сына въ преемники себѣ не было непремѣннымъ условіемъ всякаго завѣщанія; [1]) но по естественному порядку вещей, вслѣдствіе тѣсной связи, соединяющей родителей съ дѣтьми, въ большинствѣ случаевъ было такъ, что великій князь, умирая, старался упрочить свою волость за дѣтьми. Но было ли подобное завѣщаніе обязательно для другихъ и составляло-ли оно, такъ сказать, норму закона, въ которую облекалось подобное распоряженіе? Говоря иначе, могъ-ли великій князь назначить преемникомъ себѣ сына и не нарушить права престолонаслѣдія? Назначая наслѣдникомъ сына, нарушалъ ли онъ права дядей? Если нѣтъ, то было ли обязательно для дядей признать наслѣдникомъ племянника? Вотъ вопросы, которые въ данномъ случаѣ необходимо разрѣшить для уясненія себѣ права престолонаслѣдія въ княжеской Руси.

Завѣщаніе, сдѣланное какимъ-либо княземъ въ пользу своего сына, было только результатомъ его личной воли, его личнаго желанія, но никакъ не права. Назначеніе своему сыну великокняжескаго стола и волости обусловливалось единственно родственной любовью, а приведеніе въ исполненіе этого назначенія зависѣло отъ личныхъ средствъ того лица, въ пользу котораго дѣлалось завѣщаніе. Великій князь, назначая своего

---

[1]) Лаврент. 201; Воскрес. 156.

сына преемникомъ себѣ, не нарушалъ правъ престолонаслѣдія; все это дѣлалось естественнымъ образомъ; но только при отсутствіи высшей власти надъ князьями—распоряженіе великаго князя не было обязательно для другихъ и не лишало ихъ права добывать себѣ великокняжескій столъ. При такомъ порядкѣ вещей, великій князь, дѣлавшій завѣщаніе въ пользу своего сына, прежде всего старался устранить противниковъ или обезпечить свое завѣщаніе договоромъ, [1]) въ силу котораго договаривавшаяся сторона обязывалась „не вступаться въ волость,“ „не подыскиваться“ подъ сыномъ, „блюсти и не обидѣть его.“ [2]) Но подобные договоры были обязательны только для сторонъ договаривавшихся, а для другихъ они не всегда имѣли законную силу и часто были нарушаемы. Нарушителями ихъ прежде всего являлись лица, которыя вслѣдствіе своего старшинства могли разсчитывать на занятіе великокняжескаго стола;—это именно братья великаго князя, а затѣмъ и его сыновья. Случалось, впрочемъ, очень часто такъ, что великіе князья упреждали подобное нарушеніе, дѣлая въ своемъ завѣщаніи распоряженіе такого рода, которое, предоставляя значительныя права сыновьямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяло и

---

[1]) Неволинъ говоритъ: „Взаимныя отношенія между великимъ княземъ, князьями удѣльными и нѣкоторыми вольными русскими городами опредѣлялись посредствомъ договоровъ.“ Далѣе: „При отсутствіи твердаго общественнаго порядка права лицъ были обезпечиваемы посредствомъ особенныхъ запрещеній нарушать ихъ; при господствующемъ стремленіи къ частному, особенному, общій законъ большею частію былъ невозможенъ и надлежало опредѣлять особеннымъ образомъ права каждой сколько-нибудь значительной группы лицъ; при неясности и запутанности неопредѣленныхъ общимъ закономъ отношеній надлежало разъяснить ихъ особенно въ каждомъ особенномъ случаѣ.“ Энцикл. законов. Неволина, II томъ, 586 стр.

[2]) Подобныя условія встрѣчаются весьма часто въ договорахъ. См. Собр. Р. Г. Г. и Д. ч. I. №: 37, 43 и пр.

братьевъ. [1]) Это былъ нѣкоторымъ образомъ союзъ или договоръ, совершенный въ силу уступки. Такъ поступалъ великій князь въ томъ случаѣ, когда не надѣялся на опытность и энергію своего преемника. Старшій въ родѣ, братъ великаго князя, получивши столъ, становился въ нѣкоторомъ смыслѣ кураторомъ относительно младшихъ, или, по выраженію лѣтописей, былъ „въ отца мѣсто." Но съ этимъ именемъ не связывалось полное значеніе отцовской власти. Имъ только предоставлялось право „блюсти" своихъ племянниковъ, другими словами, защищать ихъ отъ всякихъ насилій со стороны другихъ болѣе сильныхъ князей. Если же кураторомъ дѣлался старшій изъ сыновей, то на немъ лежала обязанность держать своихъ младшихъ братьевъ „въ братствѣ и безъ обиды," а меньшимъ приказывалось „слушаться старшаго въ себѣ мѣсто." Подобныя распоряженія великій князь дѣлалъ именно потому, что сознавалъ необходимость отеческой власти надъ своими сыновьями особенно въ то время, столь богатое войнами и неурядицами. Ясное дѣло, что великій князь, умирая, желалъ полнаго спокойствія своему государству, а такъ какъ спокойствіе это находилось въ прямой зависимости отъ отношеній князей, то князь и старался упрочить эти отношенія и сдѣлать ихъ насколько возможно мирными. Этого, онъ думалъ, можно достигнуть посредствомъ установленія семейныхъ отношеній между членами княжескаго рода. Но достигалось ли это? Весьма рѣдко. Распоряженіе великаго князя—отца, какъ результатъ его добраго желанія, оставалось только формой, съ которой не могли согласоваться личныя желанія членовъ княжеской семьи. Мы уже сказали, что нарушителями великокняжескихъ завѣщаній являлись прежде всего лица, которыя по праву своего старшинства могли разсчитывать на занятіе престола. Это

---

[1]) Лаврент. 201; Новгород. IV; Воскрес. 156.

именно братья великаго князя. На чемъ же они основывали свои права, если не имѣли на это необходимыхъ данныхъ? Но разсуждать о правѣ въ такое время, въ которое господствовало всеобщее безправіе, Faustrecht среднихъ вѣковъ, намъ кажется безполезнымъ. Каждый князь, каждый владѣтель отдѣльной волости соблюдалъ только свои личные интересы, добывалъ то, что умѣлъ, не заботясь о другихъ, не заботясь о благѣ общаго отечества. Братья умершаго великаго князя основывали свои притязанія главнымъ образомъ на силѣ и на авторитетѣ своей личности. Нельзя также не принять во вниманіе и того обстоятельства, что зрѣлость лѣтъ давала имъ значительныя преимущества надъ племянниками. Въ то время, когда жизненный опытъ замѣнялъ образованіе и развивалъ силу ума, нельзя было не признать за старшими большей практичности въ жизни. При такомъ порядкѣ вещей старые князья, какими были братья великаго князя, пользовались большею популярностью въ народѣ, нежели молодые, не успѣвшіе заявить себя еще ничѣмъ, не успѣвшіе еще заслужить расположенія народа. Старый князь, какъ человѣкъ уже болѣе практичный, позаботился заблаговременно пріобрѣсть себѣ друзей и союзниковъ на случай необходимости, а молодой, какъ болѣе безпечный, объ этомъ мало думалъ и въ случаѣ бѣды предоставленъ былъ собственнымъ силамъ. При такомъ условіи взаимныхъ отношеній князей и народа нечего удивляться, если преимущества были всегда на сторонѣ старѣйшихъ, т. е. дядей. Доказательствомъ этому въ нашихъ лѣтописяхъ служитъ рядъ извѣстій о преимуществѣ дядей предъ племянниками и о переходѣ княжеской власти отъ брата къ брату, а не отъ отца къ сыну. [1]) Но если сыновья великаго князя были люди

---

[1]) Лавр. 85; 132; Воскр. 126, 156 и пр.

энергическіе или были поставлены въ условія болѣе благопріятныя, нежели ихъ соперники, то перевѣсъ оказывался всегда на сторонѣ первыхъ, и право престолонаслѣдія переходило къ нимъ. Все это, какъ мы уже сказали, зависѣло отъ различныхъ комбинацій и отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій, въ которыя были поставлены враждующія стороны. Доказательствомъ этому тоже служитъ рядъ лѣтописныхъ извѣстій. [1] Принимая во вниманіе вышеприведенныя обстоятельства относительно права наслѣдованія великаго княжества, мы должны заключить, что причина устраненія дядями прямыхъ наслѣдниковъ великаго князя, т. е. его сыновей, заключалась преимущественно въ ихъ превосходствѣ, въ ихъ фактическомъ преобладаніи надъ молодыми князьями. Но наслѣдованіе стола не составляло ихъ полнаго права, которое принадлежало столько же имъ, сколько и сыновьямъ великаго князя. Преимущество дядей предъ племянниками должно было потерять уже свою силу и тогда, когда система личнаго управленія князя смѣнялась на систему управленія черезъ бояръ. Тогда опытные лѣтами совѣтники и правители замѣняли собою дядей и право на наслѣдованіе переходило прямо отъ отца къ сыну.

Такимъ образомъ, разсматривая способы пріобрѣтенія права на занятіе великокняжескаго стола, мы видимъ, что главнымъ изъ нихъ былъ способъ *добыванія*. Эгоистическое стремленіе князей расширять свои волости на счетъ другихъ—было въ этомъ случаѣ главною и побудительною причиною и правомъ ихъ. Все приносилось въ жертву этой нечестной политикѣ, и не было препятствій, предъ которыми бы останавливались честолюбивые князья, и даже когда татарское владычество въ половинѣ XIII вѣка охватило Русскую землю и нагнетило ее своимъ страшнымъ игомъ, и тогда не прекратилась

---

[1]) Воскр. 52, 63, 138, 156; Лавр. 229.

эта политика эгоизма, а, напротивъ, получила болѣе пищи и, вслѣдствіе этого, развилась въ сильнѣйшей степени. Къ счастью судьба сторожила русскую народность и все направляла къ общему благу. Не мало этому способствовали и самыя личности нѣкоторыхъ князей чуждыхъ ложнаго эгоизма, хорошо понимавшихъ состояніе нашего отечества и не упускавшихъ изъ виду идеи централизаціи государства. Вниманіе, утомленное рядомъ безпрерывныхъ междоусобій, отрадно отдыхаетъ на времени правленія тѣхъ лицъ, которыя своей мудрой политикой сумѣли, съ одной стороны, остановить эти междоусобія, остановить вліяніе этой разлагающей силы, а съ другой—сумѣли дать истинное направленіе развитію природныхъ силъ Русскаго народа и его цивилизаціи. Такою личностью прежде всего является Александръ Невскій.

Послѣ этого отступленія, выясняющаго намъ дальнѣйшій ходъ историческихъ событій въ княжеской Руси, мы обращаемся къ событіямъ, совершавшимся въ Русской землѣ во время пребыванія Александра Невскаго и его брата у великаго хана.

Намъ уже извѣстно, что Владимірскій великокняжескій столъ по смерти Ярослава наслѣдовалъ братъ его—Святославъ. Такимъ образомъ великокняжескій столъ перешелъ не къ прямымъ наслѣдникамъ, а къ ихъ дядѣ. Занялъ-ли Святославъ великокняжескій столъ по взаимному договору съ своимъ братомъ Ярославомъ съ условіемъ гарантіи правъ его сыновей на волости назначенныя имъ, [1]) или занятіе стола было ре-

[1]) Такъ думаетъ г. Сергѣевичъ, См. его „Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей." На страницѣ 228 онъ говоритъ: „Есть основаніе думать, что Владимірскій князь Ярославъ послѣдовалъ примѣру старшаго брата, Константина, и еще при жизни порядился на случай своей смерти съ младшимъ братомъ Святославомъ: Святославъ долженъ былъ получить по этому ряду Владиміръ, другіе же города были распредѣлены между сыновьями Ярослава. Лѣтописецъ, приведя извѣстія о смерти Ярослава, говоритъ: Святославъ Всеволодовичъ сѣдѣ на столѣ въ Володимери, а сы-

зультатомъ фактическаго преобладанія старшаго надъ младшими, или же, наконецъ, Святославъ наслѣдовалъ брату, основывая свои права на ханскомъ ярлыкѣ—это все равно: каждое изъ этихъ предположеній имѣетъ свое основаніе, но мы склоняемся болѣе въ пользу послѣдняго, основываясь на извѣстіи, сообщенномъ Троицкой лѣтописью, гдѣ подъ 6754 (1246) годомъ сказано: „поиде Святославъ въ орду *про свою отчину* [1]) *и пожалованъ бысть.*" Это путешествіе въ Орду „*про свою отчину*" совпадаетъ съ годомъ смерти Ярослава Всеволодовича и наводитъ на мысль, что Святославъ именно

новци посадиша по городамъ, *якоже братъ его уряди, Ярославъ.* Итакъ, Святославъ привелъ въ исполненіе рядъ своего брата. Но Ярославъ, распредѣляя города, не могъ, конечно, забыть Владиміра. Святославъ сѣлъ самъ во Владимірѣ но этимъ рядъ его брата не былъ нарушенъ, иначе лѣтописецъ не могъ бы сказать: „а сыновци посадиша по городамъ, якоже и братъ его уряди." Итакъ, необходимо допустить, что Святославъ получилъ Владиміръ по предварительному соглашенію съ Ярославомъ.—Это предположеніе, но зачѣмъ дѣлать гипотезы въ томъ случаѣ, когда лѣтописныя показанія избавляютъ насъ отъ этого. Такъ и въ этомъ случаѣ.

---

[1]) Здѣсь подъ отчиной необходимо разумѣть великокняжескій столъ. Отчина, какъ и самое названіе показываетъ, есть та волость, которая принадлежала *отцу*. Понятіе объ отчинѣ условное: оно можетъ быть разсматриваемо только по отношенію къ дѣтямъ того лица, которое считалось собственникомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде понятіе отчины имѣло смыслъ не только по отношенію къ занимаемой отцомъ волости или города, но и ко всякой вещи; другими словами, что прежде это понятіе установилось въ области гражданскаго права, а затѣмъ перешло и въ государственное. Въ княжеской Руси, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не было прочно установлено порядка относительно престолонаслѣдія. Если между князьями поднимался вопросъ по этому поводу, то спорящія стороны выставляли при этомъ какое-либо право или законъ. Важную роль въ такомъ случаѣ игралъ законъ о наслѣдованіи оставшагося имущества послѣ отца, о наслѣдованіи *отчины*. (Ист. гражд. законовъ, Неволина.) Основываясь на этомъ законѣ, претендующія стороны, называя что-либо отчиной, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, что право владѣть этой отчиной принадлежитъ имъ. На сколько этотъ законъ уважался, это покажетъ дальнѣйшій ходъ событій въ княжеской Руси.

ходилъ въ Орду затѣмъ, чтобы получить ханское позволенiе на занятiе великокняжескаго стола. Далѣе, въ той же и въ другихъ лѣтописяхъ сказано: „того же лѣта сѣдѣ на столѣ Святославъ.“ Эти слова вполнѣ подтверждаютъ прежде высказанную мысль. Что распоряженiе о занятiи Владимiрскаго стола Святославомъ не было дѣломъ Ярослава Всеволодовича, а если и было, то не было извѣстно Александру Невскому и его братьямъ, на это указываетъ также извѣстное уже намъ лѣтописное извѣстiе: „по умертвiи же отца своего, *великiй князь Александръ прiиде въ Володимерь въ силѣ тяжцѣ, и бысть грозенъ прiѣздъ его.*“ [1]) Александръ Ярославичъ имѣлъ полнѣйшее право быть грознымъ, потому что въ семействѣ Ярослава онъ былъ старшимъ, а слѣдовательно прежде всего ему и принадлежало право наслѣдовать отцу; но могъ-ли заявить притязанiе на это право этотъ добрый князь и притомъ въ то время, когда получилъ отъ хана грозное приказанiе явиться въ Орду, а явившись туда, былъ отправленъ съ братомъ Андреемъ къ великому хану? До поры до времени право это онъ переуступилъ другимъ, а теперь спѣшилъ только исполнить ханское приказанiе.

Если Александръ Ярославичъ, уступая въ данномъ случаѣ обстоятельствомъ, не могъ ничего сдѣлать противъ фактическаго преобладанiя дяди, то его замѣнилъ младшiй братъ его Михаилъ Ярославичъ, по прозванiи Хоробритъ, [2]) князь Московскiй. Спустя годъ послѣ того какъ старшiе Ярославичи уѣхали, этотъ храбрый и предпрiимчивый князь, какъ показываетъ и самое названiе, не основываясь ни на какихъ правахъ, а только на правѣ сильнаго, поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы *добыть* себѣ великокняжескiй столъ.

---

[1]) Соф. лѣт. 186; Псковск. 5.

[2]) Татищевъ, IV; 22 Воскр. 156.

Собравъ, быть можетъ, весьма незначительное войско, онъ напалъ на своего дядю, не ожидавшаго нападенія съ этой стороны, и заставилъ его отказаться отъ великокняжескаго стола. [1]) Окончивъ успѣшно это дѣло, новый великій князь долженъ былъ заняться другими дѣлами—и прежде всего отразить враговъ.

Славныя побѣды Александра Невскаго, совершенныя незадолго передъ симъ, надъ Шведами, Нѣмцами и Литвою, казалось, должны бы отбить охоту у этихъ враговъ нападать на предѣлы Русской земли, но на дѣлѣ было иначе. Пораженія, понесенныя Шведами и Нѣмцами, дѣйствительно были такъ велики, что нужно было продолжительное время, чтобы совершенно оправиться отъ нихъ и собраться съ новыми силами; но побѣды, одержанныя Александромъ Невскимъ надъ Литовцами въ періодъ времени отъ 1242—1245 г., не имѣли для нихъ большаго значенія. Народъ, спеціальнымъ занятіемъ котораго была война и разбойническія нападенія, не могъ тяготиться небольшою потерею своихъ членовъ, а также и потерею своихъ предводителей, которыхъ было столько же, сколько и отдѣльныхъ племенъ. Битва у Торопца, въ 1245 году, ясно доказываетъ это. Разбитые Александромъ Невскимъ, Литовцы потеряли однихъ князей 8 человѣкъ. Но что значила для нихъ эта потеря? Вмѣсто 8 потерянныхъ предводителей могло явиться столько же, если не больше, новыхъ. Вмѣсто уничтоженнаго войска, могли опять собраться разбойничьи толпы, а слѣдовательно могли производить и нападенія на сосѣднія страны. Эти нападенія были тѣмъ успѣшнѣе и смѣлѣе, чѣмъ слабѣе были ихъ враги и чѣмъ болѣе добычи представляла цѣль ихъ. Свои хищническіе взоры Литовцы прежде всего обращали на богатые пограничные города, какими были Смоленскъ, Витебскъ, Псковъ и Новгородъ. Въ большинствѣ

---

[1]) Воскрес. 156

случаевъ такъ и было. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Александра Невскаго надъ Литовцами въ 1245 г. не прошло и двухъ лѣтъ, какъ они опять поднялись и начали свои нападенія на русскія земли и русскіе города. И вотъ лѣтопись подъ 1247 годомъ сохранила намъ слѣдующее извѣстіе: „Избиша Литва Псковичь на Кудепи, іюня въ 3 (день).“ [1]) Весьма вѣроятно, что подобныя нападенія, особенно если они были удачны, повторялись и послѣ весьма часто, но лѣтописи не сохранили намъ извѣстій объ этомъ; но что это предположеніе справедливо, это доказываетъ то обстоятельство, что молодой Владимірскій князь обратилъ вниманіе на эти нападенія. Въ 1248 году по его инииціативѣ были собраны значительныя русскія силы, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ князей, и предпринятъ былъ походъ на Литву. Безпорядочнымъ толпамъ литовскихъ ополченій удавалось только тогда имѣть успѣхъ, когда противниками ихъ были слабые горожане и незначительное числомъ войско, но лишь только собиралось значительное войско подъ руководствомъ болѣе или менѣе опытныхъ князей, то въ такихъ случаяхъ успѣхъ для нихъ былъ дѣломъ сомнительнымъ. Такъ и теперь случилось. Значительное русское войско подъ предводительствомъ своихъ князей имѣло большое преимущество предъ литовскими силами. Результатъ сраженія, происшедшаго между тѣми и другими на берегу рѣки Протвы, былъ, конечно, въ пользу Русскихъ; „бишася князи Рустіи съ Литвою, и одолѣша князи Рустіе,“ говоритъ лѣтописецъ. [2]) Потери со стороны Русскихъ не могли быть большія, но Владимірскій князь Михаилъ Ярославичъ палъ въ этомъ сраженіи, вполнѣ оправдавъ свое прозваніе *храбраго*. Духовенство, народъ, бояре и князья, какъ видно, сочувственно относились къ личности Ми-

---

[1]) Псковск. I, 180.

[2]) Тверск. 395.

хаила Ярославича и жалѣли о потерѣ этого князя. Тѣло Хоробрита было перевезено во Владиміръ и съ честью похоронено въ соборномъ храмѣ и „плакашеся братья его и бояре надъ нимъ,“ говоритъ лѣтописецъ, [1]) а князья, уважая память своего храбраго соратника, рѣшились отмстить Литовцамъ. Собравъ войско, они напали на Литовцевъ и близъ Зубцова нанесли имъ сильное пораженіе. [2])

Въ такомъ положеніи были дѣла на Руси въ то время, когда Александръ Ярославичъ и его братъ, Андрей, находились у великаго хана. Понятно, что послѣ смерти Михаила Московскаго великокняжескій столъ опять достался Святославу, но и на этотъ разъ ему недолго пришлось княжить: обстоятельства въ Ордѣ измѣнились не въ пользу его; племянники его, Александръ и Андрей, возвращались отъ великаго хана съ такими пожалованіями, которыя отнимали у дяди всякую возможность пользоваться правомъ сидѣть на столѣ своего брата, владѣть отчиной своего отца. Это право вполнѣ перешло къ сыновьямъ Ярослава по ханскому распоряженію. Въ концѣ 1249 [3]) или въ началѣ 1250 г. [4]) Александръ Невскій и Андрей Ярославичъ возвратились отъ хана. По результату ихъ путешествія видно, что ханъ принялъ ихъ благосклонно: повелитель Монголовъ предоставилъ каждому изъ нихъ право на владѣніе частью Русской земли. Старшій изъ сыновей Ярослава, Александръ Невскій, получилъ Кіевъ и всю Русскую землю, а Андрей получилъ Владимірскій столъ съ остальною частью Руси, исключая, впрочемъ, Новгородской области и Переславля Залѣсскаго, какъ отчины Александра Невскаго, ко-

---

[1]) Лаврент. 201.

[2]) Тверск. 395.

[3]) Воскресен. 6757 г. стр. 159; Лаврент. 6757 г. (зимой), 202.

[4]) Соф. I. 186, подъ 6758 г.: „пріѣха в. к. Александръ изъ орды.“ Воскр. и Лавр.: „Тое-же зимы пріиде Александръ Ярославичь отъ Кановичъ.“

торые, какъ видно изъ лѣтописей, остались въ полномъ распоряженіи Александра. Подобное распредѣленіе Русской земли между этими двумя князьями ханъ сдѣлалъ „по завѣту отца ихъ,“ какъ выражается одинъ изъ историковъ. [1]) Если дѣйствительно распоряженіе хана основывалось на завѣщаніи Ярослава Всеволодовича, то притомъ невольно раждается вопросъ: чѣмъ же руководствовался въ данномъ случаѣ покойный князь? Какія причины заставили его старшему сыну назначить волости съ столицею, существовавшей больше по имени, чѣмъ на дѣлѣ, потому что послѣ татарскаго погрома мать городовъ русскихъ, хранилище святыни, обратилась въ развалины, и древній красивый и великолѣпный Кіевъ теперь похожъ былъ скорѣе на деревню, чѣмъ на городъ? Любовь-ли къ младшему сыну, Андрею, или, быть можетъ, желаніе сдѣлать княземъ южной Руси такое лицо, которое въ состояніи было бы сколько-нибудь привести тамошнія дѣла въ порядокъ и своими энергическими распоряженіями загладить недавніе слѣды татарскаго погрома? Лѣтописи не оставили намъ ясныхъ доказательствъ этого, но если существовало подобное распоряженіе, то оно во всякомъ случаѣ лишало Святослава Ярославича участія въ правѣ престолонаслѣдія, что дѣйствительно и подтверждается вышеприведеннымъ нами мѣстомъ лѣтописи, и заставляло его самого позаботиться объ этомъ, испросивъ предварительно на это разрѣшенія у хана. На этотъ разъ благосклонность хана перешла на Андрея, и Святославъ долженъ былъ уступить. Андрей Ярославичъ сдѣлался великимъ княземъ.

Соображаясь съ обстоятельствами, можно также предполагать почти съ достовѣрностью, что Андрей Ярославичъ и прежде хлопоталъ у хана о занятіи Владимірскаго стола.

---

[1]) Татищевъ, IV, 22.

Почти одновременно съ Святославомъ и онъ отправился въ Орду, раньше Александра Невскаго,—вѣроятно для того, чтобы предупредить дядю и брата и склонить на свою сторону Батыя. [1]) Если ему тогда не удалось достигнуть этого, то теперь онъ вполнѣ былъ вознагражденъ, получивъ великокняжескій столъ. На сколько было прочно это пріобрѣтеніе великокняжескаго стола подъ старшими себя, дядею и братомъ,—это выяснятъ послѣдующія обстоятельства; теперь же мы упомянемъ только, основываясь на лѣтописныхъ показаніяхъ, что въ томъ-же 1250 г.,—прежній Владимірскій князь Святославъ Всеволодовичъ, подчиняясь волѣ хана, уступивъ великокняжескій столъ племяннику, а по нѣкоторымъ лѣтописямъ даже былъ прогнанъ имъ,—[2]) поспѣшилъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Димитріемъ въ Орду [3]) къ новому хану Сартаку, [4]) чтобы прежде другихъ высказать свою подчиненность, пріобрѣсть расположеніе новаго владыки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покровительство. У Святослава Всеволодовича была, конечно, и другая болѣе практическая цѣль этого путешествія:— это именно желаніе получить снова великокняжескій столъ, отнятый у него племянникомъ, не уважавшимъ его правъ, какъ старшаго въ родѣ. На сколько онъ достигъ своей цѣли—это покажутъ дальнѣйшія обстоятельства, а теперь мы обратимся къ Невскому герою.

Возвратившись изъ Орды, Александръ Ярославичъ нѣкоторое время прожилъ во Владимірѣ, удерживаемый родствен-

---

[1]) „Поѣха Андрѣй князь Ярославичь въ Татары къ Батыеви, и Олександръ князь *поѣха по братѣ-же* къ Батыеви.“ Лавр. 201.

[2]) „И прогна Андрѣй, сынъ Ярославль“..... Новг. 4—38.

[3]) Подъ 6758 г. „Иде Святославъ со сыномъ Дмитреемъ въ орду ко царю Сартаку.“—Воскр. 159; Лавр. 202.

[4]) Батый въ это время былъ боленъ. По словамъ Абульгази у него въ это время отнялись ноги. Правленіе вмѣсто него принялъ Сартакъ.—Батый скоро умеръ, по Абульг. въ 1255 г. Карамз. IY. 84.

ными обязанностями. Въ это время его двоюродный братъ Владиміръ Константиновичъ и племянникъ его Василій Всеволодовичъ были больны. Добрый братъ для одного и внимательный дядя для другаго, Александръ Ярославичъ не хотѣлъ оставить ихъ безъ личнаго присмотра, и самъ, быть можетъ, ухаживалъ за больными. Но его родственное вниманіе не могло возвратить здоровья любимымъ особамъ: въ томъ же году оба они умерли. Видно, что Александръ Ярославичъ питалъ къ нимъ особенную любовь и послѣ смерти ихъ сильно горевалъ, „плакася надъ ними Олександръ князь много,“ говоритъ лѣтописецъ. [1])

Проводивъ бренные останки своихъ родственниковъ до мѣста ихъ погребенія, Александръ Ярославичъ поспѣшилъ возвратиться къ своимъ старымъ ратнымъ товарищамъ Новгородцамъ. Прибытіе Невскаго героя для Новгородцевъ было большимъ праздникомъ, народъ встрѣтилъ своего князя съ живѣйшимъ восторгомъ, „и бысть радость велика въ Новѣгородѣ,“ замѣчаетъ лѣтописецъ. [2]) Проживши недолгое время въ Новгородѣ, Александръ Ярославичъ хотѣлъ было отправиться въ свои новыя владѣнія на Днѣпрѣ, но Новгородцы упросили его остаться у нихъ, представляя опасности, грозившія на югѣ отъ Татаръ. Александръ уступилъ ихъ просьбамъ, остался въ Новгородѣ, заправляя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлами и въ своей отчинѣ Переяславлѣ. [3])

Весь 1250-й г. Александръ Ярославичъ, вѣроятно, провелъ въ занятіяхъ относительно управленія вольными городами и своей отчиной. [4])

---

[1]) Лавр. 202; Воскр. 159.

[2]) Новгород. I, 54.

[3]) Татищевъ, IV. 22.

[4]) Лѣтописцы не помѣщаютъ подъ этимъ годомъ никакихъ особенныхъ извѣстій. Слѣдующій годъ несравненно богаче ими.

Въ началѣ 1251 г. Александръ Ярославичъ съ Новгородцами принималъ у себя почетныхъ гостей. Преосвященный Кириллъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, съ Ростовскимъ епископомъ Кирилломъ, посѣтивъ Владиміръ, хотѣли оказать честь своимъ посѣщеніемъ Александру и Новгородцамъ. Съ торжествомъ и великою честью встрѣтили Новгородцы такихъ почетныхъ гостей. Князь, именитѣйшіе граждане Новгорода и все духовенство со крестами вышли за городъ навстрѣчу къ нимъ. Прибытіе митрополита въ Новгородъ было весьма кстати для жителей вольнаго города, потому что въ 1250 г. глава ихъ церкви архіепископъ Спиридонъ скончался, и каѳедра его оставалась незанятою. Новгородцы теперь воспользовались посѣщеніемъ митрополита и начали просить его о поставленіи имъ архіепископа. Какъ бы въ благодарность за ихъ радушный пріемъ, Кириллъ согласился на ихъ просьбу и 25 мая рукоположилъ имъ въ архіепископы Далмата. [1])

Отпраздновавъ такое важное событіе и не успѣвъ еще проводить своихъ дорогихъ гостей, Александръ Ярославичъ сильно заболѣлъ, „и бысть болѣзнь его тяжка зѣло.“ [2]) Народъ и духовенство находились въ страшномъ горѣ и боялись за жизнь своего дорогаго князя. День и ночь возносились теплыя молитвы къ Господу о выздоровленіи защитника русской народности и православной вѣры. За Невскаго героя молилась вся Россія, для которой онъ еще необходимъ былъ во многихъ отношеніяхъ. Молитвы эти были услышаны, и Господь продлилъ дни жизни славнаго князя: Александръ Ярославичъ выздоровѣлъ. Много радовались Новгородцы своему выздоровѣвшему князю, радовались и благодарили Господа—и не безъ причины: помощь такого дѣятельнаго князя, какъ Александръ Яро-

---

1) Новгород. I. 54.

2) Лавр. 202; Татищ. IV, 23.

славичъ, для нихъ теперь была болѣе необходима, чѣмъ въ другое время.

Какъ будто нарочно, вмѣстѣ съ болѣзнью князя Новгородцевъ постигли и другія несчастія: весною того же года шли сильные дожди, точно плакала природа о болѣзни Новгородскаго князя; Волховъ, и всегда неспокойный, на этотъ разъ сдѣлался бурнымъ, шумнымъ и быстро несъ свои мутныя воды къ Ладожскому озеру, точно уходилъ отъ несчастія, постигшаго народъ, жившій по его берегамъ. Сдѣлалось наводненіе. Хлѣбъ и сѣно были потоплены водой. Мостъ на Волховѣ не выдержалъ напора бурнаго потока и былъ снесенъ. Большая часть новгородскихъ полей осталась безъ хлѣба, только въ дальнихъ углахъ осталось немного, но ранній морозъ докончилъ и это. Новгородъ остался безъ хлѣба, и ему грозили событія 1230 года. Невскій герой дорогъ былъ для Новгорода въ эту тяжкую годину; онъ одинъ только могъ помочь ихъ горю,—и Новгородцы не ошиблись въ своей надеждѣ. Выздоровѣвшій князь съ новою дѣятельностью началъ помогать своему несчастному народу. Поправивъ нѣсколько внутреннія дѣла, Александръ Ярославичъ обратилъ вниманіе и на внѣшнія.

Сѣверныя границы Новгородской области въ это время подвергались весьма частымъ нападеніямъ и грабежамъ со стороны жителей сосѣднихъ областей, признававшихъ надъ собою власть Норвежскаго короля Гакона. Новгородцы, жившіе на границѣ, а также и туземцы, признававшіе надъ собою власть Новгородцевъ, Лапландцы и Корелы, при удобномъ случаѣ платили тѣмъ-же своимъ врагамъ. Желая прекратить эти взаимныя нападенія и грабежи, Александръ Ярославичъ отправилъ посольство къ Гакону съ предложеніемъ запретить своимъ подданнымъ грабить Новгородскія области. Посламъ Александра было поручено также узнать лично и дочь Норвежскаго ко-

роля—Христину, на которой Александръ хотѣлъ женить своего сына Василія. Норвежскій король былъ согласенъ на заключеніе мира и на бракъ своей дочери съ сыномъ Новгородскаго князя. Послы, прибывшіе отъ Гакона, заключили миръ съ Новгородцами и условились относительно брака. Но выполненіе послѣдняго дѣла Александру пришлось отложить до болѣе благопріятнаго времени, [1]) а теперь, узнавъ о новыхъ несчастіяхъ, постигшихъ Русскую землю, о новомъ движеніи Татаръ на Владимірское княжество, онъ поспѣшилъ въ Орду, чтобы смирить гнѣвъ хана Сартака и увѣрить его въ покорности Русскаго народа. Изъ Орды Александръ Ярославичъ возвратился уже великимъ княземъ Владимірскимъ. Для разъясненія этого факта намъ необходимо возвратиться нѣсколько назадъ и взглянуть на событія, совершавшіяся въ это время во Владимірскомъ княжествѣ, гдѣ княжилъ Андрей Ярославичъ, младшій братъ Александра Невскаго.

Разбирая права князя на занятіе великокняжескаго стола, мы замѣтили, что въ половинѣ XIII вѣка явился новый способъ пріобрѣтенія этого права—посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Для полученія ханскаго ярлыка необходимы были прежде всего средства, чтобы задарить хана и его приближенныхъ, которыхъ вліяніе часто весьма замѣтно отражалось на повелителѣ Татаръ. Притомъ нуженъ былъ также извѣстный тактъ въ обращеніи съ лицами, расположеніе которыхъ заискивали; нужно было умѣть говорить пріятныя рѣчи и съ особенною ловкостью выставить Татарамъ выгоды отъ пріобрѣтенія ханскаго ярлыка на княженіе тѣмъ или другимъ княземъ. Въ этомъ состояла вся политика того времени. Очевидно, что расположеніе хана прежде всего обращалось на того, кто прежде другихъ являлся къ нему съ покорной головой, дарилъ его и

---

[1]) Карамзинъ IV, прим. 87.

его приближенныхъ, а въ будущемъ сулилъ еще больше. Въ большинствѣ случаевъ такъ и было: право занять княжескій столъ получали тѣ князья, которые прежде другихъ являлись къ своему повелителю. Но по прошествіи извѣстнаго времени впечатлѣніе, произведенное посѣщеніемъ перваго князя, сглаживалось изъ памяти корыстолюбивыхъ хановъ, а между тѣмъ являлся новый князь, конкурентъ первому на занятіе великокняжескаго стола,—сыпалъ золотомъ въ Ордѣ, если онъ имѣлъ средства, говорилъ пріятныя рѣчи хану и его приближеннымъ, унижался до безконечности, выражая этимъ свою полную покорность, и такимъ образомъ мало-по малу пріобрѣталъ расположеніе хана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ханскій ярлыкъ, въ выдачѣ которыхъ ордынскіе царьки нисколько не стѣснялись и выдавали ихъ нѣсколькимъ лицамъ на одно и тоже княженіе.

Подобный способъ назначенія князьями для Татаръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоденъ. Съ одной стороны, они имѣли постоянный источникъ доходовъ, а съ другой, вслѣдствіе подобной политики, уменьшали силы князей и давали имъ поводъ ко взаимной враждѣ. Сами князья очень хорошо понимали это и при удобномъ случаѣ пользовались выгодными для нихъ комбинаціями. Болѣе добросовѣстные князья, понимавшіе вредъ подобныхъ дѣйствій, поступали въ этомъ случаѣ согласно съ интересами своего отечества—оставались довольны тѣмъ, на что получили уже разъ право; другіе-же, въ виду личныхъ выгодъ, поступали наоборотъ: они не довольствовались полученнымъ, искали новаго, лучшаго, а при случаѣ добывали и великокняжескій столъ. При достиженіи своихъ цѣлей они не всегда поступали добросовѣстно, часто не стѣснялись въ средствахъ и для своей эгоистической политики жертвовали интересами отечества, всеобщимъ миромъ, узами родства, не говоря уже о томъ, что самая-то личность терпѣла всевозможныя униженія, лишь-бы добиться своего, лишь-бы удовлетворить

своему эгоизму. Принявъ во вниманіе подобную политику и такія условія пріобрѣтенія правъ на занятіе великокняжескаго стола,—можно-ли удивляться, что послѣ смерти Ярослава Всеволодовича претенденты на великокняжескій столъ другъ передъ другомъ порываются въ Орду, спѣшатъ снискать расположеніе хана, высказать ему свою покорность—лишь бы пріобрѣсть покровительство, а затѣмъ и ханскій ярлыкъ. Прежде всѣхъ, какъ мы видѣли, отправляется Святославъ „про свою отчину" и, какъ опытный князь, умѣлъ снискать расположеніе хана: „пожалованъ бысть." Вслѣдъ за нимъ туда-же стремится и Андрей Ярославичъ, понимавшій право наслѣдованія нѣсколько иначе нежели его дядя. Думая, что Владимірскій престолъ долженъ перейти къ одному изъ сыновей его отца и видя доброту своего старшаго брата, чуждаго подобнаго образа дѣйствій, самъ спѣшитъ къ хану, чтобы сдѣлать что нибудь въ свою пользу и во вредъ своему дядѣ, чего онъ и достигъ, какъ мы видѣли, получивъ право на великокняжескій столъ. Оставался еще одинъ претендентъ на Владимірскій столъ, князь съ найболѣе уважительными правами, но не подходившій подъ общій уровень тогдашнихъ политиковъ, желавшій только блага своему бѣдному отечеству и жертвовавшій для этого всѣмъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ правомъ. Онъ не порывается въ Орду, какъ другіе, не спѣшитъ униженно склонить свою благородную голову передъ грубымъ, невѣжественнымъ азіатцемъ, не старается заискать его расположенія, зная что этимъ онъ можетъ повредить другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отечеству. Довольствуясь тѣмъ, что получилъ еще при жизни отца—Новгородомъ и Переяславлемъ Залѣсскимъ, онъ все свое вниманіе, всѣ свои труды посвятилъ на сохраненіе народности и чести русскаго имени въ этомъ отдаленномъ уголкѣ, еще нетронутомъ, еще неоскверненномъ ядовитыми, носившими вмѣстѣ съ собою смерть и разрушеніе, Татарами.

Добрый геній хранилъ его, Господь благословилъ всѣ его дѣла, и имя Александра съ уваженіемъ произносилось западными врагами русской народности.

Покрытый вѣнками славы, Новгородскій князь какъ будто оставался незамѣтнымъ, но имя его между тѣмъ гремѣло вездѣ: „отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго, и до моря Хупожскаго и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратьскихъ, обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Рима.“ [1]) Одни владѣтели сосѣднихъ областей спѣшили лично познакомиться съ доблестнымъ княземъ, [2]) а возвратившись въ свою страну, не находятъ словъ, чтобы высказать свое удивленіе, потому что не видѣли такого „ни въ царѣхъ царя, ни въ князьяхъ князя;“ другіе, завидуя его славѣ, собираютъ сильные полки, варварски нападаютъ на его владѣнія, но съ посрамленіемъ возвращаются, увеличивъ еще болѣе славу Новгородскаго князя; третьи, наконецъ, стараются снискать его расположеніе льстивыми посланіями и, надѣясь на его мужество, просятъ защиты противъ Татаръ. [3]) Такое впечатлѣніе произвелъ Новгородскій герой на Западъ. Востокъ тоже зналъ, что на Руси есть князь, котораго нужно бояться и вмѣстѣ съ тѣмъ уважать. Татарскія жены страшатъ именемъ его своихъ дѣтей, а владыка Орды, горя желаніемъ видѣть этого славнаго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя удовольствіе считать такого мужественнаго князя въ числѣ своихъ подданныхъ,—шлетъ къ нему посланіе, приглашая „видѣть честь и славу царства своего.“ Отражая мужественно враговъ въ одномъ случаѣ и подчиняясь тяжкой необходимости въ другомъ, благоразумный князь не-

[1]) Соф. Врем. 258.

[2]) Андрей Вельвенъ.

[3]) Это было, какъ увидимъ дальше, посланіе изъ Рима отъ папы Иннокентія IV.

исполняетъ приказаніе хана, но вмѣстѣ съ тѣмъ не унижаетъ своего достоинства, не заискиваетъ его расположенія льстивыми рѣчами, не задариваетъ его и его приближенныхъ и не сулитъ ничего въ будущемъ. Ханъ принялъ его благосклонно, но эта благосклонность не послужила въ пользу Александра Ярославича: ханъ не сдѣлалъ его великимъ княземъ, а Невскій и не добивался этой чести, *не спорилъ о правѣ съ своимъ братомъ*, оставаясь доволенъ тѣмъ, что ему было назначено. Братъ его поступилъ иначе и выхлопоталъ себѣ великокняжескій столъ. [1]) Такимъ образомъ Святославъ Всеволодовичъ, не

[1]) Г. Соловьевъ (III, 193 и 194), основываясь на испорченномъ свидѣтельствѣ ист. Татищева (IV, 22), говоритъ, что „раздѣлъ между Ярославичами не былъ искрененъ; есть извѣстіе, * что Александръ съ Андреемъ имѣли въ Ордѣ большой споръ, кому быть во Владимірѣ, кому въ Кіевѣ, и ханъ отдалъ Кіевъ Александру, а Владиміръ Андрею." Считая необходимымъ выяснить этотъ фактъ, г. Соловьевъ дальше говоритъ: „Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ; Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить Владимірскій столъ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ Кіевъ и Русскую землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который для собственной безопасности могъ не желать усиленія Александра."

* Извѣстіе это мы считаемъ необходимымъ привести буквально. Подъ 1248 г. сказано: „князь-же Александръ, слышавъ сія елика сотвори братъ его *Михайло*, пріиде во Володимеръ и бысть имъ пря велія о великомъ княженіи, они-же уложа идти во Орду, и поидоша князи Александръ и Михайло и многу стязанію бывшу." Г. Соловьевъ (примѣч. 296) говоритъ, что это мѣсто испорчено: вмѣсто *Михаила* должно читать *Андрей*, ибо говорится уже послѣ смерти Михаиловой;— по нашему же мнѣнію—это мѣсто не только испорчено, но даже лишено смысла: разсказывается о событіяхъ 1248 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ говорится, что *Александръ, слышавъ сія.... пріиде во Володимеръ*, а затѣмъ отправляется съ Михаиломъ въ Орду. Это противорѣчитъ положительно всѣмъ лѣтописнымъ показаніямъ. Александръ въ это время не могъ быть во Владимірѣ, потому что находился въ Ордѣ, откуда возвратился только въ концѣ 1249 или въ началѣ 1250 г. (Воскр. 159, подъ 6757 г.; Лавр. 202, подъ 6757: Соф. I. 186, подъ 6758 г.) Принимая во вниманіе всѣ эти факты, мы не можемъ руководствоваться объясненіемъ Соловьева, какъ основаннымъ на испорченномъ мѣстѣ не совсѣмъ авторитетнаго источника. Ни одна изъ лѣтописей, которыми мы пользовались, не говоритъ, чтобы Александръ спорилъ за великокняжескій столъ съ братомъ своимъ Андреемъ.

успѣвъ даже свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ, долженъ былъ уступить великокняжескій столъ своему племяннику.

Возвратившись изъ Орды, каждый изъ князей занялся своимъ дѣломъ. Мы видѣли уже въ чемъ высказалась дѣятельность Александра въ этотъ періодъ времени (1250—1252), посмотримъ теперь, что дѣлалъ новый Владимірскій князь.

Зимою 1250 г. Андрей Ярославичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Галицкаго князя Даніила Романовича. Отпраздновавъ весело свадьбу и думая, что родственнымъ союзомъ обезпечилъ свое положеніе, Владимірскій князь предался своимъ обычнымъ занятіямъ. Мало вникая въ положеніе своего государства и почти не занимаясь правленіемъ, Андрей Ярославичъ большую часть времени проводилъ въ развлеченіяхъ: или занимался звѣриною ловлею, или слушалъ разсказы своихъ „младоумныхъ совѣтниковъ.“ По отзыву Карамзина,—князь этотъ хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтренный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго. „Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ-бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостью относительно Монголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло истинное великодушіе.“ [1]) Но Андрей Ярославичъ мало обращалъ на это вниманія. Предавшись развлеченіямъ и удовольствіямъ жизни, онъ забылъ, что на немъ лежала обязанность великаго князя, обязанность заботиться о благѣ народа, облегчить по возможности его несчастную участь и своими необдуманными поступками не подвергать народъ новымъ несчастіямъ. Преданный различнаго рода удовольствіямъ, онъ объ этомъ не думалъ, какъ не думалъ и о томъ, что власти его постоянно грозила опасность со стороны его противника, дяди Святослава. И вотъ,

---

[1]) Карамзинъ. IV. 66.

въ то время, когда молодой Владимірскій князь жилъ такъ безпечно, старый князь Святославъ Всеволодовичъ дѣйствовалъ и дѣйствовалъ энергически. Лишенный престола по проискамъ своего племянника и оскорбленный такимъ образомъ, какъ старѣйшій въ родѣ, онъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ поспѣшилъ въ Орду, горя, быть можетъ, желаніемъ отомстить за оскорбленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить потерянное. Новый правитель Орды, Сартакъ, принявшій правленіе за старостью Батыя, подавалъ ему большую надежду на успѣхъ. Новый ханъ принялъ Святослава благосклонно, и этимъ подалъ ему еще большую надежду на осуществленіе его плановъ. Сколько времени пробылъ Святославъ въ Ордѣ—неизвѣстно: лѣтописи ничего не говорятъ о его возвращеніи. По всему вѣроятію, время его пребыванія въ Ордѣ продолжалось долго, что совершенно согласно съ цѣлью его путешествія: нужно было значительное время для того, чтобы снискать расположеніе новаго хана, выяснить царю всѣ выгоды отъ назначенія его великимъ княземъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вооружить его противъ своего соперника. Опытный въ подобнаго рода политикѣ, Святославъ Всеволодовичъ достигъ своей цѣли, и если онъ не успѣлъ совершенно расположить хана въ свою пользу, то успѣлъ зато различнаго рода средствами вооружить его до такой степени противъ незаявившаго еще покорности хану—Андрея Ярославича, что повелитель Орды приказалъ своему царевичу Неврюю привести предъ себя Владимірскаго князя. [1]) Вотъ единственная и главная, по нашему мнѣнію, причина новаго нашествія Татаръ въ 1252 г., нашествія, извѣстнаго въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *„плѣненія Неврюева.“* [2])

---

[1]) Татищевъ. IV. 24; Лавр. 202; Твер. 396; Воскр. 159.

[2]) Относительно причинъ нашествія Татаръ въ 1252 г. историки не согласны между собою. Одни (Татищевъ, а вслѣдъ за нимъ и Соловьевъ) причиной этого нашествія выставляютъ жалобу и доносъ Александра Ярославича на бра-

Получивъ приказаніе отъ хана, Неврюй былъ радъ случаю, дававшему ему возможность прогуляться по Руси и поживиться на счетъ оплошности русскихъ князей. Собравъ многочисленныя толпы Татаръ и подкрѣпивъ себя силами двухъ другихъ царевичей, Олабуги храбраго и Котьи,—Неврюй втор-

та своего Андрея, который будто-бы, по словамъ Александра, отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ: „выходы и тамги хану платитъ несполна;"—другіе (Карамзинъ и Бѣляевъ) не обвиняютъ Александра Ярославича въ этомъ и выставляютъ другія причины нашествія Неврюя въ 1252 г. Разберемъ факты, приводимые каждымъ изъ этихъ историковъ. Татищевъ въ своей Исторіи (IV. 24) говоритъ такъ: „иде князь Александръ въ Орду къ хану Сартаку, Батыеву сыну, и пріятъ его ханъ съ честію, и *жаловася Александръ на брата своего Великаго князя Андрея, яко сольстивъ хана взя великое княженіе подъ нимъ яко старѣйшимъ* и грады отческіе ему поималъ, *и выходы и тамги хану платитъ несполна.* Ханъ-же разгнѣвася па Андрея, и повелѣ Неврюѣ Салтану идти на Андрея и привести его предъ себя."—Очевидно, что такимъ извѣстіемъ Татищевъ прямо указываетъ на Александра, какъ на виновника въ Неврюевомъ нашествіи. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ труду Татищева, мы не можемъ однако пройти молчаніемъ того обстоятельства, что въ его Исторіи попадаются часто до такой степени грубыя ошибки, что даже не вѣрится, чтобы трудъ этотъ былъ составленъ такимъ человѣкомъ, какъ Татищевъ, который серьезно и строго относился къ своей обязанности—передать потомству „воспоминаніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ" (см. его „польза Исторіи"); человѣкомъ, который въ Исторіи видѣлъ ея поучительную сторону и который въ продолженіе многихъ лѣтъ „неусыпно" трудился для этого,—но трудился, не провѣряя критически передаваемыхъ имъ извѣстій.—Много времени нужно для того, чтобы перечислить всѣ неточности и ошибки въ его Исторіи. На нѣкоторыя изъ нихъ мы уже указывали; скажемъ теперь только, что вышеприведенное нами мѣсто его Исторіи—есть одинъ изъ многихъ примѣровъ. Карамзинъ уже слишкомъ строго относится къ этому мѣсту Исторія Татищева:—онъ называетъ его *„вымысломъ"* (Ис. Г. Р. IV; 88 примѣч.); мы-же, не имѣя права на подобнаго рода замѣчаніе и относясь съ должнымъ уваженіемъ къ почтенному труду, не допускаемъ „вымысловъ" въ Исторіи, но скажемъ только, что извѣстіе, помѣщенное въ Исторіи подъ 6760 (1252) годомъ, лишено вѣроятія. потому что не согласно съ свидѣтельствомъ нашихъ отечественныхъ источниковъ. Ни въ одной лѣтописи мы не находимъ прямаго указанія на то обстоятельство, чтобы Александръ Ярославичъ былъ причиною сверженія Андрея Ярославича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Нев-

гнулся въ Суздальскую землю и въ половинѣ іюля былъ уже въ предѣлахъ Владимірской области. Александръ Ярославичъ, какъ мы уже сказали, лишь только узналъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Орду, чтобы заявить новому хану о покорности Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно, и остановить движеніе

рюева нашествія, и, по справедливому замѣчанію Бѣляева,—„вообще не было въ характерѣ Александра обижать кого-либо и тѣмъ паче наводить Татаръ на Русскую землю, что доказываетъ вся его жизнь.“ Дѣлать же заключенія подобнаго рода, основываясь на далекихъ лѣтописныхъ намекахъ и на совпаденіи обстоятельствъ,—не согласно съ обязанностью историка и, по нашему мнѣнію, недобросовѣстно и слишкомъ строго, потому что мы подобнымъ обвиненіемъ грязнимъ память и кладемъ кровавое пятно на жизнь такого человѣка, какъ нашъ Невскій герой, который, по единогласному свидѣтельству современниковъ, былъ слишкомъ добръ и „милостивъ паче мѣры,“ —который жертвовалъ всѣмъ для блага нашего отечества, который отстоялъ народность и честь русскаго имени въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ когда либо была Россія,—и который, если-бы хотѣлъ достигнуть великокняжескаго стола, могъ бы сдѣлать это гораздо раньше и не прибѣгал къ такимъ жестокимъ и негуманнымъ мѣрамъ,—къ мѣрамъ, которыя во всякомъ случаѣ онъ могъ-бы обойти, еслибы имѣлъ желаніе занять великокняжескій столъ.

Соловьевъ, основываясь на свидѣтельствѣ Татищева, также взваливаетъ на Александра Невскаго переворотъ 1252 г.—Онъ говоритъ (III. 194 и 299 примѣч.): „Въ 1250 г. Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Даніиломъ Галицкимъ женившись на его дочери, а въ 1252 г. Александръ отправился на Донъ, къ сыну Батыеву, Сартаку, *съ жалобою на брата*, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ. Справедливость этого извѣстія, продолжаетъ онъ, подтверждается во-первыхъ словами Андрея: „Господи, что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ;“ во-вторыхъ, Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: если-бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? въ третьихъ, бѣгство Андрея въ Швецію и радушный пріемъ со стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова.“—Эти доказательства уже сами по себѣ неавторитетны потому, что вытекаютъ изъ нетвердаго основанія. Мы уже сказали, что ни въ одной изъ нашихъ лѣтописей не находимъ подтвержденія извѣстію, сообщаемому Татищевымъ. Почему Соловьевъ въ данномъ случаѣ съ большимъ довѣріемъ относился къ сви-

Татаръ. Но благородный порывъ Новгородскаго князя не имѣлъ успѣха: трудно уже было остановить движеніе свирѣпыхъ Татаръ. Наканунѣ Борисова дня (23 іюля) Неврюй перешелъ Клязьму и направился ко Владиміру. Когда узналъ объ этомъ безпечный Владимірскій князь, то смутился и сказалъ: „Госпо-

---

дѣтельству Татищева, чѣмъ къ нашимъ лѣтописямъ, мы не знаемъ; но, чтобы опровергнуть вышеприведенныя его доказательства, мы представимъ возраженія.— Прежде всего Соловьевъ говоритъ, что справедливость извѣстія Татищева подтверждается словами Андрея, сказанными въ то время, когда онъ узналъ о движеніи Татаръ: „Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ?"—По нашему мнѣнію, слова эти нисколько не подтверждаютъ справедливости извѣстія, и въ такой же мѣрѣ могутъ относиться къ Святославу, какъ и къ Александру, даже къ Святославу въ большей степени, потому что если бы это было сказано относительно Александра, то Андрей скорѣе сказалъ-бы такъ: *„и наводити братъ на брата."* Далѣе Соловьевъ говоритъ, что Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и почему онъ не умилостивилъ Сартака. Это одно предположеніе, ни на чемъ неоснованное. Нужно прежде доказать, что Александръ былъ въ это время въ Ордѣ, а затѣмъ уже дѣлать и заключеніе. Бѣляевъ въ своемъ „Изслѣдованіи" (стр. 18, 19 и 20) довольно ясно, основательно и подробно доказалъ, что Александръ Ярославичъ могъ быть въ Ордѣ только къ концу августа 1252 г., а Неврюй гораздо раньше отправился въ походъ, а 23 іюля былъ уже около Владиміра. Отсюда слѣдуетъ вывести естественное заключеніе: если Александръ не былъ къ этому времени въ Ордѣ, то не могъ умилостивить Сартака, а слѣдовательно и остановить Неврюево нашествіе. Третье доказательство справедливости извѣстія Татищева,—что Андрей бѣжалъ къ Шведамъ, которые приняли его радушно, какъ врага Александра, тоже не выдерживаетъ критики. Андрей могъ бѣжать къ Шведамъ такъ точно, какъ передъ этимъ бѣжалъ и къ Новгородцамъ, гдѣ княжилъ сынъ Александра—Василій, который, если-бы считалъ Андрея врагомъ отца, то постарался-бы задержать его, а если онъ этого не сдѣлалъ, то именно потому, что не считалъ его противникомъ отца.— Съ своей стороны мы можемъ представить также подобнаго рода доказательство: если Татары дѣйствовали въ интересахъ Александра Невскаго, то зачѣмъ напали на его отчину, Переяславль,—воеводу убили, а жителей частью убили и частью захватили въ плѣнъ? Очевидно, что если бы они дѣйствовали по наущенію Александра, то не сдѣлали бы этого; а такъ какъ причиной всего этого былъ Святославъ, то для него было все равно, если Татары и разрушатъ отчину Невскаго, котораго онъ также считалъ своимъ противникомъ, что весьма естественно.—Если

ди! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ?" Благоразуміе требовало, чтобы Андрей Ярославичъ поспѣшилъ въ Орду, заявилъ полную покорность хану и вмѣстѣ съ тѣмъ избавилъ-бы свою несчастную область отъ разоренія и грабежа. Но самолюбивый князь

Александръ дѣйствительно старался избавиться отъ своего брата, то зачѣмъ послѣ, когда „Андрей возвратился изъ Нѣмецъ, *Александръ пріятъ его съ любовію, и хотяше ему Суздаль дати, но не смьяше царя*," —какъ свидѣтельствуетъ тотъже самый Татищевъ (IV, 27), котораго авторитетность такъ сильна для Соловьева. Итакъ, ни извѣстіе Татищева, ни показаніе Соловьева, основанное на немъ, по нашему мнѣнію, не имѣютъ достаточнаго основанія, а поэтому и не могутъ быть приняты въ расчетъ при разборѣ событій 1252 г.

Посмотримъ теперь, какъ смотрятъ на это дѣло Карамзинъ и Бѣляевъ. Первый не выставляетъ намъ никакихъ причинъ Неврюева нашествія, а представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, точно всему этому причиной былъ самъ Андрей. Сообщивъ довольно кратко на основаніи Степенной книги нѣкоторыя данныя относительно характера Андрея, его занятій и способа управленія государствомъ подъ вліяніемъ юныхъ совѣтниковъ,—онъ передаетъ намъ прямо лѣтописное извѣстіе въ такихъ словахъ: „Андрей пылкій, гордый, положилъ, *что лучше отказаться отъ престола*, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, *и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами*. Неврюй, Олабуха, прозваніемъ Храбрый, и Котья, воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе." Итакъ, по мнѣнію Карамзина, Андрей вслѣдствіе своей гордости отказался отъ престола и бѣжалъ, узнавши, быть можетъ, что татарскіе полководцы идутъ наказать его за какое-то ослушаніе. Здѣсь Карамзинъ не выставляетъ основательныхъ причинъ бѣгства и довольно темно говоритъ о причинахъ нашествія.—Очевидно, что въ своей Исторіи онъ хотѣлъ установить только какую нибудь связь между обстоятельствами и выяснить показанія нашихъ лѣтописей, которыя также причиной нашествія Неврюя выставляютъ гнѣвъ хана, а что было причиной этого гнѣва—объ этомъ не говорятъ. Назвавъ извѣстія Татищева вымысломъ, Карамзинъ говоритъ, между прочимъ: „князь Щербатовъ догадывался, что Монголы опасались родственной Андреевой связи съ Даніиломъ Галицкимъ, будто-бы непокорнымъ хану." Быть можетъ, это предположеніе и имѣетъ значительную долю основанія, и Святославъ, принявъ во вниманіе Андреевъ бракъ, постарался представить его въ невыгодномъ свѣтѣ для Татаръ.

Наконецъ, Бѣляевъ въ своемъ „Изслѣдованіи" выставляетъ *предположительно* причиной нашествія Татаръ въ 1252 г. Святослава. „Святославъ Всево-

такъ не умѣлъ поступать и рѣшился „лучше бѣжать въ чужую землю, нежели дружитися и служити Татарамъ." Но прежде чѣмъ привести въ исполненіе это намѣреніе, онъ рѣшился попытать счастья въ бою. Собравъ свои полки, Андрей встрѣтилъ Татаръ у Переяславля. Произошла битва, кончившаяся, какъ и слѣдовало ожидать, не въ пользу непокорнаго князя. Полки его были разбиты, самъ онъ едва не попалъ въ плѣнъ и принужденъ былъ бѣжать. Взявъ съ собою жену, Андрей Ярославичъ въ сопровожденіи преданныхъ бояръ бѣжалъ къ Новгороду, но здѣсь его не приняли, и онъ отправился дальше. Псковичи дали ему на нѣкоторое время пріютъ; но здѣсь онъ чувствовалъ себя небезопаснымъ отъ свирѣпыхъ Татаръ, которые преслѣдовали его, и нашелъ необходимымъ удалиться въ чужую землю. Ближайшими сосѣдями были Нѣмцы, и вотъ онъ отправился къ нимъ, въ городъ Колывань. Пробывъ здѣсь недолгое время и оставивъ свою жену, онъ самъ отправился за море къ Шведамъ, быть можетъ, для

лодовичъ, говоритъ онъ на 17 стр., прежній князь, отправился въ Орду и, *кажется*, успѣлъ склонить хана, преемника Батыева, принять его подъ свое покровительство. -Ханъ отправилъ въ Суздальскую землю царевича Неврюя"... Далѣе онъ говоритъ: „Но не Святославъ воспользовался успѣхами Неврюева похода. Александръ Ярославичъ, бывъ въ это время въ Ордѣ, какъ старшій сынъ Ярослава, получилъ отъ хана Сартака Владимірскій престолъ. Святославъ же въ концѣ года умеръ."—Такимъ образомъ, хотя предположительно, но все-таки согласно съ обстоятельствами дѣла, Бѣляевъ причиной нашествія Татаръ въ 1252 г. выставляетъ Святослава, не выяснивъ, впрочемъ, дѣйствій послѣдняго. Кромѣ того Бѣляевъ не объясняетъ также и причины пребыванія Александра въ Ордѣ, а выставляетъ это какъ простую случайность;—но если онъ не сдѣлалъ много въ пользу Невскаго героя въ этомъ отношеніи,—то постарался зато совершенно оправдать его въ несправедливомъ обвиненіи, привелъ свидѣтельства двѣнадцати лѣтописей, изъ которыхъ ни одна не обвиняетъ Александра въ Неврюевомъ нашествіи, и доказалъ довольно ясно, что Александръ Ярославичъ ко времени нашествія Неврюева не былъ даже въ Ордѣ, а слѣдовательно на него не можетъ падать и тѣнь подозрѣнія относительно какихъ либо происковъ противъ брата.

того, чтобы выхлопотать у нихъ себѣ помощь противъ общихъ враговъ христіанства. Правитель Швеціи принялъ его благосклонно, и Андрей остался здѣсь на нѣкоторое время, вызвавъ къ себѣ изъ Колывани и свою супругу. Но видно здѣсь онъ не надѣялся получить ожидаемую помощь, потому что прожилъ недолго и поспѣшилъ возвратиться назадъ въ свое отечество, [1]) которое между тѣмъ страшно страдало вслѣдствіе его неосторожности.

Татары, разбивъ войска Андрея Ярославича, разсыпались по всей Владимірской землѣ и страшно разорили ее. Отчина Александра Ярославича, Переяславль, подверглась теперь наибольшему несчастію. Татары взяли этотъ несчастный городъ и разрушили его; воеводу Жидислава убили. Такой же участи подверглась и находившаяся здѣсь супруга брата Александрова, Ярослава Ярославича, а дѣтей этого князя Татары однихъ убили, а другихъ взяли съ собою. Разоривъ почти всю Владимірскую область, захвативъ множество плѣнныхъ и огромное количество добычи, Татары возвратились назадъ, по всему вѣроятію, по приказанію хана, который, наконецъ, уступилъ просьбамъ Невскаго героя, котораго и назначилъ великимъ княземъ Владимірскимъ вмѣсто его непокорнаго брата. Святославъ, бывшій главною причиною всего этого несчастія, не воспользовался своими интригами и добился только того, что, разстроивъ свое здоровье, умеръ того-же 1252 г. 3 февраля, успокоенный, быть можетъ, тѣмъ, что успѣлъ вооружить хана противъ своего противника,—и, слѣдовательно, успѣлъ и отомстить. Теперь, естественно, право на великокняжескій столъ

---

[1]) Воскр. 160; Лавр. 202. По извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтоп. Андрей Ярославичъ былъ скоро здѣсь убитъ Нѣмцами (Соф. 187.; Твер. 397), но это извѣстіе несправедливо, потому что лѣтописи подъ 6772 г. говорятъ о его смерти въ Суздали.

передано Александру Невскому, и ханъ, какъ мы видѣли, назначилъ его великимъ княземъ.

Такъ кончилась борьба за великокняжескій столъ между дядею и племянникомъ. Переворотъ 1252 года, хотя принесъ съ собою много несчастія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и громадную выгоду: разрозненныя части Русской земли соединились подъ властью одного князя и такимъ образомъ было положено, хотя и на время, основаніе централизаціи, которая окончательно окрѣпла при преемникахъ Александра. Получивъ „старѣйшинство во всей братьи своей,“ [1]) Александръ Невскій, именуясь великимъ княземъ Владимірскимъ, возвращался теперь въ свою новую столицу, приведенную въ страшное разореніе послѣднимъ нашествіемъ Татаръ. Народъ ждалъ возвращенія своего избавителя съ нетерпѣніемъ. Когда Александръ приближался къ городу, народъ встрѣтилъ его съ величайшею радостью. Митрополитъ Кириллъ, все духовенство съ крестами и граждане съ тысяцкимъ Романомъ Михайловичемъ во главѣ встрѣтили своего доблестнаго князя у Золотыхъ воротъ. Невскій герой, вполнѣ заслуживавшій такой пріемъ, съ торжествомъ въѣхалъ во Владиміръ, привѣтствуемый радостнымъ народомъ. Послѣ торжественнаго служенія митрополитъ Кириллъ посадилъ Александра на столъ отца его Ярослава „съ пожалованіемъ царевымъ,“ [2]) а тысяцкій Романъ Михайловичъ, завѣдывавшій всѣми дѣлами города въ отсутствіе князя,—передалъ управленіе новому великому князю. Народъ, всѣ граждане, вся Русская земля—торжествовали вступленіе на престолъ своего любимаго князя и своего защитника; и „бысть радость велика во Владимерѣ и во всей земли Суздальской,“—говоритъ лѣтописецъ, заключая событія 1252 года. [3])

[1]) Лавр. 202.

[2]) Никонов. III 34.

[3]) Лаврент. 202.

VII.

„И нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжьскаго и до моря Понтьскаго, и до горъ Аравитьскихъ даже и до Рима великаго.“

Воскр. 151.

Только въ 1252 году старшій сынъ Ярослава Всеволодовича получилъ великокняжескій столъ, который по праву принадлежалъ ему еще раньше, но котораго онъ, благодаря проискамъ дяди, а затѣмъ и брата, былъ такъ несправедливо лишенъ. Безъ интригъ, безъ происковъ онъ добился наконецъ чести именоваться великимъ княземъ. Вся Россія радовалась совершившемуся событію; радость ея была вполнѣ основательна: она переживала самую тяжкую годину своей исторіи, и должна благодарить Провидѣніе, что въ это-то время Оно послало ей такого князя, какъ Александръ Невскій, котораго услуги нашему отечеству за этотъ періодъ времени чрезвычайно велики. На новомъ Владимірскомъ князѣ лежало много трудныхъ обязанностей. Подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ему нужно было дѣйствовать прежде всего такъ, чтобы, съ одной стороны, благоразумными отношеніями къ Татарамъ и ихъ повелителю—держать вдали отъ Россіи этихъ варваровъ, не дать вкорениться ихъ гибельному вліянію на русской почвѣ, а главное не допустить Россію испытать участь тѣхъ государствъ, которыя, благодаря Татарамъ, къ началу первой половины XIII вѣка прекратили свое существованіе. Выполнить эту задачу было не легко, а если она выполнена Александромъ Невскимъ, то это величайшая заслуга съ его стороны; и каждый Русскій, преданный интересамъ своего отечества, долженъ съ полнымъ уваженіемъ относиться къ Невскому герою. Съ другой сторо-

роны, опредѣляя установившіяся въ этотъ періодъ времени отношенія русскаго народа къ его поработителямъ, Александръ Ярославичъ долженъ былъ глубоко проникнуться началами народной и государственной жизни для того, чтобы не остановить развитія русскаго народа, а напротивъ, дать ему надлежащій ходъ, показать дорогу къ прогрессу, а главное сберечь неприкосновенными народность и религію,—эти два крѣпкія звена нашей національной силы. Немало трудностей представлялось также Александру Невскому въ умѣньи дать своимъ подданнымъ почувствовать, что до поры до времени они должны скрывать свою антипатію и презрѣніе къ поработителямъ азіатцамъ, а должны съ покорностью переносить это тяжкое иго, пока совершенно окрѣпнутъ ихъ разбитыя народныя силы, пока наступятъ лучшія времена. Александръ Ярославичъ выполнилъ и этотъ тяжкій трудъ съ величайшимъ благоразуміемъ и терпѣніемъ и выполнилъ притомъ такъ, что не обнаружилъ передъ упоенными счастьемъ побѣдъ Монголами своихъ отдаленныхъ надеждъ на лучшее будущее, преждевременное выясненіе которыхъ могло окончиться гибелью Россіи. Нужна еще была Александру Невскому особенная способность, особенный тактъ—скрыть передъ своими западными врагами несчастіе отечества и его безвыходное положеніе, дать имъ почувствовать, что силы Русскаго народа еще крѣпки на столько, что могутъ отразить всякое покушеніе съ ихъ стороны на права русской націи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не чуждаться сношеній съ Западомъ, превосходство котораго надъ Востокомъ Александръ Ярославичъ уже хорошо понималъ и видѣлъ необходимость въ заимствованіи оттуда всего полезнаго для Россіи, видѣлъ необходимость въ призывѣ иностранцевъ [1]) въ свое

[1]) По свидѣтельству нашихъ родословныхъ книгъ при Александрѣ Невскомъ прибыло въ Россію много иностранцевъ, особенно изъ Германіи и Пруссіи.

отечество для разъясненія этого полезнаго и хорошаго Русскому народу. Почти все это онъ выполнилъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ и этимъ, повторяемъ еще разъ, оказалъ незабвенную услугу нашему отечеству. Но обратимся къ дѣламъ: они за него больше скажутъ.

Торжественный пріемъ, сдѣланный народомъ новому великому князю, не удержалъ Александра Ярославича отъ исполненія его прямыхъ обязанностей, возложенныхъ на него новымъ положеніемъ. Не увлекаясь общимъ веселіемъ, причиною котораго былъ онъ-же самъ, Невскій герой тотчасъ по прибытіи во Владиміръ обратилъ все свое отеческое вниманіе на несчастное состояніе народа и страны послѣ Неврюева нашествія. Города были въ развалинахъ и оставались пустыми вслѣдствіе разбѣжавшагося по лѣсамъ народа; церкви представляли также печальное зрѣлище: разграбленныя Татарами, онѣ или стояли полу-разрушенными, или были совершенно уничтожены; народъ, частью разбѣжавшійся, а частью оставшійся въ своихъ бѣдныхъ селеніяхъ, ограбленный Татарами, былъ страшно бѣденъ и терпѣлъ во всемъ нужду. Общее неустройство и безпорядокъ господствовали въ странѣ, княземъ которой пришлось быть нашему герою. Но подобное положеніе дѣлъ не страшило этого доблестнаго и энергическаго князя. Съ первыхъ же дней своего княженія, онъ вполнѣ посвятилъ себя общественной пользѣ, ознаменовавъ начало своего княженія дѣлами благочестія и человѣколюбія. Успокоивъ словами свой несчастный народъ, онъ спѣшилъ доказать и на дѣлѣ свою заботу о немъ. Города по возможности были приведены въ порядокъ; церкви или возобновлены, или вновь построены; разбѣжавшійся народъ, услыхавъ о водворенномъ порядкѣ, возвратился въ свои опустѣлые дома и, облегченный въ своемъ несчастномъ положеніи, обратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Благодаря дѣятельности славнаго князя, въ странѣ на-

ступила тишина, всеобщій порядокъ и, по замѣчанію лѣтописи, „добро бяше хрестьяномъ.“ [1])

Устроивъ государство внутри, Александръ Ярославичъ обратилъ все свое вниманіе на внѣшнія дѣла и на опредѣленіе отношеній своего государства къ сосѣдямъ, но прежде всего онъ долженъ былъ развязаться съ далекимъ Западомъ, съ Римомъ, откуда въ это время получилъ посланіе. Папа Григорій IX, по инициативѣ котораго Шведы и Ливонцы предприняли въ 1240 году крестовый походъ противъ невѣрныхъ Россіянъ (contra infideles Ruthenos), походъ, окончившійся полнѣйшею ихъ неудачею, завѣщалъ, вѣроятно, своему преемнику Иннокентію IV подобный же образъ дѣйствій относительно Русскихъ. Но новый наслѣдникъ св. Петра очень хорошо понималъ, что подобная политика не приложима въ данномъ случаѣ и рѣшилъ перемѣнить тонъ своихъ отношеній къ Русскому народу, питаясь тою надеждою, что русскіе князья, стѣсненные обстоятельствами и надѣясь на помощь отъ св. отца, будутъ всѣми силами содѣйствовать выполненію его *благихъ и добрыхъ намѣреній*—обратить Русскихъ въ латинскую вѣру.

Еще въ 1207 году папа Иннокентій III, побуждаемый желаніемъ присоединить къ римской церкви Русскій народъ, отправилъ посланіе въ Россію ко всему духовенству и мірянамъ, чтобы они поспѣшили присоединить свою церковь, возвратились бы, какъ дочь къ матери, какъ оторванный членъ къ своему тѣлу, къ своей главѣ. [2]) Вслѣдъ затѣмъ, въ 1227

[1]) Лавр. 202; Новг. I. 55; Твер. 397; Соф. I. 187; Воскр. 160.

[2]) Innocentii P. III. „....nobis et fratribus nostris carum admodum et acceptum, ad partes vestras duximus destinandum, ut filiam reducat ad matrem, et membrum ad caput, concessa sibi plenaria potestate, ut evellat et destruat....“ — etc. Hist. R. M. 4. III.

году, папою Гонорiемъ III было отправлено въ Россiю другое посланiе ко всѣмъ князьямъ русскимъ о посылкѣ къ нимъ легата, если они согласны отречься отъ своихъ заблужденiй и желаютъ сохранить миръ съ христiанами Ливонiи и Эстонiи, о чемъ онъ будто бы узналъ отъ своего епископа. [1]) Спустя четыре года, уже папа Григорiй IX, одинъ изъ сильнѣйшихъ противниковъ Русскаго народа и православной вѣры, писалъ къ великому князю Юрiю Всеволодовичу, чтобы онъ отвергнулъ русскiе и греческiе обычаи и обряды, а принялъ бы латинскiе. [2]) Затѣмъ съ 1231 и по 1246 г. мы не встрѣчаемъ уже попытокъ подобнаго рода, и папы потеряли уже всякую надежду на присоединенiе когда-либо Русскихъ къ членамъ своей паствы. Но въ 1246 г. Галицкiй князь Даiилъ, преслѣдуя мысль о низверженiи Монгольскаго ига и зная, что наличными силами своей земли онъ ничего не можетъ сдѣлать, рѣшилъ обратиться за помощью къ римскому первосвященнику, который одинъ могъ поднять на Татаръ всю Европу и подвинуть христiанъ на новый крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Но русскiй православный князь могъ получить эту помощь только подъ условiемъ признанiя себя покорнымъ сыномъ римской церкви; и вотъ, имѣя въ виду послѣднiя обстоятельства, Даiилъ Романовичъ заводитъ сношенiя съ папою Иннокентiемъ IV о соединенiи церквей. Понятно, что болѣе удобнаго случая къ присоединенiю православныхъ къ римской церкви намѣстникъ Петра не могъ и желать. И вотъ начались сношенiя. Рядъ посланiй папы доказываетъ, что за это дѣло онъ при-

—

[1]) Honorii P. III. ad universos Reges Russiae. (Eis paratis ad abjurandum errores, de legato Apostolico mittendo, et de pace cum Christianis Livoniae et Estoniae servanda scribitur.) H. R. M. 20. XXI.

[2]) Gregorii P. IX. ad Georgium Regem Russiae. (Cupienti se subjicere Apostolicae sedi, ruthenos, graecosque mores et ritus abjiciat, latinosque suscipiat.) H. R. M. 30. XXXIII.

лся весьма горячо и съ полною готовностью привести въ исполненіе. Въ томъ же 1246 году Иннокентій IV уже шлетъ Даніилу посланіе, извѣщая о принятіи его въ лоно римской церкви и подъ покровительство св. Петра. Между прочимъ Иннокентій IV писалъ: „*Tuis itaque supplicationibus inclinati,* perconam am et Regnum predictum sub beati Petri et nostra protectione scipimus et presentis scripti patrocinio communimus.“ [1]) Вслѣдъ тѣмъ послѣдовалъ рядъ распоряженій по случаю присоединенія алицкой церкви. Извѣстивъ Даніила о духовныхъ особахъ, которыя при дворѣ его должны находиться безотлучно, [2]) папа оручаетъ архіепископу Прусскому и Эстонскому легатство въ овоприсоединенной Русской области, разрѣшаетъ русскому уховенству не отступать отъ своихъ обычаевъ и совершать огослуженіе на заквашенныхъ просфорахъ, старается угодить аніилу, признавъ законнымъ бракъ его сына на одной изъ одственницъ, является судьею въ спорѣ русскихъ князей за ладѣнія и рѣшаетъ дѣло въ пользу Даніила, запрещаетъ въ году Даніила Ливонцамъ пріобрѣтать владѣнія въ русскихъ бластяхъ [3]) и поручаетъ, наконецъ, архіепископу Прусскому, апскому легату, привести Даніила, духовенство и вельможъ усскихъ въ окончательное соединеніе съ римскою церковью. [4]) Іо, какъ обстоятельства показали, папа слишкомъ поспѣшилъ ь этимъ.

Даніилъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, получившій аже и королевскій титулъ, но не получившій необходимой по-

---

[1]) Innocentii P. IV. ad Regem Russiae. (In tutelam Divi Petri et Romani ontificis suscipitur) H. R. M. 57. LXII.

[2]) Innocentii P. IV ad Regem Russiae. (De religiosis apud cum perpetuo ansuris.)—H. R. M. 57. LXIII.

[3]) Historica Russiae Monimenta, epist. LXVI, LXVII, LXVIII, LXIX; 60, 1, 62, 63 стр.

[4]) Innocentii P. IV ad Archiepiscopum Prussiae, Legatum in Russia. (De ege, clero et magnatibus Russiae Romanae que ecclesiae reconciliandis). Hist. . M. 64. LXXII.

мощи, не надѣясь болѣе на пустыя обѣщанія, прекратилъ вс кія сношенія съ папою Иннокентіемъ IV и не обращалъ у вниманія на угрозы и укоры его преемника Александра IV. Всѣ эти сношенія Галицкаго князя съ римскимъ первосвящ никомъ не имѣютъ особаго отношенія къ нашему дѣлу, а важ только потому, что показываютъ сильное стремленіе папъ пр соединить русскую церковь къ римской и вмѣстѣ съ тѣ выясняютъ намъ и отношенія этихъ же папъ къ други князьямъ русскимъ, въ томъ числѣ и къ Александру Невском

Когда начались сношенія съ князьями юго-западной Р си, сношенія, подававшія большія надежды папѣ Иннокент IV, то у этого же папы явилась мысль попытать счастья и сѣверѣ, предложить этой части Россіи свои услуги и помо противъ общихъ враговъ христіанства. Какъ-бы то ни был только въ 1248 году папа Иннокентій IV, узнавъ о смерти ликаго князя Ярослава Всеволодовича и предполагая, вѣроят что право на престолъ должно перейти къ его старшему с ну Александру, слава котораго дошла и до великаго Ри посылаетъ къ нему двухъ *хитрѣйшихъ* кардиналовъ Галда Гемонта и съ ними заискивающее посланіе, полное лести пышныхъ обѣщаній. Послы, по свидѣтельству лѣтописей, [2]) яв лись къ Александру Невскому въ 1252 году, когда онъ бы уже великимъ княземъ. „Папа нашъ, такъ говорили посл явившись къ Александру, слышахомъ тя князя честна и див и велика земля твоя, и сего ради прислахъ ти отъ дванадеся гардиналу два хытрѣйшаа, Галда и Гемонта, да послушае ихъ ученія.“ [3]) Привѣтствовавъ такимъ образомъ Невска героя, хитрѣйшіе послы римскаго папы вручили ему посла

---

[1]) Alexandri P. IV. ad Danielem Regem Russiae. (Objurgatur de ejus fectione a catholica Ecclesia et ad illam redire monetur). H. R. M. 84. XCV.

[2]) Соф. вр. 268; Твер. 397.

[3]) Соф. врем. 268; Твер. 397.

св. отца слѣдующаго содержанія. „Иннокентій епископъ, рабъ рабовъ Господа, знаменитому мужу Александру, князю Суздальскому. Отецъ будущаго времени, князь мира, насадитель непорочнаго совѣта, избавитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ низвелъ росу своей благодати на умъ славнаго блаженной памяти князя Ярослава, твоего отца, которому, уступая вслѣдствіе удивительной щедроты неизреченную милость своего вѣдѣнія, приготовилъ дорогу въ мѣсто, черезъ которое приведенъ былъ къ Господней паствѣ, какъ овца, блудившая долгое время въ пустынѣ, потому что отъ возлюбленнаго сына нашего Іоанна де Плано Карпини, возвратившагося изъ Татаріи, мы узнали, что твой отецъ, желая принять видъ обновленнаго человѣка, смиренно обѣщалъ повиновеніе своей матери римской церкви и былъ посвященъ руками того же брата. Онъ присоединилъ себя къ римской церкви, что онъ открыто объявилъ бы передъ людьми, еслибы такъ внезапно и такъ несчастливо смерть не похитила его. И такъ какъ онъ окончилъ теченіе настоящей жизни въ такое счастливое время, то надобно благочестиво вѣрить и безъ всякаго сомнѣнія принимать, что онъ, присоединившись къ обществу праведныхъ, покоится въ вѣчномъ блаженствѣ, гдѣ сіяетъ безграничный свѣтъ, гдѣ разливается пріятный запахъ, котораго не разсѣеваетъ дуновеніе вѣтра, и гдѣ сильна полнота любви, которую не исторгаетъ довольство. Итакъ, желая, чтобы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлался причастникомъ такого блаженства и ты, оставшійся законнымъ наслѣдникомъ въ отцовскомъ наслѣдіи, мы, на подобіе жены евангельской, возжегшей свѣчу, чтобы найти потерянную драхму, изыскиваемъ пути, употребляемъ усиліе, прилагаемъ стараніе, чтобы имѣть возможность благоразумно навести тебя на мысль пойти по стопамъ твоего отца, которымъ во всякое время должно слѣдовать; и, какъ онъ отъ чистаго сердца и съ твердымъ намѣреніемъ обѣщался принять постановленія и вѣрованія рим-

ской церкви, такъ чтобы и ты, оставивши пути погибели, которые приводятъ къ вѣчному осужденію смерти, воспринялъ смиренно соединеніе съ тою-же церковью, которая, безъ всякаго сомнѣнія, прямою дорогою приводитъ къ спасенію своихъ почитателей. И конечно, тобою не должна быть отвергнута наша просьба, которая, служа съ нашей стороны исполненіемъ долга, будетъ служить и твоимъ выгодамъ, потому что, когда мы такимъ образомъ требуемъ отъ тебя, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всею душою, исполнялъ его заповѣди, явно, конечно, было бы, что ты не имѣешь духа здраваго разсужденія, если бы отказалъ въ повиновеніи намъ и даже Богу, котораго намѣстникомъ, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ. Впрочемъ этимъ повиновеніемъ нисколько не уменьшается честь владѣтеля, но изъ него всякая власть и временная свобода умножаются, потому что онѣ находятся у достойныхъ правителей народовъ, которые, какъ сами господствуютъ надъ другими, такъ и стараются о повиновеніи божественному превосходству. Поэтому мы просимъ твое Величество, увѣщеваемъ и прилежно молимъ снова признать матерью Римскую церковь и повиноваться ея главѣ; постарайся дѣйствительно привлечь къ апостольскому престолу своихъ подчиненныхъ, чтобы изъ-за этого ты наслѣдовалъ въ вѣчномъ блаженствѣ плодъ, который никогда не погибнетъ. Пусть будетъ тебѣ извѣстно, что если ты воспользуешься нашимъ, или лучше Божіимъ, благоволеніемъ, мы будемъ считать тебя наилучшимъ между католическими князьями и всегда съ особеннымъ усиліемъ будемъ стараться объ увеличеніи твоей славы. Впрочемъ, чтобы можно было легче избѣжать опасностей, если противъ нихъ вооружиться щитомъ предусмотрительности, мы особенно просимъ тебя, какъ скоро тебѣ будетъ извѣстно, что войско Татаръ направляетъ свой путь противъ христіанъ, чтобы ты тотчасъ постарался извѣстить объ этомъ братьевъ Тевтонскаго ордена

въ Ливоніи, чтобы, когда это дойдетъ до свѣдѣнія нашего черезъ тѣхъ же братьевъ, мы могли заранѣе подумать, какъ мужественнѣе противостать этимъ Татарамъ съ Божьею помощью. Сверхъ сего, за то, что ты не захотѣлъ преклонить своей выи передъ татарскою свирѣпостью, мы прославляемъ твое благоразуміе достойными въ Богѣ похвалами. Дано въ Ліонѣ 8 февраля, 1248 года.“ [1])

Посланіе это, какъ показываетъ и самое содержаніе, было составлено по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства того времени, а для большей его силы, для большей авторитетности, св. отецъ не постѣснился помѣстить въ него и вымыслы, наполнить его лестью и пышными обѣщаніями, лишь бы достигнуть своей цѣли. Но всѣ эти хитрости и уловки были напрасны. Александръ Ярославичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ убѣжденіе одпѣми фразами трудно было поколебать, какъ трудно было убѣдить и въ томъ, что отецъ его измѣнилъ вѣрѣ предковъ, призналъ главенство отъявленнаго врага русской народности и былъ посвященъ католическомъ монахомъ. [2]) Александръ Невскій не повѣрилъ этому вымыслу на отца, и, быть можетъ, оскорбленный этою клеветою, получилъ еще большее отвращеніе отъ католичества и сильнѣе примкнулъ къ своей святой вѣрѣ, въ которой онъ не видѣлъ подобныхъ обмановъ и которая укрѣпляла его въ несчастіи и помогала въ самыя тяжкія минуты его жизни. Благочестивому, кроткому и умному князю,—весьма естественно, казалось стран-

---

[1]) Innocentii P. IV ad Alexandrum Ducem Susdaliensem. (De amplectenda Ecclesiae Catholicae unitate, ac de indicandis Tartarorum incursionibus). Hist. Rus. Mon. 68. LXXVIII.

[2]) Что это вымыселъ,—это доказываетъ также и то, что самъ Плано-Карпини въ описаніи своего путешествія въ Татарію ни слова не говоритъ о мнимомъ обращеніи Ярослава, о чемъ, конечно, онъ не умолчалъ бы, еслибы это дѣйствительно было.

нымъ, какъ можно было дѣйствовать на убѣжденія людей однѣми громкими фразами, сквозь которыя просвѣчивались ложь и обманъ и ясно была видна прямая цѣль—залучить въ свое стадо неопытную овцу, чтобы впослѣдствіи удобнѣе было сначала содрать съ нея кожу, а затѣмъ поглотить и самое тѣло. Страннымъ казалось также дальновидному князю, какъ могутъ дѣйствовать такимъ образомъ тѣ самые люди, которые вчера поднимали весь христіанскій міръ, собирались въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ Россіянъ, почти тѣхъ же язычниковъ въ понятіи ихъ, а сегодня къ главѣ ихъ шлютъ льстивое посланіе и просятъ оказать услугу—извѣщать о движеніи Татаръ, чтобы заблаговременно можно было приготовиться къ принятію такихъ гостей; не менѣе страннымъ казалось благочестивому князю и то, что исповѣдуемую имъ религію поносили, называли „путемъ погибели, ведущимъ къ вѣчному осужденію смерти;“ удивляло Невскаго героя также и то, что глава Запада былъ полнымъ невѣждою относительно Востока, ничего не знаетъ о состояніи дѣлъ въ Русскомъ государствѣ, хвалитъ Александра за то, что онъ будто-бы не преклонялъ еще своей выи передъ свирѣпыми Татарами, а главное то, что, не зная народнаго духа и его привязанности къ своей вѣрѣ, осмѣлился посягнуть на его убѣжденія и орудіемъ для приведенія въ исполненіе этого дерзкаго посягательства—выбралъ его самого, убѣжденнаго въ правотѣ своей религіи и испытавшаго всю недобросовѣстность своего обольстителя.

Полное разочарованіе въ ожиданіяхъ предстояло папѣ и его посламъ. Александръ сразу хотѣлъ дать почувствовать представителю католическаго міра и его посламъ, что всѣ попытки будутъ напрасны и не поведутъ ни къ чему. Подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, произведеннаго посланіемъ, въ которомъ такъ дерзко и несправедливо обвиняли его отца передъ нимъ и цѣлымъ народомъ, Александръ Ярославичъ, принявшій на себя роль защитника вѣры въ данномъ случаѣ,

обратясь къ посламъ, сказалъ: „Слышите посланницы папежстіи и прелестницы преокаянные! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, и отъ Авраама до пріитія Израилева сквозѣ Чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія великаго Константина и до перваго собора и до седьмаго собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ." [1]) Послѣ такого сухаго, краткаго и вмѣстѣ грознаго отвѣта, ясно показавшаго посламъ папы, чего они могли ожидать отъ своей дерзкой попытки,—имъ оставалось только возвратиться назадъ. Но „славному, честному и дивному князю, владѣтелю обширной земли," непристойно было отпустить пословъ съ однимъ устнымъ отвѣтомъ, ему хотѣлось свои убѣжденія и убѣжденія своего народа подробно и точно формулировать, изложивъ ихъ въ отвѣтномъ посланіи. Но гдѣ дѣло касалось цѣлаго народа, тамъ, думалось князю, не приходится дѣйствовать одному, и вотъ Невскій герой собираетъ своихъ бояръ, держитъ съ ними совѣтъ относительно такого серьезнаго дѣла, и, наконецъ, „сдумавъ съ мудрецы своими и списавъ къ папѣ." Лѣтопись передаетъ это отвѣтное посланіе въ слѣдующей формѣ. „Вѣра наша се есть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Тройца во единствѣ и единство въ Тройцѣ. Не три убо Бога разумѣваемъ, но единаго Бога во единомъ существѣ и Божествѣ проповѣдуемъ. Едино бо есть Божество Тройца и Тройца во единомъ Божествѣ, раздѣляемъ же Тройцу треми пресущественными Vпостасьми нераздѣльнѣ и совокупляемъ во единство, несозданно и несмѣсно, Божественно и пребожественно, саможивотно, самобытно, безначально, при-

---

1) Соф. врем. I. 268; Твер. л. 398; Соф. I. 187; Псков. II. 3.

сносущно, безконечно, всей твари видимѣй и невидимѣй зда-тельно и покланяемо. Отъ него же бо вся, и имъ же вся: тождество бо и единство исповѣдуемъ въ Тройцѣ, и Тройцу въ тождествѣ и единствѣ, Отца же глаголемъ, не прежде Сына разумѣваемъ, Сына же послѣжде, такожде и Св. Духа: но вси купно разумѣваемъ, не бѣ бо Отца, егда не бѣ Сына, ни Сына, егда не бѣ Отца, ни Духа Святаго, егда не бѣ Отца и Сына, ни Отца и Сына, егда не бѣ Духа Святаго. Но купно Отецъ, купно и Сынъ, и Св. Духъ; Отецъ, родивый Сына, а не рожденный; Сынъ же отъ Отца родивыйся собезначально, а не родивый, Духъ же Святый, отъ Отца исходяй и на Сынѣ почиваяй, а не родивый, ни рожденный. Трема собствы бо свойственными нераздѣльно исповѣдуемъ Божество, тождественно, равенственно, самовластно и единовластно, упостасно славимъ. Вѣруемъ же несумнѣнно тояжде единаго быти Единосущныя Тройцы, тогожде естества, а не инаго Сына Божія, иже отъ Приснодѣвы Маріи насъ ради рождшагося неизреченно, въ нашу плоть совершенно оболкшася исповѣдуемъ истинно, одушевленно, умно, словесно. Человѣка же совершенна и истинна разумѣваемъ Его, во двою естеству, и во двою волю, двѣма же хотѣніи и дѣйствы, нераздѣльно отъ Отца и Св. Духа, на земли сей во плоти поживша, но бысть со Отцемъ и Св. Духомъ купно и на небеси и на земли; не отступивъ-бо еже бѣ, но пріятъ еже не бѣ, пребысть бо во обоемъ совершенъ, въ Божествѣ, глаголю, и человѣчествѣ. Едино сыновство пріемъ, а не двойственно, той-же бо единъ Сынъ Божій и Богородицы. Пріятъ же волею и пострада плотію, а не Божествомъ, насъ ради согрѣшившихъ, на крестѣ отъ жидовъ, кровію своею очистивъ нашу грѣховную скверну. Не точію же до толика доволенъ бывъ человѣколюбія ради милости своея, еже на крестѣ распяту быти насъ ради, но и смерть нашего ради спасенія пріятъ. И во адъ сниде и тамо отступнаго

діавола со отступною его силою нерѣшимыми узами связа, и ада плѣни, и смерть побѣди: и отъ вѣка тамо спящія, Адама, всѣхъ пророкъ же и праведныхъ изведе оттуду, и съ Собою воскреси въ третій день. Самъ же воскресе въ той же плоти, юже отъ насъ пріятъ, а не оставивъ ю во адѣ и ину пріемъ, якоже еретицы мнятъ, но въ той же плоти воскресе, въ нашей реку, юже отъ Богородицы рождся заимствовавъ, въ ней же и на небеса взыде и Отца одесную сѣде со Святымъ Духомъ. Его же ждемъ пріити въ страшный судъ судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его. Воскресенія мертвыхъ чаемъ и жизни будущаго вѣка. Приснодѣву же Марію Матерь Его Богородицу нарицаемъ истинную. Яко-бо тоя Сына отъ нея рождшагося Бога дерзновенно исповѣдуемъ: сице и сію, рождшую Того, Богородицу несумнѣнно нарицаемъ. По Бозѣ бо Богородица, а по Царѣ Царица, и по Владыкѣ Владычица. Его же изволеніемъ и Отчимъ хотѣніемъ, тогожде Сына Отча и Ея, дѣйствомъ Св. Духа породи, кромѣ мужеска полу, неизреченно и недовѣдомо и недоумѣваемо, не токмо намъ земнымъ человѣкомъ, но и небеснымъ существамъ недостизаемо и недомыслимо, Ангеломъ, реку, Херувимомъ и Серафимомъ: но токмо Единъ вѣсть родившійся отъ Нея. Хранимъ-же многотщательно и честныхъ иконъ поклоненіе: хранимъ же, не просто непщующе на доскѣ вапы (красками) изображаемое. Не образу убо просту покланяемся, якоже рѣхъ; но первообразному лицу, его же образъ и начертаніе, честное воздаемъ поклоненіе. Христову бо Богоначертанному воображенію поклоняемся, яко образу Божію и Сына Божія, во умъ пріемлюще милосердое того къ намъ съ небеси снитіе, воплощеніе же, на земли житіе и на крестѣ страданіе насъ ради грѣшныхъ и во адъ снествіе и смерти вкушеніе, и тридневное изъ мертвыхъ воскресеніе, и на небеса преславное Его вознесеніе и на престолѣ со Отцемъ и

со Святымъ Духомъ во плоти нашей сѣденіе, и насъ смерти избавленіе и вся благая Его, яже и намъ человѣкомъ согрѣшающимъ. Всемудрыя же премилостивыя Богородицы, Матере Его, честно чтимъ образъ Ея святый, яко саму Ея зряще во умѣ своемъ непщуемъ, честное поклоненіе образу Ея Святому творимъ. За сіе убо, яко та Сына Божія и Бога плотію породи намъ, того ради мы земніи къ Богу присвоихомся, и со Ангелы жити восріяхомъ. Та на небеса отъ земли путь сотвори намъ, древомъ животнымъ напита насъ и хлѣбомъ небеснымъ чревеса наша насыти и отъ смерти избави насъ и прощеніе отъ грѣховъ дарова намъ, въ раи паки жити сотвори, царство отверзе и вся благая земная и небесная тоя ради Сыномъ Ея пріяхомъ. Святыхъ же угодниковъ чтимъ и почитаемъ, яко святыхъ угодниковъ Божіихъ, именуемъ ихъ наши учители, всему міру наставницы ко благимъ; на земли небеснымъ житіемъ своимъ Ангеламъ собесѣдницы явишася, и отъ насъ къ Богу ходатаи и молитвенницы неложніи и христіанстіи заступники отъ всякихъ золъ. Держимъ же честно поученіе Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Святыхъ прочихъ житія честно хранимъ. Сему мы научихомся отъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ. Се наша вѣра есть. Не тако же вѣрующихъ, и не поклоняющихся образамъ святымъ, и не чтущихъ написанныхъ нами честныхъ воображеній и первообразныхъ—проклинаемъ.“ [1])

Въ такихъ выраженіяхъ было изложено отвѣтное посланіе къ папѣ.—Отвѣтъ этотъ, заключающій въ себѣ полные тезисы религіозныхъ вѣрованій Русскихъ, ясно доказывалъ католикамъ и главѣ ихъ папѣ, что православные не имѣютъ надобности въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій, какъ не имѣютъ на-

[1]) Тверск. 397; Соф. врем. I. 268. Рукописное житіе Александра Невскаго. (Жизнь блаженнаго великаго князя Александра Невскаго).

добности и въ наставленіяхъ св. отца, а тѣмъ болѣе его велемудрыхъ учителей. Посланіе это, въ противоположность посланію папы, лишенное громкихъ, но пустыхъ фразъ, прямо говорило о дѣлѣ и выясняло главѣ католическаго міра, что ученіе о вѣрѣ, принятое Русскими отъ Грековъ, самое полное и самое вѣрное, не нуждается въ дополненіяхъ и исправленіяхъ, такъ какъ основано на ученіи св. Апостоловъ и св. Отцовъ и вполнѣ согласно съ правилами вселенскихъ соборовъ. Отвѣтъ этотъ, составленный Александромъ и его мудрецами, отличается также отъ папскаго посланія и тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы служить укоромъ католической религіи, или поносило и опровергало ее: во всемъ текстѣ этого посланія проглядываетъ только одно христіанское смиреніе, высказывающее высокій умъ Александра и его совѣтниковъ. Александръ могъ бы поступить иначе: у него, у его народа была масса фактовъ, на основаніи которыхъ онъ могъ-бы съ полнымъ правомъ напомнить папѣ о недобросовѣстныхъ поступкахъ намѣстниковъ св. Петра, могъ бы разоблачить всѣ ихъ неправильныя дѣйствія противъ Русскихъ и, такимъ образомъ, сдѣлать достойный упрекъ, но онъ этого не сдѣлалъ, считая лишнимъ говорить объ этомъ тамъ, гдѣ дѣло шло о такомъ серьезномъ предметѣ, какъ религія, и считая, быть можетъ, приличнѣе высказать въ данномъ случаѣ болѣе умѣренности и великодушія, чѣмъ упрековъ, гордости и презрѣнія. Это также служитъ доказательствомъ его высокаго ума, понимавшаго, что любовь и смиреніе приличнѣе христіанину, чѣмъ противоположныя качества.

Кардиналы, услышавъ о нежеланіи православныхъ принимать ученіе католиковъ и получивъ отъ Александра посланіе, возвратились обратно безъ всякаго успѣха. Такимъ образомъ и со стороны религіи покушеніе папъ на русскую народность не имѣло успѣха, благодаря мудрости и твердости убѣж-

деній Александра Ярославича, выказавшаго себя въ данномъ случаѣ защитникомъ и исповѣдникомъ вѣры, а вслѣдствіе этого пріобрѣвшаго новое право на благодарность и славу въ потомствѣ.

Въ то время, когда Александръ Ярославичъ велъ борьбу въ религіозномъ отношеніи съ послами папы и съ такимъ успѣхомъ отстоялъ интересы православія, на сѣверѣ Россіи сынъ его, Василій, князь Новгородскій, велъ борьбу съ сосѣдними врагами, Литовцами и Нѣмцами.—Александръ Ярославичъ, уѣзжая въ Орду въ 1252 г. и затѣмъ оставшись во Владимірѣ, назначилъ вмѣсто себя княземъ въ Новгородѣ своего старшаго сына Василія. Узнавъ объ отсутствіи своего грознаго врага, Литовцы снова поднялись, и въ началѣ 1253 года вторглись въ предѣлы новгородскихъ владѣній. Незащищенная волость, подвергшись нападенію, не могла сразу выставить значительнаго сопротивленія и заставить враговъ своихъ удалиться. Неожиданность нападенія дала Литовцамъ возможность безнаказанно произвести значительное опустошеніе и захватить огромную добычу и плѣнниковъ. Но лишь только узналъ объ этомъ молодой Новгородскій князь, тотчасъ поспѣшилъ собрать новгородскую дружину и бросился догонять враговъ. Обремененные добычею и плѣнниками, литовскія толпы медленно подвигались къ границамъ своихъ владѣній, а Новгородцы безъ устали слѣдовали по слѣдамъ ихъ. Медленность съ одной стороны и быстрота съ другой были причиною того, что у Торопца Новгородцы нагнали своихъ враговъ. Произошла жаркая битва, перевѣсъ въ которой остался на сторонѣ Новгородцевъ, потому что они защищали свободу и имущество своихъ граждань, а Литовцы—только награбленную добычу. Врожденная ненависть къ своимъ врагамъ и месть за разбойническій набѣгъ придавали также много силы Новгородцамъ. Воодушевляемые примѣромъ своего молодаго кня-

зя, Новгородцы сражались мужественно и нанесли жестокое пораженіе своимъ врагамъ, „отмстили за кровь христіанскую." Пораженные Литовцы бѣжали, оставивъ въ рукахъ побѣдителей награбленную добычу и плѣнниковъ. [1])

Торжествующіе Новгородцы, не потерпѣвъ ни малѣйшаго урона, возвращались въ Новгородъ, но не для отдыха, а чтобы подкрѣпить себя новыми силами, снова взяться за оружіе и выступить въ ратное поле: давнишній ихъ врагъ, Нѣмцы, ободренные своимъ успѣхомъ въ войнахъ съ Литвою, нарушили съ Новгородцами миръ, который сами же они униженно выпросили у вольныхъ мужей. Послѣ славнаго урока, даннаго имъ Александромъ Невскимъ въ 1242 г., они десять лѣтъ не поднимались на Русь, боясь вторично испытать силу Новгородскихъ топоровъ и мечей и выжидали болѣе удобнаго времени. Отсутствіе ихъ Чудскаго побѣдителя казалось имъ самымъ благопріятнымъ временемъ для приведенія въ исполненіе давно задуманныхъ плановъ. И вотъ, въ 1253 году, собравъ значительныя силы, они по обычаю дѣлаютъ нападеніе на слабѣйшаго, на младшаго брата великаго Новгорода. Псковичи, неприготовленные къ такому нечаянному нападенію, заперлись въ своемъ городѣ, а Нѣмцы бросились на посадъ, разграбили его и сожгли. Но торжество ихъ было непродолжительно. Собравшись съ силами и помня 1242 г., Псковичи ободрились, сами бросились на Нѣмцевъ и многихъ изъ нихъ заставили поплатиться жизнью за дерзкую попытку нарушать права и свободу вольнаго города. Но этимъ дѣло не кончилось. Узнавъ о несчастіи, постигшемъ младшаго брата, Новгородъ великій послалъ своихъ гражданъ на защиту его. Панический страхъ напалъ на Нѣмцевъ, лишь только они узнали объ этомъ. Не успѣвъ ничего сдѣлать Пскову, они бросились бѣжать отъ не-

---

[1]) Новгород. I, 55.

го, думая такъ дешево отдѣлаться за свою попытку. Но они ошиблись. Новгородцы не довольствовались только освобожденіемъ Пскова, а рѣшились отомстить Нѣмцамъ и напасть на ихъ собственныя владѣнія. Усиливъ свои полки новыми дружинами, Новгородцы перешли Нарову и начали опустошать Ливонію. Нѣмцы не ожидали нападенія съ этой стороны, а потому не выставили никакого сопротивленія, и Новгородцы въ ихъ странѣ хозяйничали какъ знали: „сотвориша волость ихъ пусту," какъ замѣчаетъ лѣтописецъ. Помощниками Новгородцамъ въ этомъ дѣлѣ явились Корелы; они также много зла сдѣлали нѣмецкой волости.

Въ то время, когда Новгородцы дѣйствовали такимъ образомъ съ одной стороны, Псковичи работали съ другой. Собравъ свои незначительныя силы, они бросились по слѣдамъ бѣжавшихъ Нѣмцевъ, вступили въ ихъ землю и заставили принять сраженіе въ открытомъ полѣ. Принужденные раздѣлить свои силы, Ливонцы не могли выставить значительнаго сопротивленія Псковичамъ, а вслѣдствіе этого и потерпѣли полнѣйшее пораженіе. Опасаясь за цѣлость своихъ владѣній, Ливонцы, „оканьніи преступницы правды," какъ фигурально называетъ ихъ лѣтописецъ, поспѣшили прислать своихъ пословъ въ Новгородъ и Псковъ для заключенія мира. Согласные теперь на всякаго рода уступки, они заключили миръ „на всей волѣ Новгородской и на Псковской." [1]) Такъ неудачно окончилась эта попытка Ливонскихъ рыцарей завладѣть пограничными областями Русской земли. Они убѣдились, что духъ Александра Невскаго живетъ въ Новгородцахъ и Псковичахъ даже и въ его отсутствіе. Уступая неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ, Нѣмцы принуждены были снова просить мира у Русскихъ.

---

[1]) Новгород. I. 55.

Теперь посмотримъ, какое вліяніе произвели на Новгородцевъ эти побѣды. Упоенные счастьемъ своего успѣха и приписывая такой благопріятный исходъ, быть можетъ, только себѣ и своимъ личнымъ силамъ, а не опытности и искусству князя, вольные мужи задались теперь новыми идеями относительно отношеній своихъ къ князю. Разсказывая о событіяхъ 1240 года, мы уже упоминали, что Александръ Ярославичъ, уступая просьбамъ Новгородцевъ, согласился быть ихъ княземъ, но только не такимъ, которому бы вольные мужи по своему капризу могли указать путь изъ Новгорода, но принялъ княжество, не подчиняясь волѣ новгородской и дѣйствуя какъ самостоятельный князь. На подобнаго рода условія Новгородцы согласились тогда только потому, что находились въ зависимости отъ неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ и имѣли крайнюю нужду въ опытномъ князѣ. Но то, что навязано силой или принято вслѣдствіе необходимости, никогда не было органически связано съ жизнью Новгородцевъ, какъ не было согласно и съ ихъ характеромъ; рано или поздно оно должно было прорваться, обнаружиться, и чѣмъ позже, тѣмъ съ большею силою. Пока въ средѣ Новгородцевъ жилъ князь, который вслѣдствіе своей авторитетности и популярности удерживалъ ихъ въ извѣстныхъ границахъ, до тѣхъ поръ вольные мужи были покойны, не предъявляли особенныхъ правъ, жили, подчиняясь условіямъ, вызваннымъ необходимостью; но лишь только этотъ князь оставилъ ихъ, замѣнивъ себя другимъ, не пріобрѣвшимъ еще популярности въ народѣ, вольные мужи подняли головы и заговорили о своихъ старыхъ правахъ, пріобрѣтенныхъ ими временемъ и составлявшихъ какъ бы ихъ неприкосновенную собственность. Главное мѣсто въ числѣ этихъ правъ, конечно, занимала свобода дѣйствій относительно выбора князя. Теперь это право, потерявъ силу послѣ 1240 г., Новгородцы захотѣли возвратить.

Пока Александръ Ярославичъ жилъ среди Новгородцевъ, которые подъ его мудрымъ правленіемъ наслаждались полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ и пріобрѣли столько славы въ войнахъ съ внѣшними врагами, до тѣхъ поръ жители Новгорода оставались спокойными относительно своихъ старыхъ правъ, не предъявляли никакихъ требованій, воздавая должную покорность и уваженіе своему доблестному князю. Но въ 1252 году князь ихъ сдѣлался Владимірскимъ великимъ княземъ. Сообразно своему новому званію, Александръ Невскій долженъ былъ перемѣнить и мѣсто своего пребыванія; стольный городъ тогдашней Руси требовалъ присутствія князя въ центрѣ государства.—Уѣзжая изъ Новгорода, Невскій оставилъ въ немъ княземъ вмѣсто себя своего сына Василія. Но этотъ молодой князь, хотя также много сдѣлалъ для Новгородцевъ, особенно въ послѣднее время, мало еще пріобрѣлъ славы, и вольные мужи мало питали къ нему уваженія и искали благопріятнаго случая подъ благовиднымъ предлогомъ указать ему путь изъ своего города. Но испытавъ уже прежде нѣсколько разъ, что безъ князя имъ жить нельзя, что нужно имѣть такое лице, которое бы заправляло ходомъ всей ихъ общественной жизни, а въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями, руководило бы ими въ качествѣ вождя, Новгородцы должны были позаботиться пріискать себѣ князя. Южная Русь, такъ долго надѣлявшая Новгородцевъ своими князьями, со времени татарскаго владычества должна была отказаться отъ этой роли. Татарскій погромъ разобщилъ ее съ сѣверомъ, порвалъ тѣсную связь, соединявшую ее и съ Новгородомъ; заставилъ ее выйдти изъ русской федераціи, указавъ новый путь по колеѣ исторической жизни. Лишенный такимъ образомъ этого обильнаго князьями источника, Новгородъ долженъ былъ обратиться къ другому. На сѣверѣ оставалась еще цѣлая семья князей, въ числѣ которыхъ было много желающихъ сдѣлаться княземъ такого го-

рода, какъ Новгородъ, который давалъ больше возможности, больше средствъ къ „кормленію,“ нежели ихъ бѣдные удѣлы. Но по мѣрѣ того, какъ югъ терялъ свою самобытность, примыкая больше къ западу, на сѣверѣ сплотилась новая федерація подъ началомъ Владимірскаго князя и подъ верховнымъ владычествомъ Монголовъ. Потерявши связь съ югомъ, Новгородъ волей-неволей долженъ былъ примкнуть къ сѣверу, сдѣлаться членомъ вновь образовавшагося союза, а слѣдовательно, брать изъ этого источника и правителей для себя. Мы видѣли, что Новгородцы еще въ двадцатыхъ годахъ XIII столѣтія постоянно приглашали къ себѣ княземъ Ярослава, котораго не особенно любили и съ которымъ постоянно не ладили, заставляя его отказываться отъ чести именоваться ихъ княземъ. Но Ярославъ, уѣзжая изъ Новгорода, оставлялъ вмѣсто себя своихъ сыновей, сначала Θеодора и Александра, а послѣ 1233 года одного Александра. До 1252 года Александръ жилъ въ Новгородѣ, а занявъ Владимірскій столъ, слѣдуя примѣру отца, оставилъ въ Новгородѣ вмѣсто себя своего сына Василія уже не княземъ отдѣльнаго княжества, а какъ своего намѣстника, и такимъ образомъ мало-по-малу установился обычай, обратившійся почти въ законъ для Новгородцевъ, получать себѣ правителя изъ рукъ великаго князя,—другими словами, признавать себя въ зависимости отъ главы сѣверной федераціи. До поры до времени Новгородцы терпѣливо переносили эту непривычную для нихъ зависимость, но вотъ въ 1255 году, ободренные своими успѣхами въ войнѣ съ внѣшними врагами, они вздумали предъявить притязаніе на свое старое право выбирать себѣ князя, который бы находился въ извѣстной зависимости отъ нихъ. Задавшись подобными идеями, они, конечно, должны были найти какой-либо благовидный предлогъ, чтобы удалить своего правителя, признававшаго надъ собою власть великаго князя и считавшагося его подручникомъ. Пред-

логъ этотъ не трудно было найти, стоило только завести съ великимъ княземъ рѣчь о старыхъ грамотахъ и потребовать ихъ подтвержденія. Новгородцы такъ и сдѣлали. Въ началѣ 1255 года они рѣшили отправить посольство съ грамотою къ великому князю и просили его возобновить старыя права, другими словами, позволить имъ удалить изъ Новгорода его сына Василія. Во главѣ посольства стоялъ архіепископъ Далматъ, которому и были вручены грамоты. Понимая, быть можетъ, всю неосновательность требованія Новгородцевъ, архіепископъ медлилъ своимъ отъѣздомъ, желая дать время для болѣе зрѣлаго обсужденія предпринятаго ими намѣренія; но видя, наконецъ, что вольные граждане не согласны отмѣнять свои предположенія, архіепископъ отправился къ Александру Ярославичу. Не зная настроенія умовъ въ Новгородѣ и предполагая, что все можно окончить миромъ, Александръ Ярославичъ также не спѣшилъ исполнить требованіе неспокойныхъ Новгородцевъ тѣмъ болѣе, что въ это время онъ не имѣлъ возможности пересмотрѣть грамоты Новгородцевъ и удовлетворить ихъ требованія: братъ его Константинъ Ярославичъ въ это время былъ боленъ. Александръ любилъ этого брата не менѣе другихъ и не хотѣлъ его оставить безъ личнаго надзора. Скоро послѣдовавшая затѣмъ смерть Константина принесла много печали любящему брату, который, весьма естественно, въ такомъ положеніи не могъ заняться серьезнымъ дѣломъ, котораго отъ него требовали Новгородцы. Но эта медленность въ Новгородѣ была принята за нежеланіе удовлетворить ихъ требованію, вслѣдствіе чего въ вольномъ городѣ поднялась смута, граждане раздѣлились на партіи, и большинство требовало удаленія князя Василія и призыва другаго. Уступая силѣ, Василій Александровичъ удалился изъ бунтующаго Новгорода, а вольные мужи пригласили вмѣсто него его дядю Ярослава Ярославича, младшаго брата Александра.

Зимою 1253 года, почти въ то время какъ Василій Александровичъ во главѣ Новгородской дружины такъ счастливо отражалъ западныхъ враговъ, князь Ярославъ оставилъ свой удѣлъ Тверь и бѣжалъ во владѣнія Новгорода. Предположивъ удалить изъ своего города намѣстника великаго князя, Новгородцы были рады этому князю и, предоставивъ въ его управленіе Ладогу, приберегали его на всякій случай. Ярославъ Ярославичъ недолго жилъ въ Ладогѣ. Псковичи, не имѣя у себя правителя, поспѣшили пригласить къ себѣ Тверскаго князя. Но и здѣсь ему также недолго пришлось прожить. Новгородцы, какъ мы видѣли, изгнавъ своего князя Василія Александровича, пригласили Ярослава. Послѣдній, конечно, радъ былъ случаю занять такое почетное мѣсто; приглашеніе Новгородцевъ было принято имъ весьма охотно. Но принявъ званіе Новгородскаго князя, Ярославъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался врагомъ прежняго Новгородскаго князя Василія и его отца Александра Невскаго. Ярославъ это зналъ, но надѣялся много на единодушіе Новгородцевъ и ихъ матеріальныя средства. Ярославъ ошибся: средства у Новгородцевъ были, но недоставало именно единодушія, этого необходимаго условія при рѣшеніи такихъ важныхъ общественныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, избраніе князя.

Изгнанный изъ Новгорода, Василій Александровичъ отправился въ Торжокъ и сталъ дожидать здѣсь помощи отъ отца, котораго предварительно извѣстилъ обо всемъ. Дерзкій поступокъ Новгородцевъ оскорбилъ Александра Невскаго, какъ отца и какъ князя. Собравъ полки, Александръ Невскій вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Димитріемъ Святославичемъ двинулся на помощь сыну и для наказанія непокорныхъ Новгородцевъ и ихъ новаго князя. Присоединивъ къ своей дружинѣ новоторжскіе полки, великій князь быстро пошелъ къ Новгороду. Не ожидая такого неблагопріятнаго оборота дѣлъ,

Новгородскій князь, лишь только узналъ о походѣ старшаго брата, тотчасъ оставилъ Новгородъ, въ которомъ въ это время происходили страшные безпорядки. Народъ, какъ мы прежде замѣтили, раздѣлился на партіи. Меньшинство, состоявшее преимущественно изъ бояръ и лучшихъ людей, бывшее и прежде на сторонѣ князя, но уступившее грубой силѣ, теперь явно отдѣлило свои интересы и свои желанія отъ большинства, главную массу котораго составлялъ низшій классъ общества, на сторонѣ котораго, впрочемъ, былъ посадникъ Ананій.

Еще Александръ Невскій не успѣлъ приблизиться къ городу, какъ къ нему уже начали являться его приверженцы и доносили подробно обо всемъ. Прежде другихъ явился къ великому князю „Ратишка съ перевѣтомъ: поиди, княже, борзѣе, говорилъ онъ, братъ твой князь Ярославъ побѣглъ!“ Но и оставленные своимъ княземъ, Новгородцы не хотѣли смириться, а напротивъ, начали собирать дружину и строить полки. Каждая изъ партій помѣстила свои силы въ различныхъ концахъ города. Лучшіе люди поставили свои полки за церковью Рождества Христова, а меньшіе „пѣшцы“ построились около церкви св. Иліи, противъ Городища. Несогласные между собою и раздѣлившіе свои интересы, Новгородцы раздѣлились и на вѣчѣ. Главный вопросъ, который былъ предложенъ меньшими людьми на вѣчѣ, былъ слѣдующій: „что отвѣтить князю, если онъ скажетъ: выдайте мнѣ враговъ моихъ?“ Послѣ долгаго обсужденія меньшіе люди, съ посадникомъ Ананіемъ во главѣ, рѣшили стать всѣмъ за одно, жить или умереть, но отстоять правду новгородскую, свою отчину, и на этомъ цѣловали св. Богородицу. Въ то время, когда меньшіе рѣшили сопротивляться князю и отстаивать свою свободу и права, вячьшіе люди пришли къ другому результату. Обсудивъ хорошенько дѣло, они нашли, что сопротивленіе въ данномъ случаѣ невозможно и притомъ сопротивленіе такому князю,

какъ Александръ Невскій. На вѣчѣ, созванномъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, было положено: ввести князя въ городъ на всей его волѣ, а если меньшіе вздумаютъ сопротивляться, то вооруженною рукою заставить ихъ согласиться съ мнѣніемъ лучшихъ людей. Во главѣ рѣшившихъ такимъ образомъ стоялъ богатый бояринъ Михалко, внукъ славнаго посадника Твердислава. Этотъ Михалко, послѣ окончательнаго рѣшенія лучшихъ людей, вышелъ изъ города съ своимъ полкомъ, остановился у Георгіевскаго монастыря и ждалъ, когда ему прійдется ударить на меньшихъ людей сбоку, чтобы окончательно разбить ихъ и заставить покориться. Видно, что Новгородскій посадникъ Ананій находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Михалкомъ, желалъ ему добра, потому что, лишь только узналъ о его намѣреніи, тотчасъ послалъ къ нему тайно Якуна, чтобы извѣстить о грозившей ему опасности со стороны народа, горѣвшаго местью за такой поступокъ одного изъ своихъ граждан. Когда между черными людьми разнеслась вѣсть о замыслѣ Михалка, то они хотѣли было догнать его и убить, а прежде бросились на дворъ, чтобы разграбить. Доброжелатель Михалка Ананій, пользовавшійся популярностью въ народѣ, обратясь къ нему, сказалъ: „братья! если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!“ А говорилъ онъ это, замѣчаетъ лѣтопись, не зная, что Михалко былъ главнымъ руководителемъ того вѣча, которое рѣшило схватить его самого, а посадничество отдать Михалкѣ.

Въ то время, когда въ Новгородѣ происходили безпорядки и раздоры между богатыми и бѣдными, Александръ Ярославичъ, расположивъ свое войско у стѣнъ Новгорода и не желая проливать кровь тѣхъ гражданъ, съ помощью которыхъ онъ пріобрѣлъ такъ много славы, рѣшилъ отправить къ нимъ пословъ съ мирными предложеніями. Князь Борисъ Васильковичъ былъ избранъ посредникомъ между великимъ княземъ и Новгородцами. Явившись въ Новгородъ, онъ собралъ вѣче и

объявилъ вольнымъ людямъ желаніе князя. „Выдайте мнѣ посадника Ананія, говорилъ онъ отъ имени Александра Невскаго, а не выдадите, то я вамъ не князь и иду воевать городъ!“ Обсудивъ это предложеніе великаго князя, Новгородцы отправили къ Невскому владыку Далмата и тысяцкаго Клима съ такимъ отвѣтомъ: „поѣди, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, а Онаньи гнѣва отдай и всѣмъ мужамъ новгородьскимъ.“ Но эта просьба не была принята великимъ княземъ, не смотря ни на мольбы архіепископа Далмата, ни на челобитье представителя Новгородцевъ—тысяцкаго Клима. Новгородцы, узнавъ о безуспѣшномъ ходатайствѣ своихъ пословъ, созвали опять вѣче и начали думать, что предпринять имъ теперь. „Если великій князь, говорили они, согласился съ нашими крестопреступниками, то Богъ имъ судья и св. Софія, а князя не винимъ: великій князь въ этомъ случаѣ безъ грѣха!“ Долго еще разсуждали вольные люди и рѣшили все-таки стоять за правду новгородскую. Такъ прошло три дня. Новгородцы ожидали князя, не распускали своихъ дружинъ и не посылали къ князю просить о новой милости. На четвертый день Александръ Ярославичъ, всетаки не желая напрасно проливать кровь христіанскую, опять отправилъ въ Новгородъ посла съ такимъ предложеніемъ: „пусть Ананій откажется отъ посадничества, я помирюсь съ вами и гнѣвъ свой отдамъ.“ Это требованіе было уже до такой степени снисходительно, что Новгородцы не могли не согласиться на него, да и самъ посадникъ Ананій, видя доброту Невскаго и желая мира своимъ гражданамъ, принялъ требованіе великаго князя. Александръ Ярославичъ, какъ видно изъ этихъ требованій, желалъ только, чтобы посадникъ, какъ лицо дѣйствовавшее во вредъ его интересамъ, былъ сверженъ и замѣненъ другимъ. Новгородцы поняли, что добрый князь щадитъ ихъ, предлагая имъ подобнаго рода условіе, и не согласиться на него—значитъ признать себя врагами того героя, который такъ много сдѣлалъ въ

ихъ пользу и для ихъ же выгодъ и славы. Ананій сложилъ съ себя званіе посадника.

Сознавая всю виновность своего поступка противъ великаго князя и правоту его дѣйствій, Новгородцы съ покорной головой вышли навстрѣчу своему старому князю, „поклонились ему съ честью многою, приняли его съ радостью великою, покорились сыну его.“ Александръ далъ миръ Новгородцамъ, не нарушивъ ихъ старыхъ правъ и не унизивъ своего княжескаго достоинства. Помирившись съ Новгородцами, Александръ Ярославичъ отправился въ городъ, гдѣ архіепископъ Далматъ и все духовенство встрѣтило его съ крестами. Народъ радовался такому счастливому окончанію дѣла и прославлялъ великодушіе Александра, благодаря мудрости котораго не было пролито ни капли крови. Посадничество вмѣсто Ананія принялъ приверженецъ великаго князя Михалко Степановичъ, и народъ согласился на это безъ всякаго прекословія. Такъ счастливо для Новгородцевъ окончилась вражда ихъ съ великимъ княземъ, [1]) который, не смотря на всю свою доброту, однако далъ понять Новгородцамъ, что ихъ вольности и мятежи не всегда будутъ проходить безнаказанно. Доброта Александра Невскаго и его умѣренность въ требованіяхъ пробудили въ Новгородцахъ прежнюю любовь къ своему князю и вызвали полную покорность съ ихъ стороны.

Устроивъ дѣла въ Новгородѣ, Александръ Ярославичъ оставилъ княземъ опять своего сына Василія, а самъ возвратился во Владиміръ, куда прибылъ изъ нѣмецкой земли и братъ его Андрей, бѣжавшій отъ Татаръ въ 1252 году. Александръ Ярославичъ принялъ брата съ любовью и хотѣлъ даже дать ему Суздаль, но боялся хана, который, какъ видно, еще

---

[1]) Воскр. 160, 161; Соф. I. 188; Лавр. 203; Твер. 399; Новг. I. 55; Тат. IV. 26.

не забылъ непокорности Андрея и, быть можетъ, хотѣлъ наказать его. Но всегда добрый, Александръ Невскій и на этотъ разъ взялъ на себя обязанность выхлопотать у хана прощеніе брату.

Въ слѣдующемъ 1256 году Александръ Невскій со всѣми князьями отправился въ Городецъ и въ Нижній Новгородъ, гдѣ въ это время, вѣроятно, начинались переговоры съ Татарами объ исчисленіи народа для болѣе точнаго опредѣленія количества дани. Изъ Нижняго Невскій возвратился назадъ, а въ Орду послалъ князя Бориса Васильковича съ дарами къ Улавчію, который вмѣсто хана Берке завѣдывалъ дѣлами Россіи. Борису Васильковичу было поручено также просить и за Андрея. Явившись къ Улавчію, Борисъ Ростовскій вручилъ ему дары и передалъ просьбу великаго князя. Улавчій принялъ посла Невскаго съ честью и исполнилъ просьбу его,—простилъ Андрея. Обрадованный успѣхомъ своего посольства, Борисъ возвратился назадъ во Владиміръ, а оттуда въ свою отчину. [1])

Посольство Бориса въ Орду, конечно, имѣло и другую болѣе важную цѣль, а именно упросить правителя Орды отсрочить перепись народа, о которой въ то время Татары уже начали поговаривать. Александру нужно было еще время для выполненія другихъ дѣлъ, а прежде всего для отраженія враговъ.

Въ то время, когда Владимірскій князь отстаивалъ интересы русской націи на востокѣ, на западѣ враги его всѣми силами старались дѣйствовать во вредъ этимъ интересамъ. Еще въ 1254 году папа Иннокентій IV, разочарованный въ своей попыткѣ обратить при посредствѣ Александра Невскаго Русскихъ въ католичество и извѣщенный о разореніи Ливонцевъ послѣ войны ихъ съ Новгородцами въ 1253 году, шлетъ посланіе

---

[1]) Лавр. 203; Татищевъ IV, 27.

къ архіепископамъ, епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, чтобы они проповѣдывали *крестовый походъ противъ Татаръ, опустошающихъ Ливонію и Эстонію.* [1]) Но видно, что это воззваніе святаго отца не подѣйствовало на тѣхъ самыхъ рыцарей, въ памяти которыхъ были еще свѣжи событія недавней борьбы *съ Татарами*, такъ безнаказанно прогулявшимися по ихъ владѣніямъ въ 1253 году. Боясь повторенія того же самого опять, рыцари не откликнулись на голосъ своего главы и предоставили другимъ испытать, насколько легка борьба съ Татарами, жившими въ Суздальской и Новгородской областяхъ.

Въ слѣдующемъ 1255 году на папскій престолъ вступилъ Александръ IV. Новый владыка католическаго міра, видя неуспѣхъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ посягательства на права и религію Русскаго народа и предполагая, что въ пользу римской церкви можно сдѣлать больше мечемъ, нежели убѣжденіемъ, поднимаетъ на Русскихъ южныхъ и сѣверныхъ ихъ сосѣдей, Литовцевъ и Шведовъ. Ливонцы, наученные опытомъ, отказались отъ роли исполнителей папскихъ повелѣній, и Александръ IV зналъ, что съ этой стороны онъ мало будетъ имѣть успѣха, а поэтому обратился къ Литовцамъ, князь которыхъ Миндовгъ принялъ недавно передъ этимъ христіанскую вѣру и вступилъ подъ покровительство намѣстника св. Петра. [2]) Какъ бы въ награду за это *добрый* папа Иннокентій IV поручаетъ прежде всего своему легату, епископу Кульмскому, взять умѣренную церковную десятину во владѣніи вновь присоединеннаго къ католической церкви Литовскаго княжества, [3]) а Алек-

---

[1]) Innocentii P. IV. ad Archiepiscopum, episcopos et praelatos Livoniae, Estoniae et Prussiae. (Contra Tartaros, Livoniam et Estoniam vastantes crucis verbum praedicent.) Hist. R. M. 80. XC.

[2]) Innoc. P. IV. ad Regem Lithoviae (Rex Lithoviae Christianam religionem amplexus in Beati Petri tutelam accipitur). Hist. R. M. 73. LXXXII epist.

[3]) In. P. IV. ad Episcopum Calmensem. (De decima ecclesiastica moderate exigenda in Regno Lithoviae). Hist. R. M. 73. LXXXI.

сандръ IV простеръ свою милость еще дальше: онъ уже позволяетъ королю Литовскому воевать Россію и присоединять области ея къ своимъ владѣніямъ. [1]) Посланіе 1255 года предоставляетъ ему это право. Убѣжденный въ томъ, что послушный сынъ римской церкви выполнитъ порученіе св. отца, Александръ IV уже спѣшитъ распорядиться относительно будущихъ завоеваній Литовскаго князя и поручаетъ Рижскому архіепископу назначить епископа въ страны вновь пріобрѣтаемыя отъ Русскихъ королемъ Литовскимъ. [2]) Но святой отецъ слишкомъ поспѣшилъ этимъ распоряженіемъ: Литовцы помнили недавній урокъ и не спѣшили подниматься на Русскихъ, къ которымъ, какъ мы увидимъ дальше, они даже примкнули въ борьбѣ съ Ливонцами. Оставался еще сѣверъ, на который папа возлагалъ теперь всю свою надежду, не успѣвъ ничего сдѣлать во вредъ Русскимъ на западѣ и югѣ.

Шведы, давнишніе враги Новгородцевъ, не нуждались даже въ посланіяхъ св. отца для того, чтобы начать непріязненныя дѣйствія противъ Русскихъ; одного намека достаточно было, чтобы начать борьбу. Какъ покорные сыны римской церкви, Шведы всѣми силами старались дѣйствовать въ интересахъ католичества. Нигдѣ католическая пропаганда не работала съ такимъ успѣхомъ, какъ въ шведскихъ владѣніяхъ. Туземцы Финляндіи и береговъ Финскаго залива, а именно: Водь, Ижора, Корелы, принявшіе недавно православіе, были почти насильно перекрещиваемы въ латинство и такимъ образомъ, отрываемые отъ православія, они отдѣляли и свои интересы отъ Русскихъ и примыкали къ Шведамъ. Но жадные къ захватамъ Шведы этимъ не довольствовались. Они хотѣли рас-

---

[1]) Alexandri P. IV. ad Regem Lithuaniae. (Permittet ei Regnum Russorum bello invadere, suisque ditionibus adjungere). Hist. R. M. 83. XCIII.

[2]) Bunge. Liev--Ehst und Kurländisches Urkundenbuch nebst Registern. B. I. 363.

пространить католическую религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою власть, даже въ самыхъ владѣніяхъ великаго Новгорода. Распространяя католичество въ южной Финляндіи, Шведы начали переходить въ Новгородскія земли и крестить по католическому обряду Кореловъ, признававшихъ надъ собою власть Новгородцевъ. Чтобы обезопасить себя въ стратегическомъ отношеніи со стороны Новгорода, Шведы въ 1256 году, собравъ свои войска и присоединивъ къ нимъ дружины Датчанъ и туземцевъ, подъ начальствомъ Дидмана, [1]) пришли въ новгородскія владѣнія къ берегамъ Наровы и начали строить крѣпость. Очевидно было, что Шведы предполагали сдѣлаться полными хозяевами въ этой мѣстности. Новгородцы, узнавъ о предпріятіи Шведовъ, страшно встревожились, тѣмъ болѣе, что въ это время у нихъ не было князя. [2]) Предполагая, что силы Шведовъ весьма значительны, иначе бы они не осмѣлились зайти такъ далеко въ чужія владѣнія, Новгородцы не рѣшились съ наличными силами и безъ предводителя выступить противъ враговъ. Прежде всего они считали необходимымъ извѣстить обо всемъ своего стараго князя и просить прійти къ нимъ на помощь съ низовыми полками, а кромѣ того и сами начали серьезно приготовляться къ отраженію врага. Разославъ вѣстниковъ во всѣ свои волости, они приглашали гражданъ Новгородской земли вооружиться и спѣшить на помощь къ Новго-

---

[1]) Кто былъ этотъ Дидманъ, трудно сказать съ вѣроятностью. Карамзинъ (IV, прим. 93) говоритъ, что Дидманомъ называютъ Латыши великаго магистра Ливонскаго. Костомаровъ (С. Р. Народоправства I. 366) считаетъ его предводителемъ Шведовъ; Соловьевъ (Ис. Рос. III, 200) не говоритъ о немъ опредѣленно. Можно предполагать, что Дидманъ былъ начальникомъ Датской дружины, пришедшей на помощь Шведамъ. Въ спискѣ магистровъ Ливоніи мы не встрѣчали имени Дидмана. См. Friebe. I. 157. и. L. Chr. 301.

[2]) Василій Александровичъ, князь Новгородскій, былъ въ это время во Владимірѣ, у отца, который, вѣроятно, оставилъ его вмѣсто себя на время своего пребыванія въ Нижнемъ Новгородѣ.

роду. Населеніе радостно откликнулось на этотъ зовъ, и дружина за дружиной начала являться у стѣнъ вольнаго города. Силы Новгородцевъ росли быстро. Очевидно, что это не могло укрыться и отъ враговъ ихъ, и они, лишь только узнали объ этомъ, поспѣшили удалиться изъ новгородскихъ владѣній, оставивъ недостроенную крѣпость. Страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они даже не рѣшились остановиться близко возлѣ границъ новгородскихъ и поспѣшили бѣжать за море. Но страхъ и поспѣшное ихъ удаленіе были напрасны. Новгородцы не думали дѣлать на нихъ нападенія и ожидали своего князя.

Александръ Ярославичъ не заставилъ вольныхъ людей долго ждать себя. Зимою, того же года, онъ съ митрополитомъ Кирилломъ и съ своими полками прибылъ въ Новгородъ. Ясно было, что, не смотря на суровое время года, Александръ Ярославичъ собирался на враговъ. Зная характеръ Новгородцевъ и ожидая, быть можетъ, сопротивленія съ ихъ стороны и нежеланія идти въ походъ въ такое время года, Александръ Ярославичъ счелъ необходимымъ взять съ собою и митрополита для того. чтобы въ случаѣ надобности воспользоваться его духовною властью и заставить Новгородцевъ исполнить приказаніе князя. Приготовленія къ походу продолжались недолго. Александръ Ярославичъ спѣшилъ наказать своихъ враговъ и отучить ихъ отъ попытокъ безнаказанно нарушать права его націи. Имѣя въ виду, что при наступательной войнѣ требуются значительныя силы, Александръ Невскій присоединилъ къ своимъ полкамъ еще дружину новгородскую и двинулся въ путь. Для Новгородцевъ, да и для войска, цѣль похода оставалась тайною. Нѣкоторые предполагали, а быть можетъ и нарочно распустили слухъ, что князь идетъ воевать Чудь, но вѣрно это или нѣтъ, никто положительно не могъ сказать. Александръ Ярославичъ былъ опытный полководецъ и понималъ, что онъ много можетъ выиграть, если будетъ держать

въ секретѣ цѣль своего предпріятія. Съ одной стороны, его низовыя войска и новгородскія дружины, предполагая недалекую цѣль похода, могли безъ всякаго сопротивленія и даже съ охотой отправиться въ путь, а съ другой стороны,—враги Русскихъ, ничего не зная о предпринимаемомъ противъ нихъ великимъ княземъ, могли оставаться спокойными, не ожидать нападенія, а слѣдовательно, и не приготовляться къ отпору. Въ томъ и другомъ случаѣ Александръ Ярославичъ выигрывалъ. Что первое опасеніе Невскаго, именно, что войска, узнавъ о трудности и дальности предпринимаемаго похода, могутъ оказаться непослушными, имѣло основаніе, это доказали послѣдующія обстоятельства; а что вторая предосторожность была кстати, это доказываетъ успѣшный результатъ предпріятія.

Итакъ, не объявивъ никому о цѣли своего предпріятія, Невскій приказалъ полкамъ выступить въ путь и идти къ Копорью. Митрополитъ Кириллъ также сопровождалъ князя и войско до этого города. Здѣсь Александръ остановился на время, находя необходимымъ дать отдыхъ войску, которому впереди предстояло еще много трудовъ и лишеній. Послѣ краткаго отдыха, Невскій объявилъ войску, что идетъ на Емь, племя, жившее въ южной Финляндіи, признававшее надъ собою владычество Шведовъ и помогавшее имъ при нападеніяхъ на владѣнія Русскихъ. Великій князь не ошибся на счетъ своихъ опасеній. Устрашенные такой дальней дорогой и предстоявшими трудностями въ непріятельской землѣ, многіе изъ Новгородцевъ отказались слѣдовать дальше и рѣшили возвратиться назадъ. Но любовь и глубокая привязанность, господствовавшія въ большей части войска, а быть можетъ, и увѣщанія владыки подѣйствовали благопріятно на остальныхъ. Кромѣ небольшаго числа отказавшихся, всѣ остальные изъявили полную готовность слѣдовать за своимъ княземъ—героемъ.

Получивъ благословеніе митрополита, который отсюда возвратился назадъ въ Новгородъ, Александръ Ярославичъ во

главѣ своей мужественной дружины выступилъ въ путь; а путь этотъ, по свидѣтельству лѣтописца, „бысть золъ“ и „шествіе трудно.“ Александръ выступилъ въ путь зимою, единственно удобное время года, когда можно было пробраться свободно въ непріятельскую землю, гористую по мѣстамъ, обильную болотами и непроходимыми лѣсами. Неизвѣстность мѣстности страшно затрудняла путь дружинамъ Невскаго героя. Александръ Ярославичъ шелъ съ своимъ войскомъ, какъ видно, напрямикъ, не обходя ни крутыхъ горъ, ни пропастей. Близость моря и обиліе болотъ было причиною частыхъ и густыхъ тумановъ, и дни для путниковъ обращались въ ночи. Утомленному войску часто приходилось перебираться черезъ высокія горы или идти въ ущельяхъ, заваленныхъ снѣгомъ, гдѣ на каждомъ шагу смѣлому князю и его дружинѣ грозила опасность.

На пути къ войску Александра присоединились толпы туземцевъ, недовольныхъ Шведами и ихъ насильственными поступками при обращеніи въ латинство. Туземцы эти оказали большую помощь полкамъ Невскаго героя: хорошо знакомые съ мѣстностью, они шли впереди и показывали путь войску. Но, не смотря на это, многіе изъ дружины Новгородцевъ поплатились жизнью за свою отвагу, не говоря уже о туземцахъ, которыхъ въ этомъ походѣ погибло множество, такъ какъ они прежде другихъ подвергались опасности, отыскивая и прокладывая для войска занесенную снѣгомъ дорогу. Кромѣ природы Александру Ярославичу и его войску грозила немалая опасность и со стороны нечаяннаго нападенія враговъ. Это нападеніе могло произойти тѣмъ вѣроятнѣе, что Шведы имѣли въ южной Финляндіи крѣпость Тавастгусъ, построенную Биргеромъ послѣ 1242 года. [1]) Главное назначеніе этой крѣпости

[1]) Dalin. Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt. II. 167.

состояло въ томъ, чтобы служить точкою опоры для власти надъ туземцами и чтобы держать въ постоянной покорности сосѣднія племена туземцевъ, склонныхъ и вынуждаемыхъ къ частымъ возмущеніямъ. Теперь крѣпость эта могла выполнить и другую роль. Заключая въ себѣ значительный отрядъ войска, она могла преградить путь всякому непріятелю, рѣшившемуся пробраться во внутрь страны. Александръ Ярославичъ, хотя и зналъ о существованіи этой крѣпости, но не побоялся враговъ, быть можетъ, засѣвшихъ въ ней, и продолжалъ свой путь дальше. Невскій и его дружина мужественно переносили всѣ невзгоды этого похода и хотя оставили за собою значительную часть своихъ соратниковъ, но цѣли все-таки достигли: вступили въ непріятельскую землю и изъ конца въ конецъ сдѣлали по ней опустошительную прогулку.

Шведы, устрашенные этимъ походомъ, быть можетъ, бѣжали въ свою землю или заперлись въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ Александръ Ярославичъ не былъ и даже до нихъ не доходилъ. Несчастные туземцы, Емь и Сумь, оставленные безъ защиты и безъ помощи своими властителями, рѣшились сами выставить сопротивленіе полкамъ Александра, сопротивленіе, конечно, настолько ничтожное, что дружинѣ Александра не предстояло большихъ трудовъ разбить эти толпы. Одни изъ туземцевъ, вздумавшихъ сопротивляться, были убиты, другіе безъ труда взяты въ плѣнъ. Опустошительнымъ ураганомъ новгородскіе полки прошли по всему поморью и съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ возвратились назадъ, не потерявъ на поляхъ битвы, при столкновеніи съ туземцами, ни одного изъ своихъ гражданъ. Такъ окончился походъ 1256 года. [1])

---

[1]) Лаврент. 203; Новгор. I. 55, 56; Софійскій временникъ 268—270; Соф. I. 189.

Неважный самъ по себѣ, походъ этотъ имѣетъ громадное значеніе по тѣмъ результатамъ, которые впослѣдствіи оказались. Враги великаго Новгорода и всей Русской земли поняли и на опытѣ узнали еще разъ, что не смотря на бѣдственное состояніе Русскаго государства, подавленнаго татарскою силою, не смотря на незначительность средствъ и военной силы, дерзкія посягательства западныхъ враговъ на права русской націи не могутъ оставаться безнаказанными, что въ случаѣ нарушенія этихъ правъ или нанесенія Русскому народу какой-либо обиды—полки русскіе по первому призывному кличу готовы отразить врага и идти даже въ его собственныя владѣнія, чтобы наказать и отомстить за себя. Ни отдаленность непріятельской земли, ни трудность и опасность пути—ничто не можетъ остановить русской силы въ ея справедливомъ стремленіи постоять за себя и за свои интересы. Мы положительно не знаемъ,что имѣлъ въ виду Александръ Ярославичъ, предпринимая походъ противъ Шведовъ. Быть можетъ, кромѣ желанія наказать ихъ за нарушеніе правъ народа, онъ имѣлъ еще что-нибудь и другое въ виду; быть можетъ, въ его свѣтлой головѣ зародилась та-же мысль, которая черезъ четыре съ половиною столѣтія была осуществлена Петромъ Великимъ. И если Александру Невскому не удалось предупредить въ этомъ отношеніи Петра, не удалось закрѣпить за Россіей Финское побережье, то только потому, что онъ находился въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, имѣлъ много другихъ болѣе важныхъ обязанностей и не могъ всецѣло посвятить себя приведенію въ исполненіе задуманной мысли. Какъ бы то ни было, но онъ оказалъ великую услугу нашему отечеству уже и тѣмъ, что поддержалъ честь націи и заставилъ Шведовъ отказаться надолго отъ попытокъ вести борьбу съ Русскими и пользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ: заставилъ ревностныхъ сыновъ католической церкви не всегда

слушаться голоса св. отца, не внимать его подстрекательствамъ, а поступать согласно своей совѣсти и своему разсудку. Шведы, испытавъ теперь, на что способенъ тотъ герой, который на берегахъ Невы съ своею небольшою дружиною одержалъ уже разъ такую блистательную побѣду надъ ними, значительно присмирѣли; страхъ, наведенный на нихъ походомъ 1256 г., заставилъ отказаться отъ мысли упрочить свое господство на берегахъ Финскаго залива, въ сѣверныхъ частяхъ Новгородской области, при жизни такого славнаго князя, какъ Невскій. Только через 37 лѣтъ Шведы снова появились во владѣніяхъ новгородскихъ, когда уже доблестнаго князя не было въ живыхъ и некому было прогнать врага и наказать его; онъ успѣлъ укрѣпиться и построилъ крѣпость; [1]) но тогда успѣхъ врага для Новгородцевъ и всѣхъ вообще Русскихъ не былъ такъ опасенъ, какъ теперь, когда со всѣхъ сторонъ на несчастное Русское государство нагрянули враги. Не будь въ это время Александра Ярославича, наши сѣверныя области, Новгородская и Псковская, сдѣлались бы тѣмъ же, чѣмъ теперь Остзейскія губерніи, гдѣ нѣмецкая народность глубоко пустила свои корни на русской почвѣ и развилась до невѣроятныхъ размѣровъ, успѣвъ въ продолженіи вѣковъ подавить и даже отчасти совсѣмъ искоренить народность и религію туземныхъ племенъ. Если же сѣверъ Россіи избѣжалъ такой участи, то этимъ онъ обязанъ Александру Невскому.

---

[1]) Новгор. I, 65.

VIII.

„Приде вѣсть зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины, и смятошася люди."

Новгород. I. 56.

Оставивъ въ Новгородѣ своего сына Василія, Александръ Ярославичъ поспѣшилъ во Владиміръ, который на этотъ разъ служилъ ему только перепутьемъ: отсюда онъ отправился прямо въ Орду, гдѣ присутствіе его было болѣе чѣмъ необходимо. Лѣтописи ничего не говорять о причинахъ этого путешествія, передаютъ только одинъ фактъ: „поѣхаша князи въ Татары, Александръ, Андрей, Борисъ; чтивше Улавчѣя, пріѣхаша въ свою отчину." [1]) Вслѣдъ за этимъ прямо говорятъ о пріѣздѣ татарскихъ чиновниковъ, занявшихся перечисленіемъ народа. Очевидно, что эти два обстоятельства,—поѣздка Александра Ярославича съ князьями въ Орду и перечисленіе народа,—находятся въ тѣсной связи; очевидно. что Владимірскій князь поспѣшилъ въ Орду для того, чтобы сдѣлать еще что-нибудь въ пользу Русскаго народа. Мы уже замѣтили. что еще передъ Финляндскимъ походомъ Александръ Невскій самъ ѣздилъ въ Городецъ, гдѣ въ это время находились татарскіе чиновники, на обязанности которыхъ лежало перечисленіе народа. Изъ Городца Невскій отправилъ къ Улавчію, намѣстнику хана, своего брата Бориса Ростовскаго съ дарами, чтобы онъ упросилъ хана отсрочить перечисленіе. Просьбы и дары умилостивили хана, и онъ на время отложилъ свое намѣреніе, но, очевидно, что не надолго, потому что самъ Улавчій былъ лицомъ зависимымъ и долженъ былъ поступать по приказанію своего повелителя, которымъ въ это время былъ братъ Батыя

[1]) Лавр. 203.

Берге или Береке, который въ свою очередь зависѣлъ отъ великаго хана Монголіи Мангу. [1])

Разсказывая исторію Монголовъ, мы замѣтили, что къ началу второй половины XIII столѣтія Мангу окончилъ покореніе Средней Азіи, преимущественно Китая и Тибета. И вотъ теперь, когда востокъ Европы и почти вся Азія находились въ рукахъ Монголовъ, когда уже не было близко народовъ, сохранявшихъ еще самостоятельность, а слѣдовательно представлявшихъ новую пищу жадности Татаръ и ихъ повелителя, теперь великій ханъ огромнѣйшаго государства, Мангу, рѣшилъ привести въ извѣстность число своихъ подданныхъ, чтобы точнѣе опредѣлить количество дани въ покоренныхъ странахъ, однимъ словомъ. позаботиться о болѣе прочномъ прикрѣпленіи отдаленныхъ завоеванныхъ земель къ своимъ ближайшимъ владѣніямъ и объ опредѣленіи болѣе точныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Чингисъ-ханъ и первые его преемники въ чаду своихъ завоеваній не имѣли времени, чтобы позаботиться объ этомъ. Они не заботились о томъ, чтобы завоеванныя страны сдѣлать прочнымъ пріобрѣтеніемъ: разоренныя изъ конца въ конецъ, эти страны не могли особенно привлекать вниманія жадныхъ Татаръ: не заботились они и о перечисленіи побѣжденныхъ народовъ: страны, по которымъ они проходили, оставались большею частью безъ людей, безпощадно истребленныхъ свирѣпыми пришельцами или уведенныхъ въ рабство: мало также заботились они и о дани: всѣ богатства завоеванной страны и ея жителей дѣлались собственностью побѣдителей. Такова была политика первыхъ монгольскихъ хановъ относительно тѣхъ странъ и народовъ, которые оказывали хотя малѣйшее сопротивленіе. Совершенная,

[1]) Histoire des Mongols par D'Ohsson. II. 38.—Исторія Монголовъ, переводъ съ персидскаго Григорьева, 40 стр. и далѣе.

безусловная покорность нѣсколько смягчала жестокихъ варваровъ. Народъ совершенно покорившейся страны не былъ уничтожаемъ, но за-то долженъ былъ безусловно подчиниться хану и обязанъ былъ исполнять его требованія. Жители покоренной страны обязывались ходить съ Татарами на войну противъ ихъ непріятелей и должны были давать десятину отъ всего, какъ отъ людей, такъ и отъ естественныхъ произведеній страны. [1]) Владѣтели покоренной страны по первому призыву должны были являться съ покорной головой къ хану, и если потомъ владѣтелямъ этимъ позволяли возвращаться назадъ, то посылали вмѣстѣ съ нимъ своихъ довѣренныхъ чиновниковъ, баскаковъ, предоставивъ имъ громадное право какъ надъ владѣтелями страны, такъ и надъ всѣми жителями. Въ распоряженіи этихъ баскаковъ находились значительные отряды Татаръ, которые по одному капризу своего начальника готовы были броситься на беззащитный народъ и истребить его. Если покоренная Татарами страна находилась слишкомъ далеко отъ нихъ или лежала въ сосѣдствѣ съ такой, народъ которой отличался храбростью и не былъ покоренъ Татарами, то съ жителей такой страны они брали дань и обходились съ ними человѣчнѣе для того, чтобы они не возстали и не призвали на помощь своихъ сосѣдей, съ которыми Татарамъ трудно было-бы управиться, или же для того, чтобы другія страны охотнѣе покорялись имъ. [2]) Татары, однимъ словомъ, съ большимъ уваженіемъ и съ большею уступчивостью относились къ тѣмъ народамъ и правителямъ, которые отличались мужествомъ, храбростью и не особенно охотно признавали владычество Монголовъ.

---

[1]) Pl. Carp. II. c. 7. 183.
[2]) Pl. Carp. II. 185, 186, 189.

Что касается Россіи, то, какъ мы видѣли, Татары сначала поступали съ нею какъ съ страною, оказавшею сопротивленіе: поселеніе за поселеніемъ, городъ за городомъ, область за областью были уничтожаемы или совершенно разоряемы. Очевидно, Татары такъ поступали потому, что предполагали распространить свои завоеванія далеко на западъ и не хотѣли оставлять за собою враговъ, которые съ тыла могли сильно имъ повредить; они хотѣли истребить на своемъ пути всѣхъ людей, чтобы быть совершенно безопасными съ этой стороны. Послѣ Ольмюцкой битвы планы ихъ оказались несбыточными: они поняли, что Западъ для нихъ страна завѣтная, границу которой переходить нельзя безъ ущерба себѣ. Батый съ своею ордой принужденъ былъ поворотить назадъ и расположился кочевьемъ въ степяхъ Волги и Дона. Теперь Татары поняли, что гораздо лучше владѣть населенными странами, чѣмъ пустынями, покрытыми только развалинами да человѣческими костями. Для того, чтобы извлечь какую-либудь пользу изъ пустыни, нужно было работать, трудиться, а Татары къ этому не особенно способны и склонны были: они съ охотой пользовались только тѣмъ, что производили другіе. Имѣя въ сосѣдствѣ страну богатую естественными произведеніями, какова Россія, Татары разсчитали, что лучше оставить ей населеніе, трудомъ и средствами котораго можно пользоваться съ значительной выгодой. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ стремленій было то, что послѣ 1241 года Татары начали щадить населеніе Россіи, а съ князьями ея, пользовавшимися особенною славою и популярностью въ народѣ, каковы Даніилъ Галицкій и Александръ Невскій, они обходились весьма снисходительно, старались ихъ сдѣлать покорными данниками, дѣлая имъ значительныя уступки, служившія какъ къ выгодамъ самихъ князей, такъ и ихъ народа. Этимъ отчасти можно объяснить и политику Татаръ относительно духовенства.

Зная, насколько сильно вліяніе этого класса общества въ народѣ, Монголы всевозможными уступками старались задобрить его и привлечь къ себѣ, чтобы сильное авторитетомъ духовенство не возбуждало народъ противъ побѣдителей, а слѣдовательно, чтобы легче и спокойнѣе было властвовать надъ нимъ.

Преслѣдуя такія цѣли относительно Россіи, Татары уже съ первыхъ лѣтъ своего владычества начинаютъ обходиться съ русскими князьями сравнительно лучше, чѣмъ съ владѣтелями другихъ покоренныхъ странъ. Такъ, уже Ярославу Всеволодовичу они оказывали должное уваженіе и, по словамъ Плано Карпини, всегда давали первое мѣсто въ ряду другихъ. [1]) Съ народомъ русскимъ они также обходились сравнительно лучше, чѣмъ съ другими. Въ то время, когда имущество другихъ покоренныхъ Татарами народовъ дѣлалось полною собственностью ихъ, а самъ народъ или вступалъ въ ряды побѣдителей или дѣлался безправными рабами, отъ Русскихъ требовалась только извѣстная часть населенія и опредѣленное количество дани. Плано Карпини, разсказывая о своемъ пребываніи въ Россіи, между прочимъ передаетъ нѣсколько интересныхъ извѣстій о дани, собираемой Татарами съ Русскихъ. „Въ бытность нашу въ Россіи, говоритъ онъ, присланъ былъ сюда баскакъ, какой-то Сарацинъ, отъ хановъ Каюка и Батыя. Этотъ начальникъ у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного; также уводилъ съ собой всѣхъ неженатыхъ мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ законныхъ мужей; нищихъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе милостынею, также бралъ съ собою; остальныхъ же перечислилъ, по обычаю татарскому, и обложилъ данью: каждый человѣкъ, какого-бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ платить по кожѣ бѣлаго медвѣдя, чернаго бобра, соболя, по одной кожѣ черной лисицы и еще

[1]) Duci Jeroslao fere semper ab eis dabatur superior locus. Pl. Carp. l. c. 9. 36.

какого-то черного звѣрка, живущаго въ норахъ, но котораго я назвать не умѣю. Кто не былъ въ состояніи заплатить этой дани, тотъ дѣлался рабомъ и его уводили къ Татарамъ.“ [1]) Это былъ, по всему вѣроятію, первый сборъ дани, который, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, [2]) относится къ 1246 году, къ концу княженія Ярослава Всеволодовича. Какую дань получали Татары послѣ этого, трудно сказать; вѣроятно, они довольствовались княжескими дарами и неопредѣленнымъ количествомъ дани, собираемой съ народа.

Въ 1257 году, какъ мы замѣтили, ханъ Мангу, видя безпорядки и своеволіе своихъ подручниковъ въ покоренныхъ странахъ, началъ думать объ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своихъ огромныхъ владѣній. Первымъ слѣдствіемъ такой мысли было изданіе нѣсколькихъ постановленій относительно почты и налоговъ. [3]) Ханъ и его министры, хорошо знакомые съ администраціею, которую они позаимствовали у Китайцевъ, понимали, что при управленіи отдаленными странами необходимо имѣть сколько-нибудь правильное сообщеніе, вслѣдствіе чего и были изданы постановленія относительно почты. Что касается налоговъ, то еще въ первые годы царствованія Мангу, то есть послѣ 1248 г., начали появляться объ этомъ распоряженія.

Говоря о первомъ путешествіи Александра Невскаго въ Орду (1246—1250 г.), мы упоминали, что такое долгое пребываніе въ Ордѣ Новгородскаго князя обусловливалось отчасти его ходатайствомъ предъ великимъ ханомъ о Русскомъ народѣ и заботами объ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между побѣдителями и побѣжденными. Очевидно, что слава и мужество

---

[1]) Plano Carpini, III, c. 7. 184.

[2]) Новгор. III. 220.

[3]) Записки Іоакинѳа о Монголіи, III ч. 182.

Александра, извѣстныя и великому хану, были причиною того, что онъ уступилъ ходатайству князя и отложилъ на время свои распоряженія относительно Россіи, занявшись устройствомъ ближайшихъ владѣній. Прошло около 10 лѣтъ послѣ этого путешествія, слѣдовательно великій ханъ имѣлъ время устроить свои азіатскія владѣнія; теперь доходила очередь и до Россіи, которой на этотъ разъ не могъ уже помочь Александръ Невскій ни своимъ ходатайствомъ, ни богатыми дарами. Россія по повелѣнію великаго хана должна была войти въ составъ его огромнаго государства, должна была подчиниться извѣстнымъ постановленіямъ. Рядъ распоряженій хана послѣ 1253 года и затѣмъ весьма частыя поѣздки князя въ Орду, доказываютъ, что въ продолженіи этого времени шли самые дѣятельные переговоры объ устройствѣ Россіи и объ опредѣленіи ея отношеній къ побѣдителямъ Монголамъ. Передъ Финляндскимъ походомъ, какъ мы замѣтили, Александръ Ярославичъ послалъ Улавчію, довѣренному лицу хана Берке, богатые дары съ Борисомъ Ростовскимъ съ цѣлью упросить его хотя на короткое время отсрочить свои распоряженія. Ханъ уважилъ просьбу, но на самое короткое время. Лишь только возвратился изъ Орды Борисъ, Улавчій тотчасъ приступилъ къ выполненію приказаній хана. Александръ Ярославичъ видѣлъ невозможность обойти волю хана и безъ сопротивленія подчинился его требованію. Но здѣсь Невскому герою предстоялъ едва ли не самый трудный подвигъ всей его жизни, едва-ли не самое важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло. Здѣсь онъ долженъ былъ употребить всю силу своего генія, все вліяніе своего авторитета и славы для того, чтобы сколько нибудь отстоять права своей націи, не имѣвшей еще средствъ защищаться противъ разлагающаго вліянія побѣдителей варваровъ. Здѣсь Невскому герою предстояла тяжкая работа; онъ долженъ былъ позаботиться облегчить настоящее положеніе своихъ подда-

ныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ въ будущемъ возможность и средства для развитія своихъ силъ и своего ума, дать имъ возможность возстановить со временемъ свои утраченныя силы для возвращенія своей самостоятельности, для низверженія гибельнаго иноземнаго владычества, однимъ словомъ, дать средства къ жизни, независимости и развитію въ будущемъ Русскому народу. Невскій герой съ самаго начала своего княженія понялъ, кажется, хорошо, какъ нужно было дѣйствовать относительно варваровъ—побѣдителей и что можно было сдѣлать въ пользу своего народа. Можно смѣло сказать, что отъ его благоразумной дѣятельности, отъ его гибкаго, сообразительнаго ума и отъ его умѣнья вести дѣла съ Татарами зависѣла судьба будущей Россіи.... Александру Невскому Россія обязана тѣмъ, что не смотря на страшное разореніе, обратившее большую половину Россіи въ развалины и пустыню, не смотря на истребленіе множества поселеній и городовъ, она все-таки продолжала существовать и развиваться, народъ сохранялъ свою религію и родной языкъ, свои законы, обычаи и права; однимъ словомъ, все то, что даетъ жизнь и силу народу и государству. Невскій герой заслонилъ собою наше отечество отъ непосредственнаго Монгольскаго вліянія, заставилъ Татаръ держаться вдали отъ Россіи, предоставивъ имъ только неизбѣжную внѣшнюю власть надъ нею, но указавъ все-таки своимъ преемникамъ и потомству тотъ путь и тѣ спасительныя средства, которыми можно было избавиться и отъ этой внѣшней зависимости. Счастлива была Россія, что въ такую тяжкую годину имѣла такого умнаго и славнаго князя!....

Лѣтописи, какъ мы замѣтили, ничего не говорятъ о томъ, какія были первоначально распоряженія великаго хана Мангу относительно Россіи и какія онъ предъявилъ требованія. Онѣ передаютъ только одинъ фактъ; но, принимая во вниманіе продолжительность переговоровъ и частыя поѣздки нашихъ князей

въ Орду и въ Монголію къ великому хану и его министрамъ, можно съ увѣренностью сказать, что распоряженія Мангу были не въ пользу Россіи и притомъ были весьма тягостны. Великій ханъ въ виду своихъ собственныхъ интересовъ заботился о томъ, чтобы и Россія была поставлена въ такія-же условія относительно своихъ побѣдителей, какъ и другія страны, чтобы и она была въ полной зависимости отъ нихъ, а слѣдовательно, чтобы потеряла и тѣнь своей самостоятельности. Защитникамъ интересовъ Русскаго народа предстояло много хлопотъ, чтобы выговорить въ пользу своего отечества какую-либо уступку со стороны Татаръ и сдѣлать что-нибудь для его независимости отъ завоевателей. Александръ Невскій зналъ хорошо, что въ такихъ обстоятельствахъ много можетъ помочь его слава, пріобрѣтенная въ войнахъ съ западными врагами, а также и своевременное предложеніе подарковъ лицамъ, завѣдывавшимъ непосредственно дѣлами Россіи. Такими лицами были ханскіе чиновники, присланные въ Россію для перечисленія народа, затѣмъ намѣстникъ Кипчакскаго хана, Улавчій, и потомъ уже самъ ханъ Кипчакской орды. Верховный ханъ, конечно, не могъ самъ заняться этимъ дѣломъ, а поручилъ все своимъ сановникамъ, отъ которыхъ и зависѣло главнымъ образомъ опредѣленіе отношеній и опредѣленіе дани. Невскій понялъ, что съ ними можно какъ-нибудь сладить; и вотъ, по его распоряженію, русскіе князья съ богатыми дарами почти каждый годъ ѣздятъ въ Орду и задариваютъ этихъ лицъ. И на этотъ разъ Александръ Ярославичъ точно также поступилъ. Когда пріѣхалъ въ Орду въ 1257 году для окончательныхъ переговоровъ съ Улавчіемъ и другими ханскими чиновниками, то прежде всего позаботился о томъ, чтобы привлечь на свою сторону этихъ лицъ. Получивши отъ Александра Невскаго значительные подарки, чиновники великаго хана Мангу рѣшили порученное имъ дѣло въ интересахъ Россіи. Убѣжденные представленными

Невскимъ доводами о полной покорности Русскаго народа великому хану,—чиновники послѣдняго всѣ отношенія Русскихъ къ Монголамъ ограничили главнымъ образомъ только исчисленіемъ народа, раскладкою дани и исполненіемъ нѣкоторыхъ повинностей подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. [1])

Окончивъ переговоры съ чиновниками Мангу, Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ возвратился во Владиміръ, чтобы извѣстить Русскій народъ о результатѣ своего путешествія и приготовить его къ тяжкой необходимости перенести приказаніе хана, оскорбительное для народныхъ чувствъ. И въ этомъ случаѣ Александръ Ярославичъ поступилъ какъ человѣкъ благоразумный и дальновидный. Зная характеръ народа, онъ могъ предполагать противодѣйствіе его ханскому распоряженію и этимъ поступкомъ непокорныхъ, конечно, могъ вызвать хана на крутыя мѣры и навлечь на Россію новое несчастіе. Зимою того-же года, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, прибыли въ Россію *татарскіе численники* и немедленно принялись выполнять возложенную на нихъ обязанность—перечислить народъ. Лѣтописи говорятъ, что они изочли „всю землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и идоша въ Орду, толико не чтоша игуменовъ, черньцевъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на Святую Богородицу и на владыку.“ [2]) Вотъ то сухое лѣтописное извѣстіе, которое даетъ намъ понятіе объ опредѣленіи отношеній Татаръ къ Россіи, опредѣленій, выработанныхъ долгими трудами и громадными усиліями Невскаго. Но, не смотря на краткость и сухость этого извѣстія, изъ него можно сдѣлать необходимыя заключенія и вывести сущность относительно остальнаго. Прежде разсмотримъ самый фактъ.

---

[1]) См. Изслѣд. Бѣляева, 27—33 стр.

[2]) Лаврент. 203.

Перечисленіе Татарами Русскаго народа въ 1257 году простиралось только на области Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, то есть на области, находившіяся въ непосредственномъ и ближайшемъ вѣдѣніи великаго князя; остальныя части Русской земли не входили сюда и были, вѣроятно, въ другихъ отношеніяхъ къ завоевателямъ. Такъ, сѣверныя области, Новгородская и Псковская, были только до поры до времени освобождены отъ перечисленія и, какъ впослѣдствіи увидимъ, также должны были подчиниться общей необходимости; а южныя области по малочисленности своего населенія не представляли, вѣроятно, для Татаръ особеннаго интереса и считались въ числѣ земель вполнѣ покоренныхъ, лишенныхъ правъ самостоятельнаго существованія. Изъ лѣтописныхъ же показаній видно, что перечисленіе простиралось на всѣ классы общества, исключая духовныхъ, которые были освобождены отъ дани вслѣдствіе причинъ, высказанныхъ нами уже прежде. Вотъ самый фактъ. Теперь обратимъ вниманіе на его частности.

Трудно предположить, чтобы отношенія Русскаго народа къ Монголамъ ограничивались только перечисленіемъ его и взносомъ извѣстнаго количества дани; существовали, конечно, и другія обязанности по отношенію къ побѣдителямъ, но объ этихъ обязанностяхъ лѣтопись ничего не говоритъ. Въ чемъ, напримѣръ, состояла обязанность поставленныхъ Татарами чиновниковъ: десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и т. д.? Были ли это начальники военныхъ татарскихъ отрядовъ, разставленныхъ въ русскихъ городахъ для поддержанія ханской власти и для помощи сборщикамъ дани въ случаѣ сопротивленія народа, или чиновники эти были правителями народа? Какія повинности кромѣ дани обязанъ былъ выполнять Русскій народъ и отъ какихъ обязательствъ было освобождено духовенство? Въ какихъ отношеніяхъ къ Монголамъ и хану находились правители Русскаго народа и особенно великій князь? Вотъ во-

просы, которые должно разрѣшить при опредѣленіи отношеній Русскихъ къ Монголамъ, отношеній, окончательно формулированныхъ въ 1257 году. Къ несчастью, до насъ не дошли тѣ документы, на основаніи которыхъ можно было-бы съ полною увѣренностью и необходимой точностью отвѣтить на эти вопросы; мы не имѣемъ ярлыковъ хана, данныхъ Александру Невскому въ 1257 году или его ближайшимъ преемникамъ; не дошли до насъ также отъ этого времени и ярлыки, предоставлявшіе извѣстныя права духовенству; но, не смотря на это, мы все-таки имѣемъ хотя слабую возможность отвѣчать на предложенные вопросы, то есть выяснить выработанныя въ 1257 году отношенія между Русскими и Татарами. Разсмотримъ прежде по порядку каждый изъ этихъ вопросовъ.

Опредѣляя взаимныя отношенія князей и разсматривая права ихъ на занятіе великокняжескаго стола, мы отчасти уже разсмотрѣли и опредѣлили отношенія князя къ ордынскимъ царямъ; теперь же намъ остается только опредѣлить степень зависимости князя отъ великаго хана и рѣшить вопросъ о томъ, какія средства имѣлъ ханъ для того, чтобы наблюдать за народомъ и дѣятельностью князя; другими словами, какое назначеніе имѣли исчисленные лѣтописью ханскіе чиновники, находившіеся въ Россіи, особенно баскаки, и были ли они намѣстниками великаго хана при особѣ князя? Что перваго рода чиновники, то есть десятники, сотники и т. д., были только начальниками небольшихъ военныхъ отрядовъ, а не имѣли никакого отношенія ни къ князю, ни къ народу, не вмѣшивались во внутреннее управленіе страны, это доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ послѣдующихъ ханскихъ ярлыкахъ [1]) нигдѣ о нихъ не упоминается, какъ о правителяхъ, нигдѣ они не называются ни воеводами, ни судьями, а если

[1]) Собр. гос. гр. и дог. т. II. См. ханскіе ярлыки.

они не имѣли подобныхъ названій, то, слѣдовательно, имъ не были присвоены и права, соединенныя съ этимъ именемъ. Кромѣ этихъ чиновниковъ въ ярлыкахъ постоянно упоминаются и другіе, названіе которыхъ ясно характеризуетъ ихъ занятія: таможники, поборщики, писцы, сокольники, гонцы, послы, ловцы, побережники, заставщики и др. Очевидно, что и эти чиновники не имѣли никакихъ отношеній ни къ князю, ни къ внутреннему управленію народа; они смотрѣли только главнымъ образомъ за правильнымъ сборомъ податей, собирали таможенныя пошлины, находились при заставахъ, а также исполняли обязанности пословъ, гонцовъ и т. д. Былъ еще одинъ родъ чиновниковъ, власть и значеніе которыхъ довольно трудно опредѣлить, это именно баскаки. Плано Карпини говоритъ, что имъ предоставлена была громадная власть, имъ обязаны были повиноваться какъ князья, такъ вообще и все населеніе. [1]) Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ прямаго указанія на неограниченную власть баскаковъ; впрочемъ, есть намеки, по которымъ можно догадаться, что баскаки были именно намѣстниками хана, „властелями.“ Такъ, напримѣръ, въ повѣсти о мученіи св. князя Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ *намѣстниковъ* и *властелей* своихъ *по всѣмъ градомъ русскимъ.* [2]) Другое лѣтописное извѣстіе отчасти поясняетъ, что это были за намѣстники и властели. Въ разсказѣ объ Ахматѣ говорится, что онъ держалъ баскачество Курскаго княженія, „иные же Татарове *баскачество держаша по инымъ градомъ во всей Русской* землѣ, и сіи велицы бяху. [3]) Изъ этихъ извѣстій видно, что баскаки были тѣ-же намѣстники и властели, но имѣли-ли они вліяніе на внутреннее упра-

---

1) Pl. Carp. I. II. 186.

2) Никонов. III. 20.

3) Ник. III. 78; Лавр. 207.

вленіе народа, объ этомъ нигдѣ не говорится. Рядъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ даетъ намъ право думать, что и баскаки, какъ сотники и тысячники, были также начальниками военныхъ отрядовъ, но въ распоряженіи ихъ находились большія татарскія силы и имъ обязаны были повиноваться всѣ ханскіе чиновники низшаго ранга; однимъ словомъ, это были темники, которые при случаѣ могли вооруженною силою приводить въ исполненіе ханское приказаніе, помогали и защищали сборщиковъ дани, а по просьбѣ мѣстныхъ князей давали и имъ помощь на врага. Такъ, въ 1269 году великій князь Ярославъ Ярославичъ, собираясь идти на Нѣмцевъ, „посла на низовскую землю Святослава полковъ копить и совкупи всѣхъ князей и полку безъ числа и пріиде въ Новгородъ и бяше ту баскакъ великъ Володимерскій, именемъ Армаганъ“ и т. д. [1]) Спустя 4 года послѣ этого, великій князь Василій Ярославичъ также при помощи Владимірскаго баскака и „многихъ царевыхъ Татаръ“ отправляется воевать „Новгородскія власти.“ [2]) Эти извѣстія вполнѣ подтверждаютъ то мнѣніе, что баскаки были намѣстники хана въ военномъ смыслѣ. Есть еще прямое лѣтописное указаніе на то, что баскаки были иногда и откупщиками дани. Подъ 1284 год. говорится: „Се же *баскакъ Ахматъ откупаше у Татаръ дани всякія въ Курскомъ княженіи* и тѣми даньми многу тягость творяше княземъ и чернымъ людемъ.“ [3]) Но что они не всегда были откупщиками или главными сборщиками податей, на это также мы имѣемъ свидѣтельство: Андрей, князь Городецкій, желая добыть великокняжескій столъ подъ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ Переяславскимъ, взводитъ на послѣдняго въ Ордѣ обвиненіе, будто онъ не хочетъ платить дани хану. [4]) Очевидно, что службы на баскакахъ

[1]) Новгород. I. 61; Никонов. III. 49; Воскр. 169.
[2]) Никон. III. 56.
[3]) Ibid. 78.
[4]) Соф. I. 200; Воскр. 175.

лежала обязанность завѣдывать сборомъ дани, то, по справедливому замѣчанію Соловьева, не родному брату пришлось бы доносить на Димитрія. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что баскаки не имѣли участія во внутреннемъ управленіи, а завѣдуя татарскими отрядами, они только иногда, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, дѣлались откупщиками.

Такимъ образомъ, благодаря Александру Невскому, умѣвшему такъ благоразумно отстоять неприкосновенность внутренней жизни народа, *всѣмъ управленіемъ въ Русской землѣ завѣдывали русскіе князья, съ правомъ вести войну и заключать миръ съ кѣмъ угодно и на какихъ угодно условіяхъ безъ всякаго отношенія къ ордынскимъ царямъ и ихъ намѣстникамъ баскакамъ,* которые, какъ мы видѣли, во время войны князей являлись только какъ ихъ помощники, а не какъ самостоятельные начальники союзнаго войска Русскихъ и Татаръ. Въ числѣ чиновниковъ, назначенныхъ великимъ ханомъ въ Россіи, мы не видимъ также и судей, слѣдовательно, *ханъ, оставивъ неприкосновенными русскіе законы, вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ Россіи и собственный судъ во всѣмъ дѣлахъ.*

Кромѣ взноса извѣстнаго количества дани на Русскомъ народѣ, какъ мы уже замѣтили, лежали и другія обязанности, но о нихъ ничего не говорятъ лѣтописи. Извѣстно, что духовенство было освобождено Татарами какъ отъ дани, такъ вообще и отъ всѣхъ повинностей, которыя обязанъ былъ нести Русскій народъ. Если мы рѣшимъ вопросъ: отъ какихъ именно повинностей освобождалось духовенство, то вмѣстѣ съ тѣмъ намъ будетъ ясно, какія обязательства лежали на остальныхъ классахъ общества. Не имѣя ярлыковъ, данныхъ русскому духовенству въ 1257 году, мы должны обратиться къ болѣе позднимъ, но тѣмъ не менѣе указывающимъ на права, предоставленныя духовенству. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что отношенія Татаръ къ Русскому народу, устано-

вившіяся при Александрѣ Невскомъ, въ продолженіи слѣдующаго времени почти не измѣнялись, и въ ярлыкахъ, выдаваемыхъ ханами уже въ позднѣйшія времена, почти постоянно повторяется слѣдующее выраженіе: „не изъиначиваемъ первыхъ ярлыковъ, по первымъ грамотамъ нашимъ.“ [1]) Древнѣйшій изъ ярлыковъ Менгу-Темировъ (1267), въ немъ такъ сказано: „какъ первые цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не изъиначивая, по томужъ жалуемъ... а попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ.“ [2]) Очевидно, что эти ярлыки писались на основаніи первыхъ, и такимъ образомъ мы имѣемъ нѣкоторую возможность возстановить содержаніе первыхъ ярлыковъ. Особенно важенъ для насъ въ этомъ отношеніи ярлыкъ Узбека, выданный митрополиту Петру, а въ лицѣ его и всему духовенству, въ 1313 году. Ярлыкъ этотъ мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ. Ханъ пишетъ такъ: „Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостью Его многою. Азбяково слово, всѣмъ нашимъ княземъ великимъ, и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и полчнымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и збирателемъ, и Баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцомъ, и даньщикомъ, и писцомъ нашимъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ и малымъ, и великимъ нашего царства по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ: да никто-же обидитъ соборную церковь Петра Митрополита и его людей и церков-

---

1) См. С. Г. Г. и Д. т. II.

2) Изв. 2. отд. Им. Ак. Н. т. X. 203.

ныхъ его: да никто же възимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ митрополитъ Петръ въ правду и право судитъ и управляетъ люди своя; и въ чемъ ни буди—въ разбои, и въ поличномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ—вѣдаетъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ: да вся покорятся и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, *и по первымъ грамотамъ нашимъ*, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ; да и не вступаются въ церковное митрополичіе никтоже, занеже то Божіе есть все, а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А митрополитъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ и правою мыслію своя вся церковная устрояетъ, и судитъ и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что же, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостные мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому да прикажетъ; да не будетъ ничтоже перечинено или порушено или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. *Мы бо такожде управляемъ*

и жалуемъ, якоже прежніе Цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ, а мы по тому же пути и тьми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божіе, и тотъ будетъ повиненъ, и гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши баскаки, таможники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ Соборные церкви цѣлы митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ; и архимандриты, и игумены, и попы, и вся его причты церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань-ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: *тамга ли, поплужное ли, ямъ-ли, мызъ-ли, мостовщина-ли, ловитва-ли какая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать збирати, гдѣ восхотимъ воевати:* а отъ Соборныя церкви Петра митрополита никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и преже насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы Богу моляся, *по первыхъ Царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованые, а не изынačиваемъ ни въ чемъ:* какъ то было преже насъ, тако молвя, и наше слово уставило по первому пути, которая дань по первому пути наша, будетъ, *или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царицъ и кто ни есть,* и кто ни буди, и да не возмлютъ, и да не просятъ ничто же; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею, и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не

смотритъ. А что будутъ церковные люди, *ремесленницы кои, или писцы, или каменныя здатели, или древодѣльные, или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы, какови лова ни буди, или сокольницы*, а въ то пашп, да не вступаются никто, и на паше дѣло не емлютъ ихъ; и пардусники наши и ловцы наши, и сокольницы наши и побережницы наши да не вступаются въ нихъ и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣлныхъ ихъ орудій. *А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ, и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъ-же, и умретъ злою смертію.* А что попы и дьяконы, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе.... Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру Митрополиту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и вси церкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ.... Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго ветха на поляхъ писана и дана." [1])

Основываясь на указаніяхъ этого ярлыка, мы съ полною вѣроятностью можемъ заключить, что Монголы обязывали Русскій народъ именно тѣмъ, отъ чего было освобождено духовенство. Въ числѣ главныхъ обязательствъ мы встрѣчаемъ: 1) *дань, тамгу, поплужное, ямъ, мытъ, мостовщина, обязанность содержать пословъ, кормить ихъ и ихъ лошадей, а также давать подводы въ случаѣ перѣзда пословъ, царицы, царскихъ дѣтей и т. д.* 2) *Русскій народъ обязывался снабжать Татаръ разнаго рода мастерами, какъ-то: каменьщиками,*

---

[1]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т. IV., примѣч. 245.

плотниками и т. д., и кромѣ того, 3) на случай войны Татаръ съ какимъ-либо народомъ Русскіе должны были выставлять войско.—Изъ этого ярлыка мы видимъ также, что *религіозныя вѣрованія народа и все церковное устройство Россіи оставалось неприкосновеннымъ.* Ярлыкъ предоставляетъ громадныя права митрополиту и всему духовенству. Весьма естественно, что подобнаго рода привиллегія не могла остаться безъ вліянія на народъ и на состояніе всего государства. Владѣя огромными имѣніями, наши древніе монастыри мало-помалу скопляли богатства внутри страны, и богатства эти были завѣтными даже для жадныхъ и корыстолюбивыхъ Татаръ; набожные князья и народъ также сносили и свои сокровища подъ защиту духовной власти, и неудивительно поэтому, что въ продолженіи вѣковъ богатства нашихъ монастырей увеличились до такихъ размѣровъ, что на нихъ они въ состояніи были выручать наше отечество въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Таковъ былъ результатъ переговоровъ Александра Невскаго съ Татарами объ отношеніяхъ ихъ къ Русскому народу и государству. Благодаря свѣтлому уму и неутомимымъ трудамъ Александра Ярославича, Россія, разгромленная и совершенно покоренная Татарами, не имѣвшая ни силъ, ни средствъ защищать и отстаивать свои интересы и свою независимость, страна, которой предстояло испытать участь богатой когда-то Камской Болгаріи и земли Половецкой, снова ожила, снова получила возможность развиваться и развивать свои богатыя силы для того, чтобы въ будущемъ господствовать надъ тѣми же самыми варварами, которые въ XIII столѣтіи грозили ей почти совершеннымъ уничтоженіемъ.

Къ концу 1257 года татарскіе чиновники окончили перечисленіе народа и распредѣленіе дани. Назначивъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за

выполненіемъ повинностей Русскимъ народомъ, они возвратились въ Орду съ донесеніемъ объ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на нихъ порученія. Въ началѣ же слѣдующаго 1258 года великій князь Александръ Ярославичъ, сопровождаемый братьями Андреемъ, Борисомъ и Ярославомъ, поѣхалъ опять къ хану въ Орду, чтобы, съ одной стороны,—принести ему увѣреніе въ исправномъ взносѣ назначенной дани, а также и выразить хану свою благодарность за оказанныя милости; съ другой стороны, чтобы богатыми дарами отблагодарить Улавчія и чиновниковъ Мангу за всѣ тѣ уступки, которыя они сдѣлали въ пользу Русскаго народа, занимаясь опредѣленіемъ отношеній его къ Монголамъ. [1]) Весьма естественно, что дары произвели благопріятное дѣйствіе какъ на самого хана, такъ и на его сановниковъ. Принятые благосклонно въ Ордѣ, русскіе князья собирались возвратиться въ свои отчины, но, не смотря на благосклонность хана, передъ выѣздомъ они должны были дать согласіе на выполненіе еще одного условія—привести въ покорность хану Новгородъ и заставить его также платить дань.

Извѣстно, что Новгородъ не былъ завоеванъ Татарами къ 1240 году, то есть къ тому времени, когда почти вся остальная Русь съ одного конца въ другой представляла однѣ развалины съ истребленными или бѣжавшими неизвѣстно куда жителями. Область великаго Новгорода также мало подверглась той участи, которую испытали другія русскія земли. Только самый югъ Новгородской территоріи былъ затронутъ Батыевымъ полчищемъ, только одинъ городъ Торжокъ былъ разрушенъ, сожженъ, а жители его истреблены; уничтоженіе одного городка не могло, конечно, имѣть серьезнаго вліянія на всю

[1]) Лаврент. 203.

Новгородскую землю, какъ не могло служить признакомъ совершеннаго покоренія той области, часть которой занималъ Торжокъ. Новгородцы съ гордостью называли себя вольными, свободными людьми, не признававшими надъ собою владычества отдаленныхъ, невѣдомыхъ варваровъ. Счастливыя обстоятельства сороковыхъ годовъ XIII столѣтія еще болѣе придали имъ значенія какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всей Русской земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея побѣдителей. Мы видѣли, что еще въ 1246 году, когда слава о подвигахъ Александра Ярославича разнеслась по всему свѣту и достигла береговъ Волги, тогдашній владыка Россіи, Батый, прислалъ Александру приказаніе явиться для выраженія покорности, если онъ хочетъ „соблюсти землю свою невредиму.“ Александръ исполнилъ приказаніе хана, отправился въ Орду и изъявилъ свою покорность. Понятно, что если представитель Новгородской земли, ея законный князь, призналъ себя подданнымъ Татаръ, то это обязательство ложилось и на весь народъ. Но на дѣлѣ было не такъ. Новгородцы по прежнему продолжали считать себя свободными, независимыми ни отъ кого гражданами и даже не вполнѣ признавали надъ собою власть своего стараго князя, героя ихъ счастливыхъ походовъ. Событія 1255 года совершенно выяснили настроеніе умовъ жителей Новгорода. Усмиренные Александромъ, Новгородцы отчасти поняли, что ихъ судьба и интересы связаны съ судьбой остальной Руси; но они никакъ не предполагали, что 1257 годъ принесетъ имъ вѣсть, которая, оскорбивъ ихъ народное чувство, покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость отвѣдать немного того горькаго питья, полную чашу котораго судьба поднесла Русскому народу. Сдѣлавшись съ начала XIII вѣка членомъ сѣверной федераціи, войдя въ систему тѣхъ русскихъ странъ, которыя признавали уже надъ собою владычество Монголовъ, могъ-ли великій Новгородъ остаться чуждымъ и тѣхъ отношеній, ко-

торыя вполнѣ опредѣлились въ 1257 году между Русскими
Татарами? Конечно, нѣтъ! Но не всѣ Новгородцы понимал
это; только ихъ старый князь предвидѣлъ, что рано или поздн
а вольнымъ людямъ прійдется разочароваться въ гордыхъ ме
тахъ о своей независимости и прійдется также выполнить т
условія, которыя будутъ предложены Татарами, если Новг
родцы не вздумаютъ устранять предложенное вооруженно
силою. Но былъ ли Новгородъ настолько силенъ, чтобы отва
житься отстаивать свои права противъ могущественныхъ за
воевателей? Многіе изъ вольныхъ мужей безразсудно въ са
мообольщеніи думали дѣйствительно, что ихъ народныя сил
настолько велики, что ничего не будетъ стоить отразить пр
тязанія Татаръ, которые, довольствуясь остальной Русью, оста
вятъ Новгородъ въ покоѣ. Но иначе смотрѣлъ на это дѣл
великій князь. Зная силы Новгорода, онъ былъ убѣжденъ, ч
онѣ еще слишкомъ ничтожны и что даже при самыхъ напр
женныхъ усиліяхъ со стороны народа, результатъ будетъ с
мый неутѣшительный и повлечетъ за собою новыя несчастія д
остальной Руси. Александръ Ярославичъ предвидѣлъ, что х
тя монгольскіе полки еще никогда не были въ Новгородѣ,
тѣмъ не менѣе татарскіе ханы считали его въ числѣ покоре
ныхъ городовъ, не отдѣляли его владѣній отъ остальной Ру
ской земли, а слѣдовательно, налагали на него и тѣ обяза
ности, которыя въ лицѣ Александра Невскаго были приня
всѣмъ Русскимъ народомъ въ 1257 году. Дальновидный кня
говоримъ мы, предвидѣлъ все это, и вотъ почему, уѣзжая и
Новгорода послѣ Финляндскаго похода во Владиміръ для око
чанія переговоровъ съ Татарами, взялъ съ собою для этой
цѣли и двухъ новгородскихъ пословъ, Елевферія и Михаи
Пинещинича. [1]) Предположеніе его, какъ мы видѣли, сбылос

---

[1]) Новгор. I. 56.

Еще Александръ Ярославичъ не возвращался изъ Орды, какъ уже по всей Новгородской области и въ самомъ Новгородѣ разнеслась молва, что Татары хотятъ требовать тамги [1]) и десятины и отъ вольныхъ мужей. Достаточно было одной молвы, чтобы склонные къ независимости и свободѣ Новгородцы подняли волненіе, продолжавшееся до самаго пріѣзда Александра Ярославича.

Старый посадникъ Новгородцевъ, Ананій, низверженный Александромъ, но пользовавшійся все-таки громадною популярностью въ народѣ и умѣвшій сдерживать его необузданные порывы и пылкія страсти, какъ разъ въ это время умеръ. Михалко-же, достигшій посадничества вслѣдствіе происковъ и какъ креатура великаго князя, не имѣлъ никакого вліянія на народъ и держался единственно властью Александра Ярославича, который теперь, по мнѣнію народа, сдѣлался его недоброжелателемъ, потому что велъ къ нему татарскихъ численниковъ. Волненія продолжались все лѣто. Посадникъ Михалко, какъ видно, дѣйствовалъ согласно приказанію Александра Ярославича, старался успокоить народъ и выяснить ему необходимость исполнить требованіе Татаръ, но всѣ эти хлопоты повели только къ тому, что народъ, ненавидѣвшій и безъ того своего посадника, теперь понялъ, что онъ за одно съ княземъ и Татарами, выместилъ всю свою горечь на немъ: вскорѣ послѣ смерти Ананія Михалко былъ убитъ. „Аще бо кто добро другу чинилъ, то добро-бы было, а копая подъ другимъ яму самъ ся въ ню ввалить," [2]) замѣчаетъ притомъ правоучительно лѣтописецъ. Сынъ Александра Ярославича, Василій, оставленный въ Новгородѣ, какъ видно, былъ недоволенъ поступкомъ

---

[1]) *Тамга* на Монгольскомъ языкѣ значитъ собственно печать, которая прикладывалась къ различнаго рода грамотамъ. Здѣсь, очевидно, нужно разумѣть грамоту, опредѣлявшую отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителю. См. Григор. 132.

[2]) Новгор. I. 56.

отца, а потому и примкнулъ къ сторонѣ возмутителей; но лишь только узналъ, что Александръ Ярославичъ приближается къ Новгороду, онъ оставилъ своихъ приверженцевъ и бѣжалъ въ Псковъ. Всѣмъ Новгородомъ заправлялъ теперь какой-т Александръ съ своею дружиною. Понятно, что власть и идеи проводимыя имъ въ обществѣ, онъ поддерживалъ силою. Между тѣмъ Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ татарскими численниками, вскорѣ послѣ бѣгства своего непокорнаго сына, прибылъ въ Новгородъ съ объявленіемъ грозной воли великаг хана. Татары же, прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ, тотчасъ начали требовать дани, десятины и тамги. Непривычные къ подобнаг рода требованіямъ, Новгородцы отказали посламъ тѣмъ болѣе что послѣдніе не имѣли возможности подкрѣпить своихъ требованій сильными мѣрами. Великій князь и Татары видѣли что на этотъ разъ нужно было отказаться отъ выполнені ханскаго порученія; Новгородцы же, не сдѣлавъ никакого вреда посламъ, вручили имъ дары къ царю и отпустили съ миромъ и честью. [1])

Но этимъ, конечно, дѣло кончиться не могло. Татарскі численники возвращались въ Орду затѣмъ, чтобы, объявив обо всемъ хану, просить у него помощи и съ нею идти громить Новгородскую область. Александръ Ярославичъ видѣл что наказаніе непокорныхъ въ данномъ случаѣ неизбѣжно, поэтому старался устроить дѣло такъ, чтобы избѣжать необходимости приводить въ исполненіе приказъ хана и свои распоряженія вооруженною рукою. Лишь только уѣхали ханск послы, онъ тотчасъ приступилъ къ усмиренію народа и къ наказанію его руководителей. Сына своего, осмѣлившагося пртиводѣйствовать благоразумнымъ распоряженіямъ отца и великаго князя, лишивъ княжеской власти, приказалъ выгнать и

[1]) Новгор. I. 56.

Пскова и заставилъ его отправиться въ Низовую землю, гдѣ онъ не могъ быть вреденъ, потому что находился среди населенія преданнаго великому князю и безпрекословно исполнявшаго его распоряженія. Главу новгородскихъ возмутителей, Александра, и его приверженцевъ, наставлявшихъ на зло пылкаго, но неопытнаго князя Василія, приказалъ судить по городскимъ законамъ и наказать ихъ по заслугамъ. [1]) Александръ Ярославичъ распоряжался въ Новгородѣ точно въ своей отчинѣ, но иначе и быть не могло. Человѣкъ съ сильнымъ и энергическимъ характеромъ, онъ понималъ, что только сильными и крутыми мѣрами можно заставить вольныхъ мужей поступать согласно своимъ приказаніямъ, а слѣдовательно, и въ интересахъ всей Русской земли. Новгородцы же не могли противиться ему; они, съ одной стороны, сознавали всю важность оказанныхъ Александромъ услугъ въ борьбѣ съ западными врагами и питали къ нему за это глубокое уваженіе, а съ другой стороны, они боялись его, потому что въ его распоряженіи были сильные полки Русскихъ и Татаръ, которые онъ могъ употребить въ дѣло при случаѣ. Тѣмъ болѣе нужно было дѣйствовать строго, что въ Новгородѣ и послѣ наказанія главнаго виновника возстанія мятежъ не прекращался. Видно, что осталось еще много горячихъ головъ, хорошо не понимавшихъ дѣла и старавшихся возбудить народъ къ мятежу.

Зима этого же года прошла въ волненіяхъ, жертвою которыхъ сдѣлался какой-то Миша, быть можетъ, тотъ самый, который такъ славно бился со Шведами на берегахъ Невы и который, вѣроятно, послѣ смерти Михалка былъ избранъ въ посадники [2]) или же былъ тысяцкимъ. Убійствомъ Миши закончились волненія и были избраны новые начальники народа.

[1]) Новг. I. 56; Степ. кн. 171.

[2]) Татищевъ прямо говоритъ, что это былъ посадникъ. Тат IV 29.

Замѣчательно притомъ, что въ Новгородѣ не нашли человѣка, достойнаго занять должность посадника, а пригласили изъ Ладоги Михаила Федоровича, человѣка, какъ видно, опытнаго въ дѣлѣ управленія и способнаго примирить враждующія партіи; тысяцкимъ избрали какого-то Жироху или Жидяту Доможирова. [1])

Устроивши дѣла въ Новгородѣ, Александръ Ярославичъ возвратился во Владиміръ, а на Новгородскую область между тѣмъ напали враги: то были Литовцы. Тѣснимые Татарами съ юга и Нѣмцами съ запада, они бросились на сѣверо-востокъ и напали на Смоленскую область. Смоленскъ не могъ дать отпора врагамъ, и небольшой городокъ Войщина былъ взятъ Литовцами. Ободренные этимъ успѣхомъ, Литовцы пошли далѣе и явились у Торжка. Жители этого города вздумали было своими наличными силами отбиться отъ врага, но ихъ предпріятіе окончилось полнымъ неуспѣхомъ. Литовцы разбили ихъ совершенно и часть даже взяли въ плѣнъ, а самому городу нанесли много вреда, послѣ чего и удалились.

Татары между тѣмъ продолжали завоеваніе Литовской земли, и, занятые этимъ дѣломъ, не могли обратить серьезнаго вниманія на сѣверъ, гдѣ находился городъ, недавно отказавшій посламъ ихъ въ требованіи дани. Новгородцы радовались, что выпроводили отъ себя такъ счастливо первыхъ ханскихъ пословъ, и думали, что со стороны Татаръ уже не будетъ болѣе покушеній на ихъ права. Насколько они ошиблись, это показалъ слѣдующій 1259 годъ. Окончивъ счастливо войну съ Литовцами, Татарскіе отряды дѣлались свободными и могли теперь чрезвычайно удобно и скоро исполнить приказаніе хана—наказать непокорный городъ.

[1]) Новгор. I, 56; Никонов. III. 39,

Хотя лѣтописи и не говорятъ, но изъ обстоятельствъ видно, что въ 1259 году отъ хана снова явились послы къ Александру съ предложеніемъ привести Новгородъ въ покорность и заставить его признать законными тѣ обязанности относительно Татаръ, которыя были приняты всѣмъ Русскимъ народомъ. Александръ Ярославичъ на этотъ разъ взялъ на себя обязанность исполнить это трудное дѣло и притомъ такъ, чтобы не раздражить Монголовъ и не принести уже слишкомъ большаго вреда интересамъ своихъ старыхъ ратныхъ товарищей. Прежде чѣмъ самому отправиться въ Новгородъ, онъ послалъ туда Михаила Пинещинича, который за два года передъ этимъ былъ взятъ изъ Новгорода посломъ и которому были хорошо извѣстны отношенія Русскихъ къ Монголамъ. Михаилъ Пинещиничъ долженъ былъ выяснить Новгородцамъ необходимость принять *число* и заплатить дань, а въ случаѣ сопротивленія великій князь поручилъ ему сказать Новгородцамъ: „аще не имется по число, то уже полки на Низовской земли.“ [1]) Пинещиничъ, явившись въ Новгородъ, собралъ вѣче и передалъ ему волю князя. Вѣсть о близости войска, готоваго по приказанію князя двинуться къ стѣнамъ славнаго города, какъ громомъ поразила вольныхъ мужей. Они сообразили, что если это дѣйствительно правда, то сопротивленіе въ такомъ случаѣ совершенно безполезно и поведетъ только къ разоренію страны. Волей-неволей они должны были подчиниться тяжелой необходимости. Убитые горемъ, они молча разошлись съ вѣча, передавъ черезъ Михаила Пинещинича согласіе на выполненіе воли князя. Вмѣстѣ съ Михаиломъ Пинещиничемъ Новгородцы отправили также своихъ пословъ въ Орду къ хану съ богатыми дарами: „біюще челомъ да отдастъ имъ гнѣвъ свой и да исчислитъ землю ихъ якоже хощетъ.“ [2])

---

[1]) Новгор. I. 56.

[2]) Татищ. IV, 30.

Александръ Ярославичъ былъ радъ, что дѣло устраивается мирнымъ образомъ, и, вслѣдъ за донесеніемъ Михаила Пинещинича, отправился въ Новгородъ, взявъ съ собою и ханскихъ пословъ—Беркая и Касачика. Зимою 1259 года явились въ Новгородѣ „окаянные Татары, сыроядцы,“ [1]) вмѣстѣ съ своими женами и многочисленною свитою, сопровождавшею ихъ. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы народъ опять поднялся. Такъ и случилось. Татарскіе послы, какъ видно, не предполагали, что имѣютъ дѣло съ народомъ, который подъ ничтожнымъ поводомъ выгонитъ ихъ изъ своего города, а то, пожалуй, и заставитъ поплатиться жизнью. Лишь только татарскіе послы явились въ Новгородъ, какъ тотчасъ разослали своихъ чиновниковъ по Новгородскимъ волостямъ за сборомъ дани. Чиновники дѣйствовали несправедливо и „по волости много зла учиниша.“ Вѣсть объ этомъ какъ буря пронеслась по Новгороду. Народъ поднялся и грозилъ смертью всѣмъ Татарамъ. Ханскіе послы, устрашенные волненіемъ народа и боясь за свою жизнь, обратились къ Александру Невскому съ просьбою, чтобы онъ далъ имъ охранную стражу: „дай намъ сторожу ать не избьютъ насъ,“ [2]) говорили они. Опасаясь серьезныхъ послѣдствій, если послы въ самомъ дѣлѣ будутъ убиты, великій князь приказалъ посадничьему сыну собрать всѣхъ боярскихъ дѣтей и по ночамъ держать караулъ около посольскаго дома. Начавшійся было вначалѣ прибытія ханскихъ чиновниковъ сборъ дани долженъ былъ прекратиться за безпорядками. Татары ожидали пока все успокоится, но видно поняли, что ожиданіямъ ихъ и конца не будетъ, и вотъ они, обратясь къ народу, говорятъ: „дайте намъ число, или бѣжимъ проче.“ Для окончательнаго рѣшенія этого предложенія нужно было едино-

---

[1]) Новг. I. 56.

[2]) Новгор. I. 57.

душіе, а въ Новгородѣ-то его и не было: какъ всегда, такъ и теперь, опять обнаружилась сословная вражда. Вящшіе люди держали сторону князя и Татаръ. Увѣренные въ томъ, что татарская дань сравнительно ничтожна съ ихъ средствами, они готовы были покориться ханской власти и вступить въ тѣ-же самыя отношенія къ Монголамъ, въ какихъ находился остальной Русскій народъ. Побудительной причиной этого согласія служилъ еще страхъ, а многими руководили личныя выгоды. Не такъ думала чернь. Татары собирали дань не пропорціонально средствамъ, а по числу душъ каждаго семейства. Очевидно, что подобный сборъ дани былъ въ такой же мѣрѣ невыгоденъ для простаго, бѣднаго народа, насколько былъ выгоденъ для богатыхъ людей. Народъ это хорошо понималъ, и вотъ почему *не хотѣлъ дати числа.* Онъ былъ не прочь дать дань, но дань сообразно съ своими средствами. Чернь такимъ образомъ противилась переписи. „Умремъ честно за святую Софью и за домы ангельскыя,“ говорилъ простой народъ, собравшись на вѣче. Несогласные между собою, Новгородцы раздѣлились на вѣчѣ и съ криками: „кто добръ человѣкъ, тотъ по святой Софьѣ и по правой вѣрѣ!“ разошлись. Бояре рѣшили не сопротивляться, зная, что Новгороду не сладить съ Татарами, тѣмъ болѣе, что и русскія силы поднимутся на него по приказанію хана. Не желая довести себя до разоренія, вящшіе люди начали упрашивать простой народъ согласиться на перепись, но чернь отвѣчала на это предложеніе угрозами смерти. Ханскіе послы, видя, что жизни ихъ грозитъ серьезная опасность, хотѣли было бѣжать, но бояре упросили ихъ остаться, обѣщая съ своей стороны полнѣйшее содѣйствіе. Послѣ совѣщанія вящшіе люди рѣшили напасть на чернь и силою заставить ее согласиться на перепись; но видно, что и между боярами произошелъ раздоръ, и не всѣ были согласны проливать кровь своихъ сограждань. Недовольные отдѣлились, примкну-

ли къ народной массѣ и рѣшили положить головы свои у святой Софіи. Такъ окончился первый день возстанія. [1]) Почти всѣ Новгородцы, исключая весьма немногихъ наиболѣе благоразумныхъ и преданныхъ князю, рѣшили сопротивляться и отстаивать свои права и свободу.

Въ то время, когда происходили эти безпорядки въ городѣ, Александръ Ярославичъ съ ханскими послами находился въ Городищѣ. Онъ, зная хорошо характеръ народа, выжидалъ пока успокоятся страсти народа, пока благоразуміе возьметъ верхъ надъ временнымъ порывомъ. Онъ, какъ мы видѣли, послѣ своего пріѣзда въ Новгородъ, ни разу не являлся на вѣче, не пытался уговаривать народъ, предоставивъ все времени и зрѣлому обсужденію. Видя, что трудно остановить безразсудство народа, онъ рѣшилъ, наконецъ, принять серьезныя мѣры противъ непокорныхъ. Утромъ слѣдующаго дня Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ ханскими послами выѣхалъ изъ Городища, оставивъ Новгородъ съ его буйными и своевольными гражданами. Зная насколько гибельны и опасны вторженія Монголовъ въ страны, не признававшія ихъ владычества, Александръ Ярославичъ рѣшилъ лучше русскими силами заставить смириться Новгородцевъ, нежели подвергать ихъ ханскому гнѣву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и татарскому нашествію. Александръ Невскій выѣхалъ изъ Новгорода съ тѣмъ, чтобы отправиться за низовыми полками, но вскорѣ оказалось, что эта слишкомъ крутая мѣра была лишнею. Первымъ признакомъ вражды Новгородцевъ съ княземъ былъ отъѣздъ послѣдняго, и вотъ, лишь только вольные мужи узнали, что Александръ Ярославичъ выѣхалъ изъ Городища, тотчасъ поняли свое безвыходное положеніе и рѣшили поспѣшить исполнить волю князя и хана. Совѣты и уступки про-

---

[1]) Новгор. I. 57.

этому народу [1]) благоразумныхъ богатыхъ гражданъ также не мало способствовали этому рѣшенію. Поразмысливъ хорошенько, что сопротивленіе волѣ сильнаго доведетъ ихъ до бѣды, Новгородцы согласились на перепись, хотя, впрочемъ, и не безъ ропота: „все это надѣлали бояре,“ говоритъ лѣтописецъ отъ лица простаго народа, „творяху бо себѣ легко, а меньшимъ зло.“ Великій князь, извѣщенный о такомъ рѣшеніи народа, поспѣшилъ возвратиться въ Новгородъ съ ханскими послами, которые тотчасъ же и начали переписывать народъ. Съ горестью смотрѣли вольные люди, какъ „окаянные сыроядцы“ начали ѣздить по улицамъ и переписывать гражданъ. „Навелъ Богъ на Новгородцевъ,“ говоритъ лѣтописецъ, „изъ пустыня звѣри дивія ясти сильныхъ плъти и пити кровь боярьскую.“ [2]) Перепись окончилась благополучно и скоро. Ханскіе чиновники, окончивъ свое дѣло, возвратились въ Орду. Александръ остался на время въ Новгородѣ для окончательнаго приведенія въ порядокъ дѣлъ, нарушенныхъ народнымъ возстаніемъ.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ благоразуміе Александра Ярославича принесло громадную пользу Новгороду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему Русскому государству, котораго нетронутыя, свѣжія силы еще хранились въ свободномъ городѣ, хотя и признавшемъ внѣшнимъ образомъ надъ собою власть Монголовъ. Славный защитникъ Новгорода отъ западныхъ враговъ и на этотъ разъ, хотя, казалось, и поступилъ слишкомъ сурово, но на самомъ дѣлѣ старался всевозможными способами

[1]) Что уступки были условіемъ покорности черни, это доказываютъ послѣдующія грамоты, изъ которыхъ видно, что хотя Татары и сдѣлали перечисленіе народа, но дань собиралась все таки сообразно со средствами каждаго гражданина. См. Грамоту Новгородцевъ, данную Василіемъ Васильевичемъ на черный боръ.

[2]) Новгор. I. 57.

сохранить Новгородцамъ такія права, какихъ не имѣли жи-
тели другихъ городовъ въ остальной Руси. Согласившись да-
вать дань, Новгородцы, кажется при посредствѣ великаго кня-
зя, выхлопотали себѣ у Монголовъ право не имѣть баскака,
а пересылать дань хану прямо черезъ своего князя. Дань, со-
бираемая съ Новгородской волости для Монголовъ, называлас
чернымъ боромъ. [1]) Въ одной грамотѣ [2]) мы находимъ интересны
свѣдѣнія о томъ, какъ собирался этотъ черный боръ: „съ сохи
по гривнѣ новой, да писцу княжому мортка съ сохи, а въ
соху два коня да третье припряжь, да тшанъ кожевничій за
соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, куз-
нецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, ладья за двѣ сохи; а кто
сидитъ на исполови, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгоро-
децъ заѣхалъ ладьею или торгуетъ лавкою, или староста, на
томъ не взять. Кто, покинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ
боярскій, или кто утаитъ соху и будетъ изобличенъ, тотъ пла-
титъ за вину свою вдвое за соху;—все это брать великаго кня-
зя черноборцамъ на Новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, *куда*
пошло по старинѣ.“ [3]) Изъ этого мѣста грамоты видно, что
прежде былъ такой же сборъ, что онъ главнымъ образомъ приспо-
соблялся къ промысламъ, причемъ за опредѣленную величину
средствъ принималась соха.

По удаленіи татарскихъ численниковъ изъ Новгорода
Александръ Ярославичъ, уступая просьбамъ Новгородцевъ, остал-
ся на нѣкоторое время у нихъ. Его присутствіе было здѣс
необходимо: народъ, подъ вліяніемъ недавно совершившихся
событій, страшно упалъ духомъ и нуждался въ нравственной
поддержкѣ своего стараго князя; вездѣ царилъ безпорядокъ,

---

1) Никонов. IV. 145.
2) Грамота Василія Васильевича, данная Новгородцамъ на черный боръ
3) Соловьевъ, IV. 218.

произведенный недавнимъ мятежемъ. Невскому нужно было позаботиться о прекращеніи этихъ безпорядковъ, нужно было дать *рядъ* вольнымъ мужамъ. Александръ Ярославичъ съ успѣхомъ все это выполнилъ, и Новгородцы, цѣня услуги князя, достойнымъ образомъ отблагодарили его богатыми дарами и во все время пребыванія его въ Новгородѣ выказывали ему глубокое уваженіе и оказывали почести.

Устроивъ новгородскія дѣла, Александръ Ярославичъ оставилъ здѣсь княземъ сына своего Димитрія, а самъ „съ великою честію" поѣхалъ въ свою отчину. [1]) На пути во Владиміръ онъ заѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ въ это время жила княгиня Марія, мать любимаго Александромъ Невскимъ Бориса Васильковича. Была среда страстной недѣли, когда Невскій прибылъ въ Ростовъ. Какъ религіозный человѣкъ, Александръ Ярославичъ, вѣроятно, не хотѣлъ провести въ дорогѣ тѣ дни страстной седмицы, которые такъ дороги для каждаго христіанина по своимъ воспоминаніямъ, тѣмъ болѣе, что епископомъ въ Ростовѣ былъ благочестивый старецъ Кириллъ, пользовавшійся за свои добродѣтели и умъ глубокимъ уваженіемъ какъ у народа, такъ и у самого великаго князя. Съ радостью и любовью былъ принятъ въ Ростовѣ защитникъ Русской земли. Епископъ Кириллъ со крестомъ встрѣтилъ Невскаго героя и благословилъ его, причемъ Александръ Ярославичъ поклонился почтенному старцу и сказалъ: „Отче святый! твоею молитвою и тамо въ Новгородѣ ѣхалъ есмь здоровъ, и сѣмо пріѣхалъ есмь твоею молитвою здоровъ!" [2]) Какъ благочестивый христіанинъ, онъ не хотѣлъ приписывать единственно себѣ свои успѣхи, а только благословенію Божію и молитвамъ святаго человѣка. Сколько времени пробылъ Александръ Ярославичъ въ Ростовѣ—неизвѣстно;

---

[1]) Лаврент. 203.
[2]) Лаврент. 203.

можно догадываться, что, окруженный преданными ему друзьями и любимыми родственниками, онъ прожилъ здѣсь долго и только время отъ времени ѣздилъ въ свою столицу, потому что и подъ 1260—1261 г. лѣтопись упоминаетъ о его пребываніи въ Ростовѣ по случаю избранія преемника епископу Кириллу: „блаженный епископъ Ростовскій Кирилъ бѣ исполненъ денми, въ старости глубоцѣ и въ истиннѣй добродѣтельнѣй сѣдинѣ.“ [1]) Александръ Ярославичъ, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, по благословенію митрополита и епископа Кирилла, избрали преемникомъ послѣднему архимандрита Богоявленской церкви—Игнатія. Живя то въ Ростовѣ, то во Владимірѣ, Александръ Ярославичъ, по всему вѣроятію, слѣдующіе два года посвятилъ семейнымъ дѣламъ и устройству своего несчастнаго государства, на которомъ монгольское владычество лежало тяжелымъ гнетомъ. Не ускользали отъ вниманія бдительнаго князя и дѣла церковныя. Мы видѣли, что онъ участвовалъ въ избраніи преемника епископу Кириллу; благодаря его-же заботамъ, въ это время была учреждена епископія и въ Ордѣ. Великій князь, вникая въ нужды своего народа, конечно, не могъ оставить безъ вниманія тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые томились въ плѣну у Татаръ или же находились въ Ордѣ по торговымъ дѣламъ; но послѣднихъ было сравнительно мало, а первыхъ было громадное количество. Какъ добрый князь, Александръ Ярославичъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы какъ-нибудь вырвать изъ рукъ Татаръ несчастныхъ плѣнниковъ; много золота и серебра передавалъ Невскій на ихъ выкупъ, но, вѣроятно, много ихъ еще и оставалось. Чтобы сколько-нибудь облегчить, по крайней мѣрѣ, участь этихъ несчастныхъ, Александръ Ярославичъ выхлопоталъ у хана позволеніе

[1]) Лаврент. 203.

назначить въ Ордѣ епископа. Со стороны Татаръ отказа, конечно, не могло быть для такого князя, какъ Невскій, тѣмъ болѣе, что и сами Татары, какъ мы видѣли, съ уваженіемъ относились къ духовенству и особенно къ его представителямъ— митрополитамъ и епископамъ. Первымъ епископомъ въ Ордѣ былъ Митрофанъ. [1])

По единогласному свидѣтельству лѣтописей, въ 1260—1261 г. была тишина по всей Русской землѣ; [2]) но эта тишина была предвѣстникомъ страшной бури, скоро разразившейся. Невскому пришлось переживать самое тяжелое время въ исторіи нашего отечества, которое впослѣдствіи уже не повторялось. Враги Россіи, точно по предварительному соглашенію, разомъ нападаютъ на нее со всѣхъ сторонъ. Шведы, Нѣмцы, Литва и Татары собирались поглотить достояніе Владиміра Св. и Всеволода III. Достойный потомокъ послѣдняго, нашъ Невскій герой, съ оружіемъ въ рукахъ успѣшно отражаетъ трехъ первыхъ враговъ и благоразумною уступчивостью ублажаетъ послѣднихъ. Какъ ни тяжко было иго Татаръ, какъ ни тяжки были обязательства Русскаго народа къ его побѣдителямъ, но все-таки много еще оставалось народу средствъ къ жизни и къ развитію его богатыхъ силъ, единственно благодаря дѣятельности Александра Ярославича. Народъ, хотя и тяготился разнаго рода повинностями, но все это терпѣливо переносилъ, пока слишкомъ жестокія мѣры и дерзкія посягательства азіатскихъ варваровъ на священныя права народа и его религію не дали толчка къ справедливой мести. Пока сборомъ дани и наблюденіемъ за исполненіемъ необходимыхъ повинностей завѣдывали непосредственно ханскіе чиновники, до тѣхъ поръ дѣло шло хорошо и на Руси было мирно. Но корыстолюбіе

---

1) Лаврент. 203.

2) Соф. I. 190; Новг. I. 57; Твер. 401; Лавр. 203; Степ. кн. 371; Татищ. IV 30.

Татаръ всегда искало себѣ пищи, а на этотъ разъ она явилась въ обильномъ количествѣ. Татарскій владыка, хотя и получалъ огромную дань съ Россіи, но не прочь былъ увеличить ее еще различнаго рода средствами. Понимая, что значительная часть собираемыхъ богатствъ шла въ карманы его чиновниковъ, великій ханъ искалъ возможности непосредственнаго полученія собираемой дани или же замѣны ея соотвѣтственнымъ количествомъ платы. На помощь хану явились въ этомъ случаѣ хозарскіе или хивинскіе купцы, извѣстные въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ бесерменовъ. Они предложили ему взять дань на откупъ, и плата приэтомъ далеко превышала количество той дани, которую платилъ Русскій народъ.

Жадность татарскаго владыки была удовлетворена, и онъ изъявилъ свое согласіе. Откупщики теперь сами начали собирать дань съ Русскаго народа. Очевидно, что они употребляли всѣ усилія для того, чтобы не остаться въ проигрышѣ и съ значительной пользой возвратить откупную плату. Средства, употребляемыя ими для достиженія этой цѣли, понятно, не могли быть добросовѣстными.—Русскій народъ сначала терпѣлъ и все переносилъ; для облегченія его ничего не могъ сдѣлать и Александръ Ярославичъ: онъ волей-неволей долженъ былъ оставаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ народнаго несчастія. Какъ посредствующее лицо между своимъ народомъ и его побѣдителями, великій князь являлся отвѣтственнымъ передъ ханомъ въ случаѣ народнаго возмущенія и неправильнаго взноса дани. Какъ ни тяжко было видѣть Невскому угнетеніе народа бесерменскими откупщиками, но онъ не могъ вооруженною рукою защищать права, свободу и имущество своихъ подданныхъ. Великій князь страдалъ за народъ больше, чѣмъ онъ самъ, и страдалъ нравственно. Ему тяжело было видѣть несчастье народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся нарушить и волю хана, гнѣвъ котораго въ такомъ случаѣ былъ-бы ужасенъ. Все это

заставляло бѣднаго князя терпѣть и надѣяться на лучшее будущее. Но угнетенный и раздраженный народъ думалъ иначе. Онъ жилъ только настоящимъ, а не будущимъ, которое для него было темно и непонятно, а настоящее же такъ печально и непривлекательно, что онъ предпочиталъ смерть жизни. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, нужно было ожидать каждую минуту страшной народной вспышки. Но пока еще было тихо. Откупщики, между тѣмъ, продолжали дѣйствовать, имѣя въ виду свои интересы. Опытные въ дѣлахъ торговыхъ и финансовыхъ, они прилагали все свое стараніе, чтобы высосать изъ несчастнаго народа и его страны послѣдніе жизненные соки. Терпѣніе Русскаго народа истощалось по мѣрѣ истощенія его средствъ и по мѣрѣ большаго нарушенія его священныхъ правъ.

Татарскіе откупщики, соблюдая единственно свои выгоды, не щадили и безъ того разореннаго и бѣднаго Русскаго народа. Такъ какъ многіе изъ гражданъ не были въ состояніи заплатить скоро требуемой откупщиками дани, то послѣдніе, чтобы обезпечить свое полученіе, дѣлали отсрочку, налагая при этотъ такіе громадные проценты, какіе не были въ обыкновеніи у Русскаго народа, и которые въ концѣ концовъ увеличивали небольшое количество дани до такой степени, что дѣлали невозможнымъ уплату. [1]) Незаплатившій къ сроку отвѣчалъ всѣмъ своимъ имуществомъ, а въ случаѣ, если бы его не было, то и своею личностью. Подобная система сбора дани была, какъ видно, чрезвычайно выгодна откупщикамъ, потому что они всѣми силами старались проводить ее въ народъ. Бѣдняки большею частью дѣлались рабами откупщиковъ, которые уводили ихъ на Востокъ и тамъ продавали съ громадною выгодою. Семейства лишались отцовъ, жены мужей, сестры

---

[1]) Татищевъ. IV. 31.

братьевъ, а весьма часто и цѣлыя семейства шли въ кабалу къ корыстолюбивымъ, жаднымъ, не имѣвшимъ никакой жалости, откупщикамъ. [1]) Народъ стоналъ подъ гнетомъ этого страшнаго ига, но время мстить еще не настало. Татарскіе откупщики, быть можетъ, чуяли, что надъ ними собирается страшная гроза, но не останавливались въ своихъ жестокостяхъ, а продолжали дѣйствовать попрежнему.

Незадолго передъ этимъ Монголы приняли магометанскую религію, [2]) пророкъ которой, Магометъ, имѣлъ въ средѣ завоевателей Русскаго народа многихъ истинныхъ поклонниковъ. Правовѣрные, слѣдуя ученію своего пророка, старались распространять и между другими народами магометанскую религію. Къ числу такихъ ревностныхъ распространителей принадлежалъ и „злой бесерменинъ" какой-то Титямъ, пріѣхавшій въ Русь изъ Татаріи въ 1262 г. Въ качествѣ откупщика и проповѣдника Магометова ученія, онъ началъ дѣйствовать на народъ съ той и другой стороны. Какъ онъ дѣйствовалъ на первомъ поприщѣ—лѣтописи не говорятъ, о результатѣ же второй дѣятельности ясное понятіе даетъ слѣдующій примѣръ. Какой-то Зосимъ монахъ, но пьяница и безнравственный человѣкъ, какъ видно, былъ увлеченъ благами магометова рая, отрекся отъ христіанства и принялъ магометанство. Этотъ-то Зосима, при содѣйствіи Титяма, началъ насмѣхаться надъ христіанскою религіею, „творя христіаномъ велику досаду, и кресту и святымъ церквамъ ругаяся." [3]) Этого было достаточно, чтобы долго сдерживаемая народомъ месть прорвалась наружу. Оскорбленный въ самыхъ священнѣйшихъ чувствахъ, видя посягательство на свою религію, народъ поднялся на своихъ при-

---

[1]) Лавр. 204; Воскр. 163.

[2]) Ист. Монголовъ, перевед. Григорьев., 40 стр. Татары приняли магометанство при Берке.

[3]) Лавр. 204; Воскр. 163.

тѣснителей. Волненія начались, вѣроятно, въ Ярославлѣ, гдѣ находился „злой бесерменинъ“ Титямъ и его неофитъ —„студословецъ, празднословецъ и кощунникъ“—Зосима. Звонъ вѣчеваго колокола призывалъ жителей къ возстанію и къ защитѣ священныхъ правъ и религіи. Весь народъ въ Ростовской области поднялся какъ одинъ человѣкъ, и вѣсть объ этомъ возстаніи какъ молнія пронеслась по всей Русской землѣ. Откупщикамъ грозила страшная бѣда: имъ приходилось теперь разсчитываться передъ судомъ народа за всѣ тѣ жестокости и несправедливости, которыя бѣдный народъ такъ долго терпѣливо переносилъ.—Обыкновенно баскаки и сборщики податей, находившіеся на Руси, какъ мы видѣли, имѣли при себѣ значительные татарскіе отряды, которые на случай народнаго возстанія могли всегда явиться на помощь, но въ 1262 г. всѣ эти отряды были отозваны въ Орду, гдѣ сосредоточивались татарскія силы по случаю начавшейся въ то время войны Монголовъ съ Персами. [1]) Народъ, конечно, былъ ободренъ отсутствіемъ сдерживающей силы, а князья воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить жестокимъ откупщикамъ и отучить ихъ и на будущее время отъ несправедливыхъ поборовъ. Александръ Ярославичъ въ это время, вѣроятно, находился въ Новгородѣ, куда онъ былъ призванъ гражданами, какъ увидимъ дальше, для разбора тяжебныхъ дѣлъ и для отраженія снова поднявшихся на Новгородъ его западныхъ враговъ. Великій князь, такимъ образомъ, вначалѣ возстанія былъ въ той части Русской земли, которая не такъ страдала отъ татарскихъ откупщиковъ и находилась въ другихъ отношеніяхъ къ Монголамъ,—вотъ почему и жители Владиміра, столицы Невскаго, не сдерживаемые своимъ княземъ, также под-

1) Соловьевъ, Ист. Россіи. III. 198; Ист. Монголовъ, Григорьева. 47 стр.

нялись на враговъ, попиравшихъ ихъ права и свободу. [1]) Примѣру стольнаго города послѣдовали: Суздаль, Ростовъ, Переяславль и др. города. Жители бросились на откупщиковъ, часть которыхъ погибла подъ ударами раздраженныхъ гражданъ, а часть была изгнана изъ городовъ. Въ Ярославлѣ народъ особенно не щадилъ своихъ притѣснителей, осмѣлившихся даже посягнуть на святость ихъ религіи. Народъ бросился прежде всего на еретика и законопреступника Зосиму и убилъ его, отдавъ тѣло его на съѣденіе собакамъ, а „ноги его, что на злое бѣху быстри, тѣже влачими бяху отъ псовъ по городу, всѣмъ людемъ на удивленіе.“ [2]) Такъ народъ выражалъ свою ненависть и презрѣніе къ тому, кого онъ считалъ хуже бесерменъ, меньшая часть которыхъ была перебита, а большинство только изгнано.—Возстаніе охватило и сѣверные города Россіи. Такъ, въ Устюгѣ возставшій народъ собирался изгнать бесерменовъ и убить главнаго откупщика—ясащика Бугу, который передъ этимъ оскорбилъ народную честь, взявъ насильно къ себѣ въ жены дочь одного гражданина. Когда устюжане намѣревались привести въ исполненіе свое намѣреніе, Буга, извѣ-

---

[1]) Есть даже извѣстіе, что Александръ Ярославичь самъ принималъ участіе въ этомъ возстаніи и разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ призывалъ народъ къ возстанію. Въ лѣтописи о великомъ градѣ Устюгѣ, подъ 1262 г. сказано: „бысть вѣчье на бесермены по всѣмъ градамъ Рускимъ... и побиша татаръ вездѣ.... а на Устюгѣ городѣ тогда былъ ясащикъ Буга и взялъ у нѣкоего крестьянина дщерь дѣвицу... *И пріиде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что Татаръ бити...*“ Изв. А. И. 205 стр.—Нельзя отвергать, что дѣйствительно въ народѣ въ то время могли ходить слухи о существованіи подобныхъ грамотъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ, быть можетъ, и не было, потому что ни въ одной древней лѣтописи не упоминается о подобномъ распоряженіи великаго князя. Народъ самъ собою дѣйствовалъ и притомъ преимущественно противъ откупщиковъ, объ убійствѣ же собственно татарскихъ чиновниковъ не говорится нигдѣ, чѣмъ отчасти объясняется и снисходительность хана послѣ этого возстанія.

[2]) Соф. I. 190; Лавр. 204; Воскр. 163.

щенный предварительно о предстоявшей опасности и не видя средствъ къ спасенію, явился на вѣче и просилъ граждапъ пощадить его жизнь, причемъ обѣщалъ креститься. Русскій народъ, всегда способный болѣе прощать, чѣмъ наказывать,—уважилъ просьбу Буги, который послѣ этого сдѣлался примѣрнымъ гражданиномъ и свое христіанское благочестіе выразилъ въ постройкѣ церкви. [1]) Народъ радовался, что такъ счастливо раздѣлался съ бесерменами; онъ видѣлъ въ этомъ какъ-бы начало своего избавленія „отъ лютаго томленія бесерменьскаго." [2]) и лѣтописецъ, говоря устами народа, разсказываетъ объ этомъ возстаніи съ особеннымъ воодушевленіемъ, прибавляя: „человѣколюбецъ же Богъ нашь милосердіемъ своимъ избави люди своя отъ великія бѣды." [3]) Народъ какъ-будто предчувствовалъ, что его справедливая месть не будетъ наказана, но, не смотря на это предчувствіе, онъ, быть можетъ по наставленію своихъ князей, поступилъ сравнительно снисходительно съ откупщиками, не касаясь непосредственно татарскихъ чиновниковъ:—страхъ передъ татарскимъ владыкою былъ еще великъ; нарушеніе воли хана грозило страшнымъ наказаніемъ; и если бы не такъ благопріятно сложились для Русскаго народа обстоятельства въ Ордѣ, то, быть можетъ, результатъ всей дѣятельности Александра Невскаго, поставившаго Русское государство почти на степень самостоятельнаго, его надежды на лучшее будущее этимъ неблагоразумнымъ, но вызваннымъ необходимостью, поступкомъ народа, разрушились-бы въ короткое время. Сѣверной Россіи неизбѣжно грозила участь ея южныхъ и восточныхъ сосѣдей; татарскіе полки подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ рады были-бы случаю

[1]) Изв. Акад. II. X. 205.
[2]) Лавр. 204; Воскр. 162; Твер. 402.
[3]) Ibid.

прогуляться по Руской землѣ и покрыть ее новыми ранами, еще незажившими отъ перваго нашествія. Война Татаръ съ Персами и Иранцами, съ одной стороны, и ходатайство неутомимаго защитника Россіи, съ другой, и на тотъ разъ спасли наше отечество. По извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей уже полки Татаръ собирались плѣнить Рускую землю, [1]) но Александръ Ярославичъ, вѣроятно, зналъ, что Татарамъ не до Русскихъ, и вотъ почему только въ началѣ 1263 г. отправился въ Орду и то, впрочемъ, по другой болѣе важной причинѣ, а теперь онъ пока оставался въ Новгородѣ, гдѣ присутствіе его, какъ мы уже замѣтили, было необходимо для разбора тяжебныхъ дѣлъ и для отраженія западныхъ враговъ.

Выясняя причины вражды Новгородцевъ съ Александромъ Ярославичемъ въ 1240 г., мы въ краткихъ чертахъ разобрали и отношенія Новгорода къ призываемому князю,—упомянувъ приэтомъ, что вслѣдствіе отсутствія „наряда" въ вольномъ городѣ—князь являлся лицемъ необходимымъ.—Главное его назначеніе состояло въ предводительствѣ войскомъ, т. е. князь являлся защитникомъ Новгородской земли извнѣ; но при отсутствіи въ древнія времена строгаго разграниченія видовъ общественной дѣятельности и при несложности администраціи—призванный князь являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и защитникомъ народа и внутри,—его судьею и его администраторомъ, назначавшимъ должностныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, посадника и тысяцкаго. До татарскаго ига призываемые Новгородцами князья хотя и получали право „уставлять рядъ," „миротворить."—но это право было ограничено вѣчемъ; князь дѣйствовалъ въ границахъ, указанныхъ народомъ, а если онъ выступалъ изъ этихъ границъ, по произволу нарушалъ вѣчевыя постановленія,—то принужденъ былъ отказываться отъ

---

1) Соф. I. 190.

своей княжеской власти и сложить крестное цѣлованіе великому Новгороду. Новгородцы опять выбирали себѣ новаго князя „на всей своей волѣ." Послѣ 1240 г. Новгородцы, уступая обстоятельствамъ, должны были отказаться отъ нѣкоторыхъ правъ, стѣснявшихъ власть князя,—выпросили себѣ у Ярослава Всеволодовича князя Александра, —но уже *не на всей своей волѣ.* Событія 1255 г. узаконили для Новгородцевъ обычай получать себѣ правителя по указанію великаго князя. Протеста въ этомъ случаѣ со стороны вольныхъ мужей не могло быть: ихъ сдерживала и страшила внѣшняя сила. Ихъ ближайшій начальникъ, посадникъ, и тотъ былъ назначенъ великимъ княземъ,—причемъ старый посадникъ, любимый народомъ, долженъ былъ отказаться отъ власти. Въ 1257 г. свобода Новгородцевъ еще болѣе была ограничена. Допустивъ перечисленіе и заплативъ дань, они признали владычество Монголовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе примкнули къ остальному Русскому народу и великому князю, при посредствѣ котораго выполняли свое обязательство. Такимъ образомъ при жизни Александра Ярославича Новгородцы были поставлены почти въ полную зависимость отъ великаго князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были уступить ему и тѣ права, которыя узаконила для нихъ грамота Ярослава I. Великій князь, какъ видно изъ послѣдующихъ грамотъ, безцеремонно также обращался и съ новгородскими общественными владѣніями. По своему усмотрѣнію онъ раздавалъ Новгородскія волости, [1]) въ виду государственныхъ интересовъ позволялъ себѣ пользоваться Новгородскими полями и сѣнокосами, [2]) однимъ словомъ, какъ выражается

---

[1]) Въ договор. грамот. Новгородцевъ съ Ярославомъ Ярославичемъ читаемъ: „а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ тобѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати."

[2]) Ibid: „А что былъ отьялъ братъ твой Александръ пожнѣ, а то ти, княже, не надобѣ."

договорная грамота, „дѣялъ насильнѣ въ Новѣгородѣ.“ [1]) При такомъ порядкѣ вещей неудивительно, что въ рукахъ великаго князя и его намѣстника сосредоточивались и всѣ органы внутренняго управленія. Завѣдываніе и распоряженіе войскомъ, какъ мы видѣли, непосредственно принадлежало князю, право заключать миръ съ непріятелемъ также сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью великаго князя, [2]) и, наконецъ, ему же принадлежало право суда и расправы,—право, недопускавшее уже аппелляціи въ верховномъ народномъ судилищѣ. [3]) Новгородъ почти всей своей жизнью, всѣмъ своимъ устройствомъ примкнулъ къ остальному русскому міру, сдѣлался частью огромнаго цѣлаго, главою котораго былъ Александръ Невскій, хорошо понимавшій, что не раздробленіемъ Русской земли, а тѣснымъ соединеніемъ разрозненныхъ частей въ одно стройное цѣлое—разовьются и укрѣпятся тѣ силы, при помощи которыхъ только и можно одолѣть многочисленныхъ враговъ Русскаго народа. Русскія земли подъ управленіемъ Александра Невскаго быстро централизовались, и Новгородъ не могъ не примкнуть къ нимъ: онъ былъ въ это время душой сѣвера, нетронутымъ членомъ Русскаго государства, завѣтнымъ ключкомъ земли для Татаръ и западныхъ враговъ.—Примкнувъ къ русскому міру, Новгородъ, какъ мы сказали, не могъ отдѣлить отъ него и своей внутренней жизни, своего управленія, своего суда и расправы. Прежняя власть вѣча должна была

---

1) Ibid: „А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи.“ С. Г. Г. и Д. I.

2) Здѣсь мы имѣли въ виду грамоту, заключенную отъ лица великаго князя Александра Ярославича и его сына Димитрія съ Нѣмцами послѣ войны 1262 г., о которой будетъ сказано дальше.

3) Мы говоримъ, конечно, здѣсь только о времени княженія Александра Ярославича, потому что послѣ смерти его Новгородцы, обезпечивъ себя новымъ договоромъ, возстановили отчасти свои старыя права.

значительно уменьшиться и потерять то важное значеніе, которое она имѣла прежде. До Александра Ярославича дѣятельность вѣча выражалась въ слѣдующемъ: на немъ прежде всего лежала обязанность призвать князя или удалить нелюбимаго прежняго; законодательство и рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ составляли вторую принадлежность его занятій и, наконецъ, назначеніе высшихъ администраторовъ и верховный судъ—составляли третью область дѣятельности вѣча. Мы разсмотримъ только дѣятельность вѣча, собиравшагося для суда. Судъ такъ происходилъ. Спорящія стороны для прекращенія своего несогласія обыкновенно созывали вѣче, отъ котораго зависѣло оправдать или обвинить тѣхъ, которые къ нему обращались. Въ дѣлахъ не особенно важныхъ—разбирательство поручалось посадничьимъ или великокняжескимъ тіунамъ, и если тяжущіяся стороны оставались довольны рѣшеніемъ, то на этомъ дѣло и прекращалось; если же какая-либо сторона считала себя обиженной, то имѣла право принести аппелляцію въ народное собраніе. Вѣчевой колоколъ въ такомъ случаѣ сзывалъ вольныхъ людей дать обиженному правду. Собравшіеся граждане выслушивали жалобу, и если считали необходимымъ разъяснить дѣло или провѣрить жалобу, то, чтобы дѣло не затягивалось, выдавали срочную грамоту, а если въ этомъ не было надобности, то послѣ обсужденія тотчасъ приступали къ рѣшенію, а затѣмъ къ немедленному исполненію приговора. Обыкновенно это производилось такъ: съ вѣча народъ прямо отправлялся къ жилищу обвиняемаго, вызывалъ его и требовалъ удовлетворенія; въ случаѣ сопротивленія или въ случаѣ бѣгства обвиненнаго, граждане конфисковали его имущество или-же грабили, а домъ сожигали. Такъ поступали они и въ томъ случаѣ, когда обвиняли какого нибудь гражданина въ политическомъ преступленіи или подозрѣвали его въ измѣнѣ. При такомъ порядкѣ вещей, естественно, несправедливость и па-

силіе были часто обыкновеннымъ явленіемъ въ жизни Новгорода. При склонности его гражданъ ко взаимнымъ несогласіямъ, часто случалось, что праваго обвиняли, а виноватаго оправдывали; или-же случалось, что одна изъ враждующихъ сторонъ созывала вѣче въ одной части города, а другая въ другой;—слѣдствіемъ этого было междоусобіе. Въ разобранный періодъ времени мы видѣли этому не одинъ примѣръ. [1])—Александръ Ярославичъ, какъ князь хорошо и подробно знакомый съ жизнью Новгородцевъ, ихъ обычаями и судомъ, понялъ, что для установленія болѣе прочнаго порядка въ народѣ необходимо лишить вѣче судебной власти и предоставить ее князю. Граждане, быть можетъ, сами сознавали пользу и необходимость подобной реформы и не противорѣчили. И вотъ почему въ 1262 г. мы встрѣчаемъ Александра Ярославича судьею въ Новгородѣ. Въ числѣ другихъ дѣлъ онъ разбиралъ споръ „Лочка и Ивана, и всѣхъ Рожитчанъ съ Родишею, и съ Кузмою и съ Чернецами Спасовскими" о какой-то землѣ. [2]) Лѣтописи не сохранили намъ подробностей объ этомъ судѣ, и мы имѣемъ только одну грамоту Александра Ярославича отъ 1262 г. о прекращеніи вышеназванной тяжбы.

Въ то время какъ Александръ Ярославичъ „миротворилъ" въ Новгородѣ, а въ остальной части Русской земли, какъ мы видѣли, совершалось всеобщее изгнаніе бесерменскихъ откупщиковъ, съ запада на Новгородъ продолжали нападать Нѣмцы.—Событія, совершавшіяся въ Россіи, конечно, не могли оставаться неизвѣстными Западу. Народная перепись 1257 г., принятая Западомъ за признакъ окончательнаго покоренія Рос-

---

[1]) Соловьевъ, „Объ отношен. Новгорода къ Великому князю."—Костомаровъ, „Сѣвернорусскія народоправства," т. I. 150 и т. II. 87.—Сергѣевичъ—„Вѣче и князь."

[2]) Изв. Ак. Н. вып. III. 206.

сіи Монголами, а вслѣдъ затѣмъ покореніе Татарами Литвы въ 1260 г., вызвало папу Александра IV на новыя воззванія, на новыя приглашенія рыцарей воевать Русскую землю. Тогдашняя Россія, по мнѣнію западныхъ народовъ и ихъ религіознаго главы, была уже страною отпѣтою, погибшею подъ игомъ азіатскихъ варваровъ и прекратившею свое самостоятельное существованіе. Папы еще и до этого вычеркнули Россію изъ списка европейскихъ державъ, отодвинули ее къ Азіи, а жителей „схизматиковъ" окрестили именемъ Татаръ. [1]) Обстоятельства показали, что подобныя заключенія были слишкомъ поспѣшны. Русское государство пережило своихъ враговъ, потому что много еще таилось силы въ народѣ, и его подвиги и успѣхи въ борьбѣ съ западными врагами ясно доказали это. Какъ-бы то ни было, только завоеваніе Руси Монголами дало папѣ Александру IV благовидный предлогъ побуждать Ливонскихъ рыцарей на покореніе русскихъ земель. Въ посланіи отъ 1260 г. онъ приглашаетъ рыцарей всѣхъ католическихъ орденовъ отнимать у Татаръ русскія земли, захваченныя невѣрными, объявилъ ихъ заранѣе собственностью Св. Петра, принималъ ихъ подъ покровительство апостольскаго престола и дарилъ рыцарямъ въ вѣчное владѣніе земли, деревни и города въ Русской землѣ, но съ условіемъ искоренять греческій расколъ и всевозможными силами заботиться о соединеніи православныхъ съ римскою церковью. [2]) На этотъ

[1]) См. посланіе папы Иннокентія IV отъ 1254 г. къ архіепископу, епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, чтобы они проповѣдывали кресговый походъ противъ Татаръ, опустошающихъ Ливонію и Эстонію. Hist. Rus. Mon. 80. XC.

[2]) Nos, vestris supplicationibus inclinati, omnes terras, castra, villas seu oppida...., quae vobis ab illis, ad quos pertinent data sunt, aut legitime dari contigerit in Russia, vel ea, quae sunt illic a Tartaris impiis occupata... et nunc in jus et proprietatem beati Petri suscipimus, et illa sub speciali protectione ac defensione apostolicae sedis, postquam ad christianum cultum redacta fuerint, perpetuis temporibus permanere sancimus, ipsaque vobis et domui vestrae cum omni jure et proprietatibus suis, ac decimis exinde proventuris, concedimus in per-

разъ голосъ св. отца не остался безъ вниманія, какъ это было въ 1257 г. Благословеніе папы на такое благое дѣло, и особенно громадныя права, предоставляемыя имъ въ странахъ, которыя должны быть покорены рыцарями,—разожгли рыцарскій духъ и пробудили старую ненависть Ливонцевъ къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ Новгородцамъ и Псковичамъ. Благодаря подстрекательствамъ папы, опять началась вражда, смолкнувшая было на короткое время. Нѣмцы, какъ видно, слишкомъ ревностно начали приводить въ исполненіе приказаніе папы. Нападая на Новгородскія и Псковскія земли, Ливонцы не щадили и Литвы, князь которой, Миндовгъ, принятый недавно подъ покровительство апостольскаго престола, нашелъ для себя невыгоднымъ это покровительство, отрекся отъ него и даже позволилъ перебить католиковъ въ своей области. [1]) Понятно, что такой поступокъ не могъ остаться ненаказаннымъ, и тогдашнему магистру Ливоніи Вернеру Фонъ Брейтгаузену, по словамъ Нѣмецкаго историка, пришлось имѣть много непріятностей съ Литовцами и ихъ союзниками. [2])

Новгородцы долго терпѣли оскорбленія, наносимыя имъ Нѣмцами; наконецъ, въ 1262 г., по приказанію Александра Ярославича, рѣшили наказать дерзкихъ нарушителей правъ Русскаго народа.—Великій князь, какъ видно, рѣшился серьезно расправиться съ Нѣмцами и заставить ихъ, наконецъ, отка-

petuum libere possidenda.. Volumus tamen, quod dioecesanis et aliis ecclesiarum praelatis seu clericis de praedicta Russia, qui Graecis scismaticis adhaerere ac ritum eorum servare damnabiliter non verentur, postquam ad unitatem praecise redierint, spiritualia in illis integre dimittatis etc... Bunge. I. 440 стр., epist. CCCXLV.

[1]) „Myndow brach hierauf los, lies alle Christen in seinem Lande niedermachen"... Liefl. Chr. B. II. 61.

[2]) „Dieser Regent hatte mit den Litthauern und deren Bundsgenossen verdriesliche Händel." Ibid.

заться отъ попытокъ отбивать у Татаръ Русскую землю. По приказанію Александра Ярославича всѣ низовые полки подъ предводительствомъ брата его Ярослава Тверскаго и князя Константина, зятя Александрова, пришли къ Новгороду, чтобы отсюда уже вмѣстѣ съ новгородскою дружиною, предводимою княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, двинуться прямо на Нѣмецкую землю, къ старому русскому городу Юрьеву, отнятому Ливонцами. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія противъ Нѣмцевъ русскіе князья заключили союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, Тройнатомъ Жмудьскимъ и Товтивиломъ Полоцкимъ. Нѣмцамъ грозила серьезная опасность. Огромныя массы русскихъ войскъ съ Полочанами и Литвою двинулись къ Юрьеву и въ Нѣмецкую землю. [1]) Александръ Ярославичъ, устроивши этотъ походъ, лично не могъ участвовать въ немъ вслѣдствіе причинъ, о которыхъ рѣчь впереди,—а поручилъ все войско своему сыну Димитрію. Еще русскіе полки были на пути, когда Литовскій князь Миндовгъ уже воевалъ Нѣмецкую землю подъ Венденомъ, но его силы были слишкомъ незначительны для того, чтобы сдѣлать серьезное нападеніе на Ливонцевъ. Долго онъ дожидалъ своихъ союзниковъ, но они замедлили въ пути, и Миндовгъ рѣшилъ, наконецъ, возвратиться назадъ, ограничившись только разореніемъ Нѣмецкой земли. [2])—Когда ушелъ Миндовгъ, явились русскіе полки и прямо пошли къ старой отчинѣ своей, къ Юрьеву. Нѣмцы, завладѣвъ этимъ городомъ, сильно укрѣпили его: три камен-

---

[1]) Воскр. 162; Соф. I. 190; Новг. I. 57.

[2]) „Myndow verband sich mit dem Zaar von Russland wider alle Liefländer, rückte auch vor Wenden, wo beide Heere, der genommenen Abrede gemäs, zusammen stossen sollten: als aber die Russen nicht zu rechter Zeit introfen, (eintrafen?) verwüstete er das ganze Land, und lies die Fustapfen einer Grausamkeit nach, die ein abgeschworner Feind des christlichen Namens nur verüben konnte.“ Arndt. Der Lievländichen Chronik. I. 61.

ныя стѣны окружали городъ; множество жителей и войска, находившіяся въ немъ, гарантировали его защиту и представляли много трудностей нападающимъ. [1]) Нѣмцы, какъ видно, ожидали нападенія, а поэтому сильно укрѣпились и „пристроили себѣ брань на городѣ крѣпку,“ но, какъ говоритъ лѣтопись, „сила честнаго креста и св. Софіи всегда низлагаетъ неправду имѣющихъ, тако и сій градъ, нивочто-же твердость та бысть, по помощію божіею однимъ приступленіемъ взятъ бысть.“ [2]) Сильная нѣмецкая защита не выдержала стремительнаго напора русскихъ войскъ. Городъ былъ взятъ, сожженъ и разграбленъ. [3]) Часть жителей погибла во время приступа, часть сгорѣла въ пламени: а оставшіеся въ живыхъ, съ ихъ женами и дѣтьми, были взяты въ плѣнъ. Огромная добыча, состоявшая преимущественно изъ разнаго товару, досталась побѣдителямъ, почти не потерпѣвшимъ въ этомъ дѣлѣ никакого урона. Лѣтопись упоминаетъ объ убійствѣ только двухъ новгородцевъ. Окончивъ свое дѣло, Димитрій Александровичъ съ русскими полками и новгородской дружиной возвратился въ Новгородъ. Нѣмецкій лѣтописецъ замѣчаетъ притомъ, что магистръ Вернеръ, узнавъ о взятіи Дерпта, съ нѣмецкими войсками бросился вслѣдъ за Русскими, нагналъ ихъ, отнялъ добычу, потомъ вторгнулся въ русскія владѣнія, гдѣ войско его поступало не лучше русскаго при взятіи Дерпта; быть можетъ, онъ пошелъ-бы и дальше, но болѣзнь заставила его возвратиться назадъ. [4]) Въ русскихъ лѣтописяхъ мы не встрѣ-

[1]) Воскр. 162; Соф. Новг.

[2]) Новг. I. 57; Соф. I. 190; Воскр. 162.

[3]) Arndt. Liefl. Chr. II. 61: „Nach Abzug der Litthauer stelten sich die Russen ein, die im Ruckwege Dorpt in Brand steckten und mit reicher Beute wieder nach Hause giengen.

[4]) Werner holte sie noch ein, nahm ihnen die Beute ab, und drang mitten in Rusland, wo seine Leute es nicht besser als die Russen im Dörptischen machen. Eine Unpäslichkeit nöthigte ihn hierauf nach Hause zu gehen.“ –Liefl. Chr. II. 61.

чаемъ подобнаго извѣстія, и, относясь съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ, можемъ съ вѣроятностью утверждать, что Русскіе въ походѣ на Нѣмцевъ въ 1262 г., если не особенно много выиграли, то во всякомъ случаѣ проучили жадныхъ Нѣмцевъ и заставили ихъ на нѣкоторое время присмирѣть, доказательствомъ чего служитъ и договорная грамота, писанная въ 1262 году отъ лица Александра Ярославича и сына его Димитрія, и заключающая въ себѣ условія возстановленія мира Новгорода съ Нѣмцами. [1])

---

[1]) Изв. втор. Отд. И. А., Наукъ. X т. вып. III, 205 стр.

IX.

„Горе тебѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего великого князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како не разсядеся сердце твое отъ многыя тугы?...“

Соф. I. 191.

Въ то время, когда русскія войска возвращались въ Новгородъ, великаго князя уже тамъ не было. Онъ возвратился во Владиміръ, а оттуда прямо отправился въ Орду, куда его призывала настоятельная необходимость, какъ вслѣдствіе недавно совершившихся событій на Руси, такъ и вслѣдствіе переворота въ самой Ордѣ. Для уясненія послѣдняго обстоятельства намъ необходимо обратиться къ исторіи Монголовъ.

Огромное пространство земли, завоеванной Чингисъ-Ханомъ и его преемниками, не позволяло великимъ ханамъ самимъ непосредственно завѣдывать управленіемъ завоеванныхъ областей тѣмъ болѣе, что столица этихъ хановъ была удалена отъ центра ихъ территоріи.—Управленіе огромными провинціями великіе ханы поручали своимъ намѣстникамъ, предоставивъ въ распоряженіе ихъ огромную массу войска, которое сдерживало въ границахъ повиновенія жителей той или другой области.—При такомъ порядкѣ вещей великіе ханы въ строгомъ смыслѣ являлись только верховными владыками, вся же сила власти надъ покоренными странами сосредоточивалась въ рукахъ ихъ намѣстниковъ, которыми большею частью были родственники великаго хана.—Но, не смотря на это родство, правители отдаленныхъ провинцій не упускали благопріятныхъ случаевъ сдѣлаться вполнѣ независимыми царьками и, располагая значительнымъ количествомъ войска, достигали этого

весьма легко. Страны, покоренныя Монголами, еще при жизни Чингисъ-Хана были раздѣлены между его сыновьями, которые, въ свою очередь, раздѣляли вѣренныя имъ области между своими дѣтьми. Такъ старшій сынъ Чингисъ-Хана, Джучи, получилъ Кипчакскую Орду, а потомъ передалъ управленіе ею своему сыну Батыю, преемникъ котораго Береке-ханъ былъ уже въ такой степени слабъ, что не имѣлъ возможности удержать въ границахъ повиновенія одного изъ своихъ подручниковъ—Ногая. Начальствуя ордами, кочевавшими на сѣверо-востокъ отъ Чернаго моря, Ногай объявилъ себя независимымъ правителемъ и обезпечилъ свою независимость родственнымъ и политическимъ союзомъ съ Греческимъ Императоромъ Михаиломъ Палеологомъ (1261 г.). [1])—Другой сынъ Чингисъ-хана, Оготай или Угедай, получилъ начальство надъ Монголами въ большой ордѣ. Его преемникъ, Гаюкъ, царствовавшій всего только 1 годъ—и то подъ вліяніемъ князей и нойоновъ, [2]) съ согласія которыхъ онъ вступилъ и на престолъ, не имѣлъ возможности передать правъ своему сыну, и преемникомъ ему, при содѣйствіи Батыя, былъ назначенъ Мангу, сынъ Тули-хана, одного изъ сыновей Чингисъ-хана. Уже вскорѣ послѣ перваго раздѣленія между отдѣльными правителями начали обозначаться стремленія къ самостоятельности, но эти стремленія до извѣстнаго времени были сдерживаемы силою, которою располагалъ великій ханъ; но лишь только эта сила уменьшалась, то въ такой-же степени увеличивались стремленія отдѣльныхъ хановъ къ независимости.—Мы видѣли, что Мангу, понимая непрочность своего господства,—всевозможными мѣрами старался поставить въ наиболѣе прочную зависимость своихъ под-

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р. IV. 87.

[2]) Нойонами у Монголовъ назывались начальники отдѣльныхъ племенъ и царскіе родственники. См. Григорьева, И. М. 135 стр.

данныхъ и ихъ правителей. Его распоряженія относительно почты и налоговъ указываютъ именно на это обстоятельство. Но всѣ эти хлопоты великаго хана Мангу не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Интересы великаго хана и его подручниковъ разошлись уже такъ далеко, что трудно было при самыхъ радикальныхъ реформахъ и при самыхъ умныхъ распоряженіяхъ сдѣлать что нибудь въ пользу соединенія въ одно цѣлое разноплеменныхъ народовъ великой территоріи, завоеванной Чингисъ-ханомъ и его ближайшими преемниками. Страна за страною, оправившись немного послѣ перваго страшнаго погрома,—употребляли всевозможныя усилія для возвращенія своей независимости. Усилія эти особенно рѣзко обозначились въ южныхъ владѣніяхъ великаго хана. Жители Сиріи и Персіи прежде другихъ подняли возстаніе. Сильная авторитетомъ персидская династія Молахедитовъ дала серьезное направленіе этому возстанію и заставила великаго хана Мангу обратить все свое вниманіе на эти страны. Великій ханъ поручилъ брату своему Гулагу привести въ покорность возставшихъ, предоставивъ въ полное его распоряженіе пятую часть монгольскихъ войскъ. Располагая громаднымъ количествомъ войска, Гулагу безъ особаго труда исполнилъ приказаніе хана. Вторгнувшись въ Персію, онъ разбилъ войска Молахедитовъ, разрушилъ Багдадъ и отправился въ Сирію. Множество городовъ, въ томъ числѣ Алеппо, были обращены въ развалины, исключая Дамаска, жители котораго изъявленіемъ полной покорности спасли свой городъ, но за то вся страна подверглась разоренію. Извѣстіе о смерти великаго хана Мангу (1259 г.) заставило Гулагу прекратить свои подвиги и возвратиться назадъ въ Персію, гдѣ онъ сдѣлался почти самостоятельнымъ государемъ и принялъ титулъ *Ильхана*, [1])—самостоятельнаго государя Персіи.

[1]) Ист. Монг. Григорьева, 42—47, 147.

Послѣ смерти Мангу великимъ ханомъ сдѣлался второй сынъ Тули-хана, Кублай. Отличаясь между своими современиками образованіемъ, этотъ ханъ въ продолженіе 35 лѣтъ умно счастливо управлялъ своимъ огромнымъ государствомъ. Желая укрѣпить за собой прежнія завоеванія Монголовъ, Кублай весьма естественно не могъ хладнокровно смотрѣть на усилившуюся въ Персіи власть своего брата—Гулагу, который скорѣ послѣ своего блистательнаго похода въ Сирію—умеръ, оставивъ преемникомъ себѣ сына Абака. Не испрашивая позволенія великаго хана, эмиры и нойоны персидскіе избрали Абака своимъ правителемъ. Уже какъ самостоятельный государь, Абака началъ распоряжаться всею Западною Азіею какъ своею собственностью: брата своего Яшмута сдѣлалъ правителемъ Дербента и Ширвана, а своихъ близкихъ нойоновъ назначилъ намѣстниками въ другія провинціи. Не признавая надъ собою власти великаго хана Монголовъ и возбудивъ его зависть, Абака-ханъ, быть можетъ, этимъ вызвалъ со стороны Кублая насильственныя мѣры.—Вѣрный подручникъ великаго хана—правитель Кипчакской Орды Берке, по приказанію-ли Кублая или, быть можетъ, по своему собственному побужденію, послалъ одного изъ своихъ царевичей, Буку,—съ многочисленнымъ войскомъ къ Дербенту для приведенія въ покорность правителя этой области.—Яшмутъ, получивъ приказаніе помощь своего брата, отправился навстрѣчу кипчакскимъ войскамъ и въ сраженіи 1262 г. разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Самолюбіе правителя Кипчакской Орды не могло вынести этого оскорбленія, и вотъ Берке-ханъ, лишь только узналъ объ этомъ, собралъ 300.000 войска и двинулся въ Иранъ, отдавъ приказаніе мѣстнымъ правителямъ на всякій случай собирать войска въ подвластныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Этимъ вполнѣ подтверждаются и объясняются извѣстія нашихъ лѣтописей подъ 1262 г.: „бѣже тогда нужда

велика отъ иноплеменникъ, и *гонякуть христіанъ, велище съ собою воинствовати.*" [1]) Этимъ же главнымъ образомъ можно объяснить и послѣднее путешествіе Александра Ярославича въ Орду: „князь Александръ поиде къ цареви, *дабы отмолити людій отъ бѣды тоя.*" [2])

Такимъ образомъ, цѣль путешествія Александра Ярославича въ Орду въ 1263 г. состояла, съ одной стороны, въ томъ, чтобы оправдать себя и народъ передъ ханомъ за своевольное изгнаніе бесерменовъ, а съ другой стороны, чтобы выхлопотать у хана освобожденіе отъ обязанности посылать свои войска на помощь Монголамъ. Послѣднее, впрочемъ, обстоятельство по прибытіи Александра Ярославича въ Орду уже потеряло свое значеніе, потому что война съ Персами къ этому времени прекратилась. Ханъ Берке, какъ мы сказали, собравъ 300.000 войска, отправился въ Иранъ, чтобы наказать непокорнаго и отомстить за оскорбленіе, нанесенное Яшмутомъ его войску. Абака-ханъ, узнавъ о движеніи Кипчакскихъ войскъ, также собралъ многочисленное войско и двинулся навстрѣчу врагу. Дойдя до р. Куры, Берке остановился и поджидалъ непріятелей, которые и не замедлили появиться на противоположной сторонѣ рѣки. Кипчакскій ханъ первый рѣшилъ начать сраженіе, а поэтому направился къ Тифлису, гдѣ предполагалъ перейти мостъ черезъ Куру и напасть на врага. Но въ то время, когда онъ во главѣ своего войска двигался къ предположенной цѣли, онъ вдругъ заболѣлъ и умеръ. Лишенное своего предводителя войско кипчакское возвратилось назадъ. [3]) Очевидно, что Александръ Ярославичъ, пріѣхавши въ Орду, не могъ видѣть хана и принужденъ былъ поджи-

[1]) Соф. I. 190; Псков. 5.

[2]) Ibid.

[3]) Григорьевъ, Ист. Монголовъ, 34—50.

дать его. Извѣстія съ театра войны, веденной Берке съ Персами, за отдаленностью не могли скоро доходить до столицы кипчакскихъ хановъ, гдѣ въ это время находился Александръ Ярославичъ, а поэтому прошелъ значительный промежутокъ времени, пока въ Ордѣ узнали, что ханъ Берке умеръ и что война прекратилась, вслѣдствіе чего Невскому и пришлось прожить довольно долгое время въ Ордѣ. Назначеніе преемника Берке, Менгу-Тимура, также отняло довольно много времени, такъ что Александръ Ярославичъ могъ приступить къ выполненію предположеннаго намѣренія только къ осени 1263 года. Вся забота его теперь состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы оправдать себя и народъ передъ новымъ ханомъ за своевольный поступокъ съ татарскими откупщиками. Являясь посредствующимъ лицемъ между ханомъ и Русскимъ народомъ, Александръ Невскій, поручившійся предъ побѣдителями за покорность своихъ подданныхъ,—несъ теперь всю отвѣтственность передъ ханомъ за нарушеніе этой покорности. Ему, казалось, грозила участь князя Михаила Черниговскаго, а народу его и странѣ—истребленіе и разореніе. Александръ Ярославичъ понималъ всю невыгоду и опасность своего положенія, а поэтому долженъ былъ употребить все свое стараніе, чтобъ смягчить гнѣвъ хана и отвратить отъ Русской земли страшную бѣду. Излишне распространяться о томъ, какъ важна въ этомъ отношеніи услуга Александра Невскаго для нашего отечества: подвигъ говоритъ самъ за себя. Необходимо прибавить только, что выполненіе этого подвига требовало громадныхъ усилій со стороны Невскаго.—Жертвуя средствами, своимъ здоровьемъ и даже жизнью,—Александръ Ярославичъ достигъ своей цѣли, и такъ умно повелъ дѣло въ Ордѣ, что Менгу-Тимуръ простилъ Русскій народъ за его своевольный поступокъ съ татарскими откупщиками, имѣя, быть можетъ, въ виду и то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ ему предста-

влялся благопріятный случай получить съ новыхъ откупщиковъ значительную сумму денегъ, которой онъ не имѣлъ права требовать отъ прежнихъ откупщиковъ.

Окончивъ такъ счастливо свое дѣло, оказавъ новую услугу Русской землѣ,—Невскій возвращался на родину, спѣшилъ съ радостною вѣстью къ своему народу, несъ ему прощеніе хана за недавно совершенный, необдуманный поступокъ; но къ несчастью Русской земли Невскому герою не суждено было самому передать народу эту радостную вѣсть, самому сказать ему слово утѣшенія.....

Неутомимый труженикъ за Русскую землю—въ самое трудное время ея исторіи—всегда жертвовалъ всѣмъ для блага своей страны, не щадилъ ни жизни, ни здоровья. Изнуренное трудами, слабое его тѣло—требовало отдыха и спокойствія, но этого именно ему и не доставало. Весьма частые походы и путешествія въ Орду до такой степени изнурили Александра Ярославича, что, не смотря на его еще нестарые годы,—даже отъ малѣйшей болѣзни ему грозила серьезная опасность. Суровое, осеннее время года, въ которое онъ возвращался изъ своего послѣдняго путешествія въ Орду,—не мало способствовало развитію болѣзни, которая началась еще во время пребыванія его въ Ордѣ. Больной и изнуренный великій князь въ дорогѣ до такой степени ослабѣлъ, что не имѣлъ возможности продолжать дальше свой путь и, прибывъ въ лежащій на пути Нижній Новгородъ,—остановился, надѣясь отдыхомъ укрѣпить нѣсколько свое здоровье. Дѣйствительно въ Нижнемъ Новгородѣ ему сдѣлалось лучше, и онъ, почувствовавъ себя здоровымъ, рѣшилъ отправиться далѣе; но улучшеніе здоровья въ Нижнемъ Новгородѣ было только кажущимся: не успѣлъ Александръ Ярославичъ выѣхать изъ города, какъ опять заболѣлъ и заболѣлъ весьма серьезно. Уже совершенно больной, онъ едва могъ доѣхать до Городца, гдѣ

настоятельная необходимость и невозможность продолжать путь заставила его остановиться. Былъ Ноябрь мѣсяцъ 1263 г., когда Александръ Ярославичъ пріѣхалъ въ Городецъ. Болѣзнь получила сильное развитіе и заставила князя слечь въ постель. Чувствуя, что разсчетъ съ жизнью покончепъ и что уже близокъ конецъ многотрудной дѣятельности, благочестивый князь не искалъ помощи врачей, но, слѣдуя обычаю времени и собственному убѣжденію, послѣдніе дни своей жизни единственно посвятилъ Богу, принялъ монашество и схиму, получивъ притомъ имя Алексія.—Предчувствуя близкій конецъ, Александръ Ярославичъ призвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ приближенныхъ, бывшихъ при немъ князей, бояръ и даже простыхъ людей и, какъ истинный христіанинъ, полный смиренія,—началъ просить у нихъ прощенія, прощая притомъ и самъ тѣхъ, которые какъ нибудь обидѣли его въ продолженіе жизни.

Полные горя и печали, всѣ приближенные, собравшись въ комнату умирающаго князя и питая къ нему глубокую любовь и преданность, выражали скорбь свою горькимъ плачемъ. Страшно и ужасно было видѣть, замѣчаетъ лѣтописецъ, что въ такомъ множествѣ людей не было человѣка, который бы не плакалъ. Сознавая всю важность потери для себя и для отечества въ доблестномъ князѣ,—приближенные Александра Ярославича говорили: „горе намъ, дорогой господине! мы не будемъ уже болѣе видѣть красоты лица твоего, не будемъ наслаждаться сладкими рѣчами! Къ кому намъ обратиться за помощью въ бѣдѣ и кто насъ защититъ? Ибо дѣти не могутъ получить отъ своихъ родителей тѣхъ благъ, какія мы отъ тебя получили!..“ Слова эти ясно показываютъ, какъ самъ народъ цѣнилъ подвиги Александра Ярославича и его услуги на пользу отечества. Этими словами больной князь былъ глубоко тронутъ, сильно загрустилъ и, обратясь къ своимъ добрымъ и преданнымъ приближеннымъ, съ чувствомъ любви ска-

залъ: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію!“ Болѣзнь между тѣмъ такъ усилилась, что не было уже никакой надежды на выздоровленіе. Необходимо было подумать о послѣднемъ, но самомъ важномъ христіанскомъ долгѣ: Александръ Ярославичъ принялъ Св. Тайны и вскорѣ затѣмъ скончался.—Этотъ печальный фактъ совершился 14 Ноября 1263 года. [1])

„Горе тебѣ, бѣдный человѣче!,“ замѣчаютъ печально лѣтописцы наши, описывая послѣднія минуты жизни Александра Ярославича,—„како можеши написати кончину господина своего? како не испадета зѣницы твои вкупѣ со слезами? како-ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? како-же не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо человѣкъ оставити можетъ, а добра господина не мощно оставити, аще бы лзѣ и въ гробъ бы влѣзлъ съ нимъ!.....“ [2])

Вѣсть о кончинѣ великаго князя скоро достигла стольнаго города Владиміра. Прежде другихъ узналъ митрополитъ Кириллъ. Собравъ народъ и все духовенство, онъ волей-неволей долженъ былъ сдѣлаться вѣстникомъ печальнаго событія.—„Чада моя милая, говорилъ онъ, обращаясь къ собравшимся, разумѣйте, яко зайде солнце земли Русской!“ [3])—Не понимая смысла этихъ словъ, народъ вопросительно смотрѣлъ на своего пастыря. Тяжело было митрополиту прямо передать народу печальную вѣсть; онъ сдѣлалъ намекъ: народъ, быть можетъ, догадывался о чемъ говоритъ митрополитъ, но боялся ясно обнаружить свою догадку, боялся за самый фактъ; народу не вѣрилось, чтобы его доблестный князь такъ рано оставилъ жизнь и притомъ въ такое время, когда несчастная Рос-

---

[1]) Соф. I. 190; Новг. I. 58; Воскр. 163; Степен. кн. 172; Ж. б. и вел. к. Ал. Нев. 84.

[2]) Соф. I. 191.

[3]) Ibid.

сія болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась въ умномъ и дѣятельномъ правителѣ, какимъ былъ Александръ Ярославичъ. Народъ, говоримъ мы, не хотѣлъ вѣрить намеку, сдѣланному митрополитомъ Кирилломъ. Но ко всеобщему горю, митрополитъ, помолчавъ немного, горько заплакалъ и уже прямо объявилъ, что „благовѣрный и великій князь Александръ преставися отъ житія сего!“ [1]) Слова эти какъ громомъ поразили все собраніе. Но чѣмъ могъ выразить и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить скорбь свою бѣдный народъ, лишенный защитника Русской земли, неутомимаго ходатая за права, свободу и вѣру народа?—Горькій, неутѣшный плачъ въ народѣ былъ отвѣтомъ на печальную вѣсть митрополита. Весь народъ отъ мала до велика рыдалъ о своемъ князѣ.—Между тѣмъ тѣло Александра Ярославича съ честью было несено ко Владиміру. Митрополитъ Кириллъ, все духовенство со свѣчами и кадилами, множество князей, бояръ и несмѣтныя толпы народа—вышли изъ Владиміра къ Боголюбову встрѣтить гробъ своего любимаго князя. Завидѣвъ гробъ Александра Ярославича,—народъ началъ рыдать, заглушая плачемъ голоса пѣвчихъ. Земля, казалось, сочувствовала народному горю и какъ будто тряслась и стонала отъ народнаго вопля. Когда тѣло великаго князя было принесено во Владиміръ, народъ окружилъ его гробъ.—Давя другъ друга, онъ спѣшилъ послѣдній разъ взглянуть на своего любимца и въ послѣдній разъ прикоснуться къ его тѣлу. Послѣ обычнаго отпѣванія, 23 Ноября 1263 года было предано землѣ тѣло великаго князя Александра Ярославича Невскаго, *„иже много тружшеся за землю Руськую, и за Новгородъ, и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за православную вѣру.“* [2]) Потомство и церковь почтили память труженика за Русскую землю—именемъ *Святаго*.

---

[1]) Степ. кн. 373.

[2]) Соф. I. 191. Новг. I. 58. Воскр. 164.

X.

Почти въ одно время съ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ окончилъ свою жизнь и другой дѣятель Русской земли—Даніилъ Романовичъ. король Галицкой Руси. [1]) Всматриваясь внимательно въ дѣятельность и характеръ того и другаго князя, мы не можемъ не замѣтить поразительнаго сходства ихъ въ одномъ отношеніи и рѣзкаго противорѣчія въ другомъ.—Являясь представителями одного и того же народа. но въ различныхъ частяхъ Русской земли,—одинъ на сѣверѣ а другой на югѣ, оба князя почти съ первыхъ дней своего княженія благоразумно и настойчиво преслѣдовали идеи своихъ отцовъ, оба старались усилить ввѣренную имъ часть Русской земли. доставить ей прочную и великую будущность, имѣя для этого необходимыя данныя въ личномъ характерѣ: умъ, блестящее мужество, твердость къ достиженію разъ предназначенной цѣли,—умѣнье припоравливаться къ обстоятельствамъ и благоразумно пользоваться ими.—И тотъ и другой князь имѣли даже во многихъ отношеніяхъ схожій характеръ. Воспитанные въ нравственныхъ началахъ, Александръ Ярославичъ и Даніилъ Романовичъ, во всю свою жизнь ни на шагъ не отступали отъ этихъ началъ;—мягкость и доброта въ характерѣ составляли существенную принадлежность того и другаго князя. Почти съ первыхъ дней своего княженія Александръ Ярославичъ и Даніилъ Романовичъ находились въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Первый. преслѣдуя идеи своего отца Ярослава,—борется съ своевольнымъ народомъ въ Новгородѣ; затѣмъ обстоятельства заставляютъ его стать въ непріязненныя отношенія сперва съ дядею Святославомъ, а потомъ и съ родными братьями. Благоразуміе Александра беретъ верхъ надъ противниками,—но добрый князь не пользуется средствомъ сильнаго, не мститъ и не наказываетъ своихъ

[1]) По Ипатіевскому списку онъ умеръ въ 1264, а по Длугошу въ 1266 г.

недоброжелателей,—такова политика Александра Ярославича внутри государства. Извнѣ окруженный со всѣхъ сторонъ врагами,—Невскій герой раздѣлилъ свои планы дѣйствій: для Шведовъ, Ливонцевъ и Литвы онъ является страшнымъ карателемъ за нарушеніе правъ русской націи, заставляетъ западныхъ своихъ враговъ отказаться отъ несправедливыхъ и дерзкихъ притязаній,—отвергаетъ съ перваго же разу фальшивыя обѣщанія римскаго первосвященника, не увлекается его пышными обѣщаніями, зная и видя на другихъ какъ шатки и неосновательны эти обѣщанія. Относительно своихъ восточныхъ враговъ-Татаръ, Невскій, сознавая слабость своихъ народныхъ силъ, ограничивается благоразумнымъ поведеніемъ, являясь покорнымъ данникомъ хана,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своей предусмотрительности,—онъ умѣлъ отстоять неприкосновенными начала народной жизни, выхлопоталъ у Татаръ такія права своему народу, какія никогда не предоставлялись ими совершенно покоренному народу, какими были Русскіе относительно Татаръ: однимъ словомъ, поддержалъ жизнь умирающаго государства и далъ ему средства къ дальнѣйшему существованію и развитію.—Но не въ этомъ единственно заключается заслуга и значеніе Александра Невскаго. Разбирая его дѣятельность, мы съ перваго разу видимъ въ немъ потомка Всеволода III и предка Калиты и Ивана III. Отстоявъ народную свободу и права, давъ жизнь Русскому государству, Александръ Ярославичъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и собирателемъ Руси,—княземъ безотчетно распоряжавшимся какъ своими вотчинными владѣніями, такъ и владѣніями, неприкосновенность которыхъ была нарушена лишь 200 лѣтъ спустя послѣ его смерти.—Александръ Невскій для Новгорода былъ почти тѣмъ-же, чѣмъ впослѣдствіи для него былъ Иванъ III.—Невскій смѣло могъ сказать: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую во Владимірѣ,“ и вольные мужи не могли-бы

противорѣчить и не имѣли на это необходимыхъ средствъ: на сторонѣ Александра была сила и умъ, а главное народная любовь. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ выясненныя нами выше отношенія великаго князя Александра Ярославича къ Новгородцамъ.—Если-бы судьба такъ рано не похитила славнаго князя у Русскаго народа, то, быть можетъ, онъ и успѣлъ бы выполнить идею своего отца относительно объединенія раздробленнаго Русскаго государства; но если онъ этого не успѣлъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ указалъ своимъ преемникамъ истинный путь и легчайшій способъ къ достиженію этой цѣли. Но къ несчастію, ближайшіе преемники Александра, уступая ему въ государственной мудрости и распорядительности, совершенно упустили изъ виду благія намѣренія и цѣли Александра Невскаго. Дѣятельность ихъ ограничивалась главнымъ образомъ междоусобными спорами и интригами другъ противъ друга; не было того спасительнаго единодушія, которое было вызвано дѣятельностью Александра Невскаго,—а вслѣдствіе этого и бѣдственное положеніе Русскаго государства подъ гнетомъ Татаръ протянулось болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ.

Такова была дѣятельность Александра Невскаго, какъ мы сказали, схожая во многихъ отношеніяхъ съ дѣятельностью Даніила Романовича.—Подобно Александру Ярославичу, и Галицкій князь съ первыхъ же дней своего княженія былъ окруженъ врагами и внутри своего государства и внѣ.—Непріязненные бояре, съ одной стороны, а князья родственники и неродственники,—съ другой, заставляли Даніила Романовича постоянно опасаться за цѣлость своихъ владѣній и даже за самую жизнь. Оскорбленія, интриги и покушенія на жизнь были на каждомъ шагу. [1]) Подобно Александру Невскому, и

[1]) Такъ галицкіе бояре сносятся съ двоюроднымъ братомъ Даніила, Александромъ Бѣлзскимъ, съ цѣлью лишить Даніила власти, а затѣмъ и убить его. Случай спасаетъ князя Галицкаго.

Даніилъ Галицкій благоразуміемъ своимъ одержалъ верхъ надъ противниками, но также не мстилъ и не наказывалъ ихъ. [1]) Внѣшніе враги: Половцы, Литовцы, Поляки и Венгры-также заставляли Даніила Романовича постоянно держаться настороже. Дѣйствуя то въ одиночку, то сообща,—всѣ эти враги собирались уничтожить владѣнія Галицкаго князя, но всѣ попытки ихъ были напрасны: мужество Даніила и благоразумная его политика, высказавшіяся въ этой борьбѣ во всемъ своемъ блескѣ, заставили его враговъ не только отказаться отъ всѣхъ притязаній,—но и вселили въ нихъ страхъ къ Даніилу,—княжество котораго все болѣе и болѣе увеличивалось и укрѣплялось. Но вотъ появились Татары. Опустошительнымъ ураганомъ прошли они по всей южной Руси, изъ конца въ конецъ разорили Галицію, жителей большею частью истребили или захватили съ собою. Страшный видъ представляли владѣнія Даніила по уходѣ Татаръ. Труды Даніила и заботы многихъ лѣтъ какъ будто и не существовали. Слѣды гражданственности, установившейся и окрѣпшей при Даніилѣ и его отцѣ,—исчезли. Вся страна представляла пустыню, лишенную населенія, съ разрушенными городами и селами. Но и въ такихъ обстоятельствахъ Даніилъ Романовичъ не унываетъ. За недостаткомъ населенія—онъ пригласилъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Армянъ и Евреевъ населить его страну. Вмѣстѣ съ населеніемъ появились и города. Торговля и промышленность закипѣли по прежнему. Страна оправилась отъ недавняго погрома и, можно сказать смѣло, пришла въ цвѣтущее состояніе, благодаря дѣятельности и благоразумной распорядительности Даніила Романовича. Но лишь только установился этотъ внутренній порядокъ, какъ враги Даніила снова поднялись на него, но и на этотъ разъ безу-

[1]) Таковъ поступокъ его съ 28-ю боярами, умышлявшими на его жизнь. Соловьевъ. Ист. Росс., III, 160.

спѣшно. Побѣда подъ Ярославлемъ, одержанная Даніиломъ и его братомъ Василькомъ въ 1249 г. надъ Ростиславомъ Михаиловичемъ Черниговскимъ и его союзниками Уграми и Поляками, окончательно утвердила Даніила на Галицкомъ столѣ и избавила его отъ враждебныхъ соперниковъ. Эти успѣхи ободрили князя Галицкаго, онъ считалъ себя уже вполнѣ независимымъ государемъ, но 1250 г. разочаровалъ его. Отъ Татарскаго владыки Батыя явилось грозное посольство, требовавшее Даніила въ Орду для изъявленія полной покорности. Видя еще безсиліе своего государства, неспособность сопротивляться сильному врагу, Даніилъ, сынъ Романа Великаго,— рѣшилъ отправиться въ Орду. Батый принялъ его съ честью, но „злѣе зла“ показалась ему татарская честь. Ханъ оставилъ за Даніиломъ всѣ его земли, но, не смотря на это, Галицкій князь считалъ себя обиженнымъ и униженнымъ въ глазахъ цѣлаго свѣта; въ душѣ его горѣла жажда мести и удовлетворенія оскорбленнаго самолюбія. Съ этого времени дѣятельность князя Галицкаго и его политика относительно Татаръ составляютъ рѣзкое противорѣчіе съ политикой князя сѣверной Руси—Александра Ярославича. Лишь только Даніилъ Романовичъ возвратился отъ Татаръ, тотчасъ приступилъ къ выполненію своего намѣренія. Имѣя въ виду поднять на Татаръ всю Европу, онъ завелъ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV, обѣщалъ ему сдѣлаться покорнымъ сыномъ намѣстника Св. Петра, лишь-бы только онъ проповѣдывалъ крестовый походъ на поганыхъ Татаръ; въ доказательство своей покорности принялъ даже отъ представителей папы королевскую корону, но скоро разочаровался въ своихъ надеждахъ на св. отца: обѣщанной помощи не получилъ, потому что время крестовыхъ походовъ прошло, и римскіе первосвященники потеряли уже свое когда-то сильное значеніе. Оставивъ за собою королевскій титулъ, Даніилъ прервалъ сношенія съ Западомъ и началъ

думать о своихъ личныхъ средствахъ. Собираясь свергнуть съ себя ненавистную честь Татаръ—считаться ихъ данникомъ, король Галицкій началъ укрѣплять свои города, обучать войско и не позволялъ уже татарскимъ баскакамъ своевольно хозяйничать въ своихъ владѣніяхъ. Слабые силою татарскіе чиновники не могли противиться дѣйствіямъ Даніила и до поры до времени сносили его не совсѣмъ подданническіе поступки. Но усилившись, князь Галицкій этимъ не довольствовался: въ 1257 г. онъ вздумалъ уже открытою силою заявить Татарамъ свое недовольство. Успѣхи въ борьбѣ съ слабымъ татарскимъ баскакомъ Куремсою много ободрили его; но послѣдующія обстоятельства показали, что Даніилъ Романовичъ слишкомъ рано принялся за выполненіе своей идеи—сверженія Татарскаго ига.—Вмѣсто Куремсы съ сильными татарскими полками явился баскакъ Бурундай. Уступая превосходству непріятельскихъ силъ, Даніилъ опять долженъ былъ смириться, опять долженъ былъ признать себя данникомъ ненавистныхъ Татаръ. Отъ своей преждевременной попытки Даніилъ Романовичъ выигралъ только то, что по приказанію Бурундая долженъ былъ самъ разрушать укрѣпленія своихъ городовъ, и такимъ образомъ и на будущее время долженъ былъ отказаться отъ возможной попытки сопротивленія степнымъ полчищамъ восточныхъ варваровъ. [1])

Такое рѣзкое противорѣчіе въ политикѣ относительно Татаръ двухъ дѣятелей Русской земли—Даніила Романовича, короля Галицкаго, и Александра Ярославича, князя Суздальскаго, выясняетъ намъ ошибки перваго и показываетъ благоразуміе втораго.

Недальновидная политика Даніила Галицкаго относительно Татаръ, вражда между ближайшими его преемниками, свое-

---

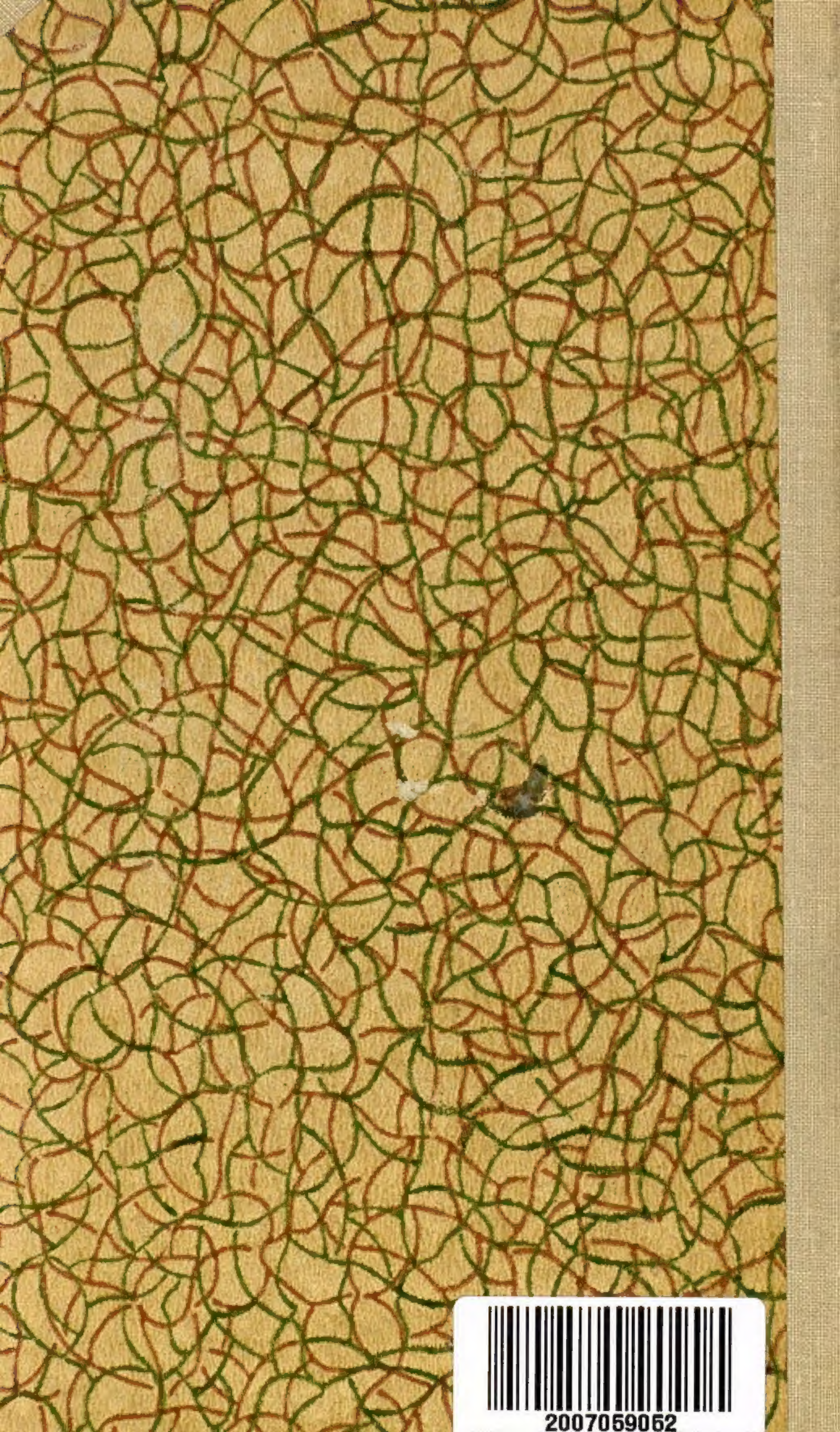
[1]) Соловьевъ, Ис. Рос. III, 157—222; Карамзинъ, Ис. Г. Р. IV, 18—106.

воліе Галицкихъ бояръ, безпорядки и смуты внутри государства, какъ результатъ отсутствія сильной государственой власти,—были причиною того, что Галицко-Волынское княжество, занимавшее почти всю нынѣшнюю юго-западную Россію, начало ослабѣвать въ политическомъ отношеніи, и не прошло 100 лѣтъ послѣ смерти Даніила Романовича, какъ Червонная Русь была отторгнута отъ остальныхъ Русскихъ земель, а значительная ея часть и до нашихъ дней еще остается подъ игомъ чуждаго и враждебнаго намъ народа. 1349 годъ былъ роковымъ для Галича: въ этомъ году польскій король Казиміръ присоединилъ Галичъ къ Польшѣ и тѣмъ положилъ конецъ его самостоятельному существованію.—Это случилось какъ разъ въ то время, когда на сѣверо-востокѣ Русской земли уже закладывались прочныя основы государственнаго быта. Александръ Ярославичъ сдѣлалъ свое дѣло. Хотя *ближайшіе* его преемники и продолжали еще враждовать между собою, часто призывали Татаръ, которые опустошали Русскую землю и тѣмъ еще болѣе ослабляли ее, но духъ Невскаго героя преемственно передавался въ родѣ тѣхъ сначала слабыхъ и мало-значительныхъ князей, которые владѣли небольшою Московскою областью. Не прошло и 100 лѣтъ послѣ смерти Александра Невскаго, при его внукѣ Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ (1328—1341 г.), какъ разъ въ то время, когда старая юго-западная Русь доживала свои послѣдніе дни, на сѣверо-востокѣ, въ молодомъ Московскомъ княжествѣ, заложены были прочныя основы новыхъ государственныхъ порядковъ и получили широкое развитіе тѣ идеи, иниціаторомъ которыхъ послѣ татарскаго нашествія былъ знаменитый Александръ Ярославичъ Невскій. Величайшая заслуга этого славнаго князя и защитника Русской земли заключается именно въ томъ, что онъ, такъ сказать, далъ своимъ преемникамъ программу той дѣятельности и той политики, слѣдуя которой Московскіе князья мало-по-малу собрали около себя всю Восточную Русь......

Уже современники Александра Ярославича высоко цѣнили его дѣятельность и заслуги для Русской земли; въ ихъ глазахъ онъ былъ *солнцемъ*, которое согрѣвало и давало жизнь несчастному народу и бѣдной странѣ; съ закатомъ этого солнца народъ ожидалъ своей гибели. [1]) Лѣтописцы, современники Александра Невскаго, сравниваютъ его съ Александромъ *Великимъ*. Благодарное потомство могло-бы по справедливости присоединить этотъ титулъ къ имени Невскаго героя, еслибы ему не было присвоено церковью болѣе высокое названіе *Святаго*. Его высокія нравственныя качества, истинно святая жизнь и, наконецъ, его заслуги для церкви съ христіанско-православной точки зрѣнія, конечно, стоятъ выше его политической дѣятельности,—но и за послѣдней нельзя не признать великаго значенія и нельзя не согласиться съ лѣтописцемъ—современникомъ, что *великій князь Александръ Ярославичъ „пострада Богови крѣпко" и „много труждшеся за землю Руськую, и за Новгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за православную вѣру"*......

---

[1]) Когда митрополитъ Кириллъ сообщилъ Русскому народу печальную вѣсть о смерти Александра Ярославича, то „вси людіе мнозіи вопіяху, глаголюще: уже погибаемъ!" Софійск. I. 191.

2007059062